

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 4 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

УДК [1+93/94+32](06)
ББК 60+87я437
П18

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор:

Е. Н. Максимова, д-р полит. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Д. В. Маковская, канд. полит. наук

Редакционная коллегия:

Авдонин В. С., д-р политических наук (Москва); Алиев А. А.-Г., д-р ист. наук (Москва); Аликберов А. К., канд. ист. наук (Москва); Андросов В. П., д-р ист. наук, профессор (Москва); Бармина Е. А., канд. филол. наук, доцент (Севастополь); Белоглазов Р. Н., канд. ист. наук (Севастополь); Гарас Л. Н., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Дмитриев В. В., канд. ист. наук, доцент (Севастополь); Ефременко Д. В., д-р политических наук (Москва); Жиртуева Н. С., д-р филос. наук, доцент (Севастополь); Зайцев И. В., д-р ист. наук, доцент (Москва); Ирхин А. А., д-р полит. наук, доцент (Севастополь); Кабаченко А. П., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Козлов М. Н., д-р ист. наук, доцент – редактор истор. рубрики (Севастополь); Миронов А. В., д-р филос. наук, доцент – редактор филос. рубрики (Севастополь); Наумкин В. В., д-р ист. наук, профессор, академик РАН (Москва); Скворцов Л. Д., д-р филос. наук, профессор (Москва); Скребец Е. В., д-р полит. наук, доцент – редактор полит. рубрики (Севастополь); Чихарев И. А., канд. полит. наук, доцент (Севастополь); Шаронова В. Г., канд. ист. наук (Москва).

Editor-in-chief

Maksimova E.N., Doctor of Political Sciences, Docent

Executive secretary

Makovskaya D.V., Candidate of Political Sciences

Editorial Board:

Avdonin V.S., Doctor of Political Sciences (Moscow); Aliev A.A.G., Doctor of Historical Sciences (Moscow); Alikberov A.K., Candidate of Historical Sciences (Moscow); Androsov V.P., Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow); Barmina E.A., Candidate of Philological Sciences, Docent (Sevastopol); Beloglazov R.N., Candidate of Historical Sciences (Sevastopol); Garas L.N., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Dmitriev V.V., Candidate of Historical Sciences, Docent (Sevastopol); Efremenko D.V., Doctor of Political Sciences (Moscow); Zhirtueva N.S., Doctor of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Zaytsev I.V., Doctor of Historical Sciences, Docent (Moscow); Irkhin A.A., Doctor of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Kabachenko A.P., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Kozlov M.N., Doctor of Historical Sciences, Docent – Editor of Historical Section (Sevastopol); Mironov A.V., Doctor of Philosophical Sciences, Docent – Editor of Philosophical Section (Sevastopol); Naumkin V.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); Skvortsov L.D., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Moscow); Skrebets E.V., Doctor of Political Sciences, Docent – Editor of Political Section (Sevastopol); Chikharev I.A., Candidate of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Sharonova V.G., Candidate of Historical Sciences (Moscow)

П18 Парадигмы истории и общественного развития [Текст] : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГАОУ ВО «Севастоп. гос. ун-т» ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; редкол.: В. С. Авдонин [и др.]. — Вып. 13. — Севастополь : СевГУ, 2019. — 84 с. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой. Сборник выходит 4 раза в год. Издаётся с января 2016 г. Сборник зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN (ISSN: 2500-4190), Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-64133 от 25 декабря 2015 г.), индексируется в библиографической базе данных научных публикаций российских учёных РИНЦ.

СОДЕРЖАНИЕ

Политические науки

Чихарев И. А.

Севастопольс: опыт реконструкции севастопольской политической традиции. Часть I. 5

Блинов В. В.

Просвещенный традиционализм: рациональные аргументы в пользу духовно-философского течения мысли 13

Кондрашихин А. Б.

Научный потенциал города в изучении проблем Ближнего Востока (по открытым источникам) 21

Шавардова Е. Ю.

Особенности политического языка как средства коммуникации в публичном управлении..... 26

Ярмак О. В., Шкайдерова Т. В., Цепкова А. С., Лысенко Е. А., Нечволод Д. А.

События Крымской весны в медиапространстве стран Германии и Франции: результаты контент-аналитического исследования. 30

Исторические науки

Коваленко В. В.

Восемь лет в Средиземноморье: одиссея капитана Сорокина 40

Кабаченко А. П.

Методология исследования истории Большого Средиземноморья 51

Козлов М. Н.

Причины Корсунского похода: факты против мифов 62

Иванов С. В.

Организация и функционирование системы таможенных учреждений Российской империи на территории Крымского полуострова в 1783–1788 годах. 67

Даховник Л. Л.

Цели и последствия советско-афганского конфликта..... 75

Философские науки

Чугунов С. В.

Русская философия о значении православной веры 79

CONTENTS

Political Studies

- Chikharev I. A.**
Sevastopolis: An Experience of Reconstruction of Sevastopol Political Tradition. Part I 5
- Blinov V. V.**
Enlightened Traditionalism: Rational Arguments in Favor of the Spiritual Philosophical Thought 13
- Kondrashikhin A. B.**
Scientific Potential of the City in Studying the Problems of the Middle East (Based on Open Sources) 21
- Shavardova E. Yu.**
Peculiarities of Political Language as a Means of Communication in Public Management..... 26
- Yarmak, O. V., Shkayderova, T. V., Tsepikova, A. S., Lysenko, E. A., Nechvolod, D. A.**
Events of the Crimean Spring in the Media Space of Germany and France: Results of Content-Analytical Research 30

Historical Studies

- Kovalenko V. V.**
Eight Years in the Mediterranean: The Odyssey of the Captain Sorokin 40
- Kabachenko A. P.**
Research Methodology of the Great Mediterranean Region History 51
- Kozlov, M. N.**
Causes of the Korsun Campaign: Facts Against Myths..... 62
- Ivanov S. V.**
Organization and Functioning of the Russian Empire Customs Institutions System on the territory of the Crimean Peninsula in 1783-1788 67
- Dakhovnik L. L.**
Goals and Consequences of the Soviet-Afghan War 75

Political Studies

- Chugunov, S. V.**
Russian Philosophy on the Meaning of the Orthodox Faith 79

УДК 321.5(1-924.71-21)

В статье рассматриваются истоки политической традиции Севастополя на историческом материале со второй половины I тысячелетия до н.э. до конца I тысячелетия н.э., а также место Севастополя в исторической памяти и историографии России и зарубежных стран. Автор приходит к выводу: объективная роль Севастополя в отечественной и мировой истории игнорируется, что приводит как к повторяющимся попыткам установления внешнего силового контроля над городом, так и к сегодняшнему непризнанию Севастополя частью России. С точки зрения автора, Севастополь представляет собой особую геополитическую зону, характеризующуюся специфическим сочетанием открытости и закрытости. Исходную политическую традицию Севастополя автор характеризует как потестарную, котрадикторную и основанную на военной демократии. Учитывая сложившийся вокруг Крыма и Севастополя уникальный синтез европейских, азиатских и морских народов и культур, а также христианской традиции, автор утверждает, что контролировать Крым может только Российская Федерация как государство, основанное именно на такого рода синтезе.

Ключевые слова: Севастополь, Крым, Россия, история, политика, культура, историческая память

И. А. Чихарев, доцент, канд. полит. наук,

Директор института общественных наук и международных отношений

Севастопольский государственный университет

E-mail: ichikharev@yandex.ru

СЕВАСТОПОЛИС: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ. ЧАСТЬ I.

Севастополь – это не Крым и не Симферополь. Херсонес - это не в Херсоне, не в Греции и не на Украине. С этих банальных для севастопольцев, но иногда удивительных для многих, даже высокообразованных россиян фактов, приходится начинать статью. Действительно, город федерального значения, город-герой, «город, достойный поклонения»¹ не артикулируется многими не только в этих значениях, но и вообще как нечто большее чем «город в Крыму». В статье мы поговорим о причинах этого различия в названии и самооценке, с одной стороны, и внешнем восприятии города – с другой. Также постараемся объяснить, чем же он является объективно, независимо от восприятия. Для этого будут использованы категории политической науки, то есть собственно науки о полисах, к каковым по названию и принадлежит Севастополь.

В статье мы постараемся проследить корни севастопольской политической традиции, то есть устойчивых в большом историческом времени моделей политического действия, стратегиях политического поведения, характерных для Севастополя как геополитического субъекта и сообщества, занимающего определенное месторазвитие [6], [2]. Придерживаясь этих корней, но исторически развиваясь, город федерального значения обретает свое место в современности.

Место Севастополя в федеративном пространстве России и в целом в мировом политическом пространстве – также вопрос политической науки. История может рассказать о том, чем Севастополь

¹ Прилагательное Σεβαστός... имеет ясную этимологию. Это слово происходит от корня -σεβ- (> *-sau-) со значением «почитать», «боготворить», «преклоняться», который является весьма продуктивным... Τὸ σεβας (благоговение), ἡ σεβασίς (поклонение), τὸ σεβασμα (предмет поклонения), ἡ εὐσεβεία (благочестие), εὐσεβής (благочестивый), ἡ ἀσεβεία (нечестие) были очень употребительны в греческом языке. Слова, однокоренные Σεβαστός, появляются очень рано. Так, глаголы σεβῶ (поклоняться), σεβάζομαι (почитать богов) встречаются уже в произведениях Гомера (Ном. II. IV. 242: σεβεσθε; VI. 167. 417: σεβάσσοιο)... вопрос о семантике Σεβαστός не представляет особых трудностей. Все словари дают его перевод «священный», «почтенный», «достойный поклонения», не забывая при этом указывать, что это слово является греч. эквивалентом лат. augustus [8]

был, но не скажет, чем он стал и чем будет или должен быть. Поэтому методологически мы будем опираться на историю, но не полностью полагаться на неё. Ведь Севастополь никогда не был городом, с которым история случилась - он всегда был субъектом коллективного целедостижения, то есть субъектом политики, который творил историю сам. Эпистемологически мы видим в нашем исследовании риск достигнуть и пересечь зыбкую грань между научным объективизмом, исторической истиной, политической компаративистской - и метафизической сакральностью, правдой истории и политической субъектностью Севастополя. Но таков Севастополь - он на грани моря и суши, жизни и смерти, войны и мира, победы и поражения, сакрального и профанированного.

Неизвестный герой Севастополь

Каковы причины не очень широкой известности Севастополя как особого субъекта истории? Назовем несколько - из мировой и отечественной историографии.

Известно, что Виктор Гюго якобы называл Севастополь «Русской Троей». Контент-анализ полного собрания сочинений писателя в Национальной библиотеке Франции показывает, что напрямую этого сочетания в своём письменном творчестве Гюго не использовал, хотя и проводил некоторые отдалённые аналогии между полумифическими событиями вокруг Трои и Крымской войной [10]. Кроме того, аналогия применительно к Севастополю неудачная - в отличие от Трои он продолжает стоять. Так называл ли Гюго Севастополь «Русской Троей» и стоит ли этим гордиться?

В целом же несмотря на поэтическую строфу в тексте одного из наиболее известных в мире писателей Льва Толстого, «на скрижалях памяти человечества Севастополь всегда оставался непобежденным» [9], город мало известен миру - разве что благодаря названию «балаклава», которую получила шапка с прорезями для глаз и потерям, которые понесли здесь незадачливые иностранные захватчики - прежде всего англичане (в Крымскую войну) и немцы (в Великую отечественную). Известный британский фильм «Атака лёгкой кавалерии», описывающий гибель британского элитного подразделения, едва ли популяризирует Севастополь, да и нужна ли ему такая «популярность». Севастопольцы говорят, что живут в очень многонациональном городе, потому что в нем «есть кладбища десятков народов». В этом черном юморе есть правда, но слишком горькая для современных представителей этих народов. Севастополь памятен немцам, но не стал для них Сталинградом.

Но все это - лишь исторические следствия более глубокой причины непризнания Севастополя (мы считаем, что и сегодняшнее его западное непризнание частью России также связано с анализируемыми обстоятельствами). Севастополь (как и Крым, и все Причерноморье) считаются западом глубокой окраиной, периферией средиземноморской и европейской цивилизации. При этом и на Востоке не считают Севастополь и Крым родными. Это неприятие - общая причина и войн против Русского Севастополя, и отсутствия покаяния, и, кстати, поражений противника в этих войнах. Из него происходит и недавнее увлечение идеей «европейского» превосходства в соседнем государстве. И снова повторяется для врага севастопольское проклятье: не считаете людьми - стремитесь покорить - проигрываете - не признаете поражения. Круг замыкается.

Греки, чётко отделявшие цивилизованность и политичность от варварства, во многом были мудрее современников. Придя в Средиземноморье извне, они накопили богатый опыт колонизации и с уважением относились к понтийским народам. Боспорское царство стало крупнейшим государством греков, предвосхитившим эпоху эллинизма. Греческий полис Диоскурия (позднее - римский Севастополис, ныне - Сухуми, Абхазия) был наиболее значительным торговым хабом евразийско-средиземноморской торговли. Херсонес был основан дорийцами, то есть той же этнической группой греков, к которой принадлежали и основатели Спарты. При всей мудрости греков и синкретизме эллинизма, универсальным синтезом, действительно сформировавшим целостную средиземноморскую цивилизацию, оказалось христианство. Именно оно стёрло границы «между эллинами и иудеями», а также другими народами Средиземноморья. Севастопольская земля стала не только полноправной частью христианского мира, но проводником крещения, христианизации на всю Русь. С момента, когда на мыс Фиолент ступила нога Андрея Первозванного, Крым навсегда вошёл в христианский мир, и эта традиция не прерывалась даже в период ханства. Римляне, османы и британцы пытались ее прервать, но она пережила их империи. Влияние этих событий на севастопольскую политическую традицию мы рассмотрим позже. Здесь же проследим корни причин недостаточного уважения к Севастополю в Новой истории.

У его истоков стоят англосаксы, с планами которых в Восточном Средиземноморье пересекался греческий проект Екатерины, одним из главных элементов которого было создание новой «полуденной столицы» - Севастополя (1783 г.) и дальнейшее движение к восточным берегам Средиземного моря. Усиление России в Крыму и Закавказье напрямую угрожало британским путям в Индию через Ближний Восток. Создав к середине XIX в. инфраструктуру контроля Средиземноморья от Гибралтара до Передней Азии (но не до Причерноморья!) британцы направили всю энергию их империи на уничтожение Севастополя, который к тому моменту превратился в крупнейшую военно-морскую базу всего региона. Кроме того, Британии удалось убедить в необходимости уничтожения российского форпоста практически всю Европу. Наверное самый заметный интеллект того времени и уж точно, как и Лев Толстой, автор самого громкого в мире бестселлера - Карл Маркс - искренне радовался имеющейся у «европейско-турецкого флота возможности разрушить Севастополь» [5].

В 1856 г. в Париже был создан Севастопольский бульвар - в честь победы французов. Памятники, мосты, площади и церкви проявились во многих странах Европы и мира. Но это была, как показывает сегодняшняя история - лишь топонимика. Только площадь в Турине была названа не в честь пирровой победы «европейцев» - Сардинское королевство было восхищено мужеством защитников. При этом для Российской империи это было прежде всего болезненное поражение, да и вообще, как известно, оказалось триггером фундаментальной трансформации, закончившимся уничтожением государства. Появившиеся несколько позже в России сторонники марксизма разделяли оценку Маркса в отношении Севастополя и вообще идеологию национального пораженчества.

Достаточно широкое распространение названий, связанных с юго-западным Крымом, не остановило дальнейших посягательств западных захватчиков (включая вроде бы проникнувшихся его духом итальянцев) на город. Менее чем через 100 лет первые бомбы фашистской Германии в 3.15 утра 22 июня 1941 г. были сброшены на Севастополь. Героическая оборона Севастополя и Крымская наступательная операция по «голым цифрам» не входят в число самых кровопролитных сражений Второй Мировой войны, но по степени концентрации боевых действий и жертв на единицу площади может, к сожалению, выйти на первое место. Кроме того, по количеству официальных жертв эти битвы лишь немногим уступают всей операции союзников в Нормандии, которую считают решающим актом в победе над Гитлером не только на втором фронте, но и вообще во Второй мировой.

Но для некоторых это стало скорее поводом поскорее забыть Севастополь. По понятным причинам – для Запада и для соотечественников - по причине тяжелейшего разрушения Севастополя, на каждый квадратный метр которого, по некоторым данным, было сброшено полторы тонны летального металла и город был разрушен почти на 100%. То есть Севастополь – это в каком-то смысле отечественная Хиросима. Шрамы этого разрушения видны на лице Севастополя и до сегодняшнего дня, и видимо никогда не сотрутся.

Но Севастополь не остался кладбищем - всего 20 лет спустя начала Великой Отечественной он стал ключевой точкой глобального проецирования силы Советским Союзом. Из Севастополя Средиземноморская эскадра 30 раз выходила к берегам Нового Света. Всего четыре года спустя после освобождения Севастополя был начат уникальный проект его восстановления, благодаря которому за считанные десятилетия было создано белокаменное ядро города, сравнимое по архитектурно-художественному уровню с лучшими ансамблями Средиземноморья. Именно для восстановления город был передан в подчинение РСФСР и никогда не передавался в состав УССР с соблюдением конституционной процедуры. Разрушение города, его закрытость - с советской стороны, стыдливость и страх со стороны западных оппонентов СССР стали причинами фигуры умолчания о Севастополе в мировой повестке.

В постсоветское время молчание о неизвестном герое Севастополе объясняется уже другими факторами - его презентистским выпадением из отечественной истории и специфической ролью в украинской историографии. Например, в одном известном учебнике по севастополеведению, изданном в 2000 г. во Львове, авторы позиционируют его как космополитический, но украинский город, стремящийся в Европу [3]. Для этой же Европы, расширяющейся вместе с НАТО на восток, Севастополь был не более чем одним из важных оплотов советской империи зла, который предстояло сделать таким же сателлитом, как бывшие символы победы СССР во Второй мировой - Варшаву, Будапешт, Киев.

Новейшая российская историография также не баловала (и до сих пор не балует) Севастополь. Так, очень фрагментарно описывается его роль в греческом проекте Екатерины, обеспечении присутствия России в Средиземноморье в конце XVIII – начале XIX в., и сам факт его создания как третьей, «полуденной» столицы Российской империи. В связи с этим упускается целый тренд во влиянии России через Севастополь на мировую историю – благодаря сохранению христианского наследия Средиземноморья, культурных ценностей средиземноморской цивилизации, содействия политическому развитию Греции и балканских государств. Это влияние, которое можно считать частью общей иррадиации Русского Ренессанса XIX в., в силу своих религиозных корней и непосредственной связи с самой сутью просвещённой империи, было в существенной мере вычеркнуто из отечественной истории и не восстановлено в правах до сих пор.

В двух столицах интеллигенция продолжает спорить о том, чей же Крым, а севастопольскую версию истории пытаются творить уже знакомые нам авторы львовских учебников, археологи, осваивавшие, американские гранты и наследники советской исторической школы, считающие интеллектуала и подвижника Потёмкина не более чем авантюристом и адюльтерным фаворитом Екатерины. Это пренебрежение к екатерининскому Севастополю, исправляемое лишь воспоминанием о первой обороне, проскальзывает в словах советского писателя С. Н. Сергеева-Ценского *«величественным, знаменитым городом, назван был Потемкиным едва населенный в те времена поселок русский. Едва ли несколько сот человек жило тогда тут корабельных плотников, матросов, необходимых чиновников, екатерининского офицерства... Но имя обязывает, слишком большой вексель должен быть погашен – заслужить нужно было славное имя – «знаменитый город», и Севастополь заслужил его честно годом великой борьбы с объединенной Европой»* [7].

Названные исторические причины не позволяют Севастополю занять достойное место в мировой и отечественной исторической науке. Общее историческое невежество современников, умноженное на гибридную войну против России и исторической памяти, оставляют его неизвестным героем, погибшим в сражениях за историю.

Место в истории и место в современности

Любая роль Севастополя в истории мало что значит для современности не только потому, что все они так или иначе забыты. Главная причина - нынешние севастопольцы имеют к ним разное, но в целом - слабое отношение. Социодемографически по совершенно понятным, связанным с Великой Отечественной войной обстоятельствам, абсолютное большинство (гипотетически до 99 процентов), не являются потомками людей, основавших Севастополь в 1783 г., а тем более наследниками доминировавших на Гераклеяском полуострове народов. Их историческая память сформирована обсуждавшийся выше версией истории Севастополя. Значение города обретается в большом историческом времени, где Севастополец - это гражданин полиса, тысячелетиями накапливавшего эволюционную сложность в силу внутреннего развития и разнообразнейших внешних влияний. Севастополец – это идеальный типаж, которого среди нас нет, но который проявляется больше или меньше в каждом россияnine, причём совсем не обязательно родившемся или долго прожившем в Севастополе. Он может себя идентифицировать с разными эпохами, но в основном склоняется к идентичности, сохранённой в результате «трёх оборон».

В пространственном отношении его идентичность определяется уникальным месторазвитием, локализованным между предгорьями Крымских гор, степью, морем и Севастопольской бухтой. Оно открыто к морю и одновременно закрыто для него благодаря каменистым берегам и идеальным для береговой обороны гаваням – как говорил адмирал Лазарев «все, что только нужно для лучшего порта в мире». Поэтому сразу космополитическую историю о Севастополе как о «черноморском перекрёстке» приходится забыть как толерантную сказку для европейских детей: если это и перекрёсток, то со сломанным светофором. Перекрёсток, где чаще всего происходят аварии. И где, как сказал писатель Евгений Петров, «нет тыла – только фронт». Севастополь - это квазиоткрытый локус с максимальной волатильностью открытости и закрытости, причём ситуация не изменилась и в ракетную эпоху. Для базирования ракет и наступательной авиации Севастополь так же оптимален, как и для флота.

Эти характеристики практически «модельны» для полиса как формы политической организации. Для империи его месторазвитие амбивалентно. Казалось бы, он сугубо лимитрофен, обречён на пограничность. Но вместе с тем в его истории были периоды приближения к роли центра. Он был

периферией, но никогда не в смысле мешанства. Он никогда не был рядовым, обычным регионом. Скорее всего, Севастополь никогда не был частью nation-state, то есть устойчивого национального государства. Этим объясняются и противоречия с его вхождением в федеративное пространство: он важнейшая часть большой, по природе своей имперской идеи России, но на бытовом уровне пока не стал ее частью - наиболее характерным подтверждением этого является наличие двух паспортов у неопределённо значительной части севастопольцев.

Доисторическое прошлое Города теряется в бесчисленном множестве преданий народов и культур. Их объединяет принадлежность к очерченному выше уникальному месторазвитию, но в своём полисном качестве оно оформилось лишь около 500 лет до нашей эры. До этого можно говорить лишь о достаточно широком пространстве северо-восточного Причерноморья. Оно, несомненно, было частью центральной цивилизации и во многих смыслах мостом - каким выступали и другие части Большого Средиземноморья. Но при этом на Гераклею не могло существовать космополитизма - любая культура здесь инкапсулировалась около полузакрытых бухт и в пещерах Крымских гор. Коренным пространственным отличием севастопольского месторазвития от сходных с ним по флоре и количеству осадков средиземноморских регионов явилось уникальное сочетание открытости и закрытости, вернее, сам его характер. По пространственной структуре Крым и особенно Гераклея напоминают Пелопоннес, но в отличие от греческих месторазвитий более закрытый с моря и более открытый с континента, несмотря на узость перешейка. Таким образом, весьма характерное для Средиземноморья наслоение народов и культур сопровождалось гораздо менее характерным обособлением некоторых укоренявшихся здесь народов, проявлявших по отношению к гостям всяческое негостеприимство, зафиксированное греками в названии «Аксинский понт». Эта политическая традиция дошла до сегодняшнего дня.

В поисках аналогий здесь можно дойти и до «северного Средиземноморья» - здесь полисные ядра формировались у скалистых берегов Балтики и Северного моря. Эти «бурги», то есть Города на скале, гораздо больше напоминают Севастополь. Есть у Севастополя общее и с «градами», то есть полисами восточной Европы на великих реках. Его расположение вдоль Севастопольской бухты, в которую впадает речка Чёрная, не только напоминает фактуру Гардарик, но и соединяет причерноморский город со степью, с равниной. В итоге получился совершенный «средиземноморско-евразийский» «клапан», полностью прогибаемый в одну сторону, но жестко непроницаемый - в обратную. Используя талассократические аналогии, Севастополь - это континентальный пролив, соединяющий Средиземноморье с континентом-океаном - Евразией. Евразийский Гибралтар, Крымский Босфор (хотя это звание логичнее оставить за, во многом аналогичным по характеристикам, Керченским проливом).

Но это не перекрёсток и не мост - это скорее блокпост, через который сложнее пройти с одной из сторон. Или анизотропное шоссе с односторонним движением или реверсивным, меняющим направление эпох. Чьим является этот пост - греков, римлян, итальянцев, османов? Или скифов, сарматов, викингов, татар? Суровых автохтонов-тавров? Все они закрывали блокпост с одной стороны: для моря или для суши, для Средиземноморья или для Евразии. Но совершенно особое значение Севастополь-Херсонес приобрёл со времён раннего христианства. Благодаря ему на просторы евразийского континента удалось «впустить» мировую религию, в результате чего связь между Средиземноморьем и Евразией изменилась: макрорегионы постепенно стали духовно однородны и контрапункт степи и моря, цивилизации и варварства стал постепенно преодолеваться.

Со времён раннего Христианства Севастополь стал «вратами», через которые в обоих направлениях могли перемещаться народные движения не благодаря силе, но благодаря правде. Именно поэтому Севастополь ещё до появления русов стал русским - в смысле опоры на славяно-греческий синтез и христианские ценности. Именно они стали кодом доступа через Гераклею на просторы Евразии и из Евразии - обратно в греки. Силовые акции народов моря и суши в направлении Севастополя продолжаются и сегодня с обеих сторон, но контролировать его может только цивилизация или государство, основанное на евразийско-средиземноморском синтезе и идее равенства народов перед Богом, готовое защитить себя и другие народы во имя этой идеи. Таким государством после завоевания Византии смогла стать Россия, несколько веков потратившая на восстановление пути в греки, но затем превратившая Севастополь в надёжный блокпост. Не форпост, не лимес Российской империи, а надёжно охраняемый цивилизационный мост между тремя частями света, между Севером

и Югом, Западом и Востоком. Если посмотреть на значение Севастополя для христианства, то оно сопоставимо с ролью Рима (Ватикана), Константинополя и земель, куда направились апостолы с Христовой проповедью. Поэтому символ Таврического Афона здесь вполне уместен. А в сочетании с таврической, дорийской, понтийской, римской, сарматской и татарской потестарностью Севастополь стал русским православным Шаолинем. Именно здесь Ф. Д. Рузвельт убедился, что «на земле не могут существовать одновременно германский милитаризм и христианское приличие».

Киммерийско-скифский период истории Крыма и Севастополя позволяет выдвинуть ряд суждений относительно зачатков их политической традиции. Первой протогосударственной формой в Северном Причерноморье оказываются киммерийские и скифские союзы племён. И киммерийцы, и скифы приходят в Причерноморье с Востока, являются носителями персидского языка. Активно мигрируют и контактируют с черноморскими и средиземноморскими народами, доходят до ионического региона и Египта. Сочетают кочевой и оседлый уклады. Отличаются крайней потестарностью (воинственностью, жестокостью), под напором которой не могут устоять наиболее продвинутые цивилизации восточного Средиземноморья. Наиболее важные политологические выводы таковы: государственность в Крыму примерно на 1500 лет старше, чем Киевская Русь. На этом основании ряд историков, первым в котором является М. В. Ломоносов, склоняются к мнению, что скифскую традицию следует считать одним из источников отечественной государственности [4]. (Вывод для современности: наиболее древняя часть является, как правило, культурной, религиозной или политической столицей).

Соответственно, вокруг Крыма могут актуализироваться формы идентичности, перекрывающие конвенциональные границы Российского государства и его международных связей начиная с XX в. Киммерийско-скифский след достаточно однозначно говорит об азиатском, восточном происхождении первых государственных форм на территории современной России. Для Крыма и Севастополя это подтверждает в каком-то смысле первопрестольный статус. Вторая важная черта – амбивалентность Крыма, изначальное (и, как мы увидим далее – перманентное) наличие контрапункта различных геополитических сил - народы степи-народы моря, народы степи между собой, автохтоны-пришлые; и их сложные небинарные взаимосочетания. Потестарность остаётся практически неизменной политической традицией Причерноморья уже 3000 лет. Она, безусловно, является также зависимой переменной. Однако ее причина - не метафизический конфликт моря и суши, а вполне реальный статус Крыма и прежде всего Севастополя как «сухопутного пролива» в Евразию или, наоборот, – в Средиземноморье.

В соответствии с нашей гипотезой, такие территории (как и в целом срединные моря и особенно проливы) характеризуются состоянием совершенной, «чистой» анархии, где не может быть признана ничья власть - потому что она дала бы ее обладателю исключительные возможности контроля над геополитической и геоэкономической ситуацией. Такая реальность порождает перманентный силовой конфликт. Первопрестольность, потестарность, амбивалентность (контрадикторность), активно-оборонительное поведение – вот принципиальные характеристики Крымской и, в ещё более концентрированном виде, – севастопольской политической традиции. Тавры, дорийцы, сарматы, римляне, готы, норманны, монголо-татары, итальянцы, турки-османы, русские, англичане, немцы, американцы при всей временной дистанции и культурно-цивилизационных различиях упрямо воспроизводили вокруг Крыма силовой сценарий. Накладываясь друг на друга, они порождали множественные непримиримые идентичности и имманентный контрапункт «коренных» народов и «мигрантов». Тем не менее, в политической традиции Севастополя всегда присутствовала (но не была определяющей) мультикультурная составляющая: даже замкнутые тавры продуктивно контактировали со скифами, не говоря о многочисленных кочевниках и колонизаторах, связанных практически со всеми культурами и цивилизациями Средиземноморья и Евразии.

Совершенно особую прививку политической традиции Крым получил от Греции через Херсонес. При всей характерной для дорийцев потестарности основанный в середине первого тысячелетия до нашей эры полис и в политическом, и в культурном отношении был частью греческой цивилизации. Ее сутью (как, по всей видимости, сутью цивилизации как таковой) являлось взаимное уважение граждан полиса и признание других полисов. В сочетании с потестарностью это оборачивалось скорее высоким уровнем внутренней сплоченности. Через Херсонес в Крым и на территорию будущей России проникла классическая культура, включающая образцы социального поведения и художественного

творчества, до сих пор определяющая лицо человеческой цивилизации в целом. Наша статья - не есть опыт искусствоведческого или общекультурологического исследования, однако можно гипотезировать, что эту прививку севастопольская художественная культура несет до сих пор, в отличие от современной «европейской». На первый взгляд, Херсонес Таврический представляет собой полис перфекциониста - в нем прекрасно все - от основания дорийцами / спартанцами до уникального патриотизма в сочетании с демократией. Казалось бы, наилучшее воплощение идеи полиса, хотя Платон считал, что слишком близко к морю государство располагать опасно - в результате активной торговли портятся нравы и усиливается гражданская вражда. Этот опасный элемент действительно в культурном коде Севастополя присутствует, но не он является определяющим.

Велик соблазн объявить севастопольцев героическими наследниками спартанцев и гордых херсонеситов, но это будет весьма ангажированным ходом. Херсонес был сугубо сельскохозяйственным, торговым и достаточно периферийным небольшим греческим полисом. До сих пор отсутствуют подтверждения наличия у херсонеситов флота, хотя Страбону приписывают указание на гавань, где якобы стояла флотилия гераклейцев. Геополитически важнейшим фактором с основанием Херсонеса и других греческих колоний в Крыму становится влияние на полуостров, в особенности - на его южную часть, - классической средиземноморской цивилизации через греков, римлян, а затем и ромеев. Военным путём цивилизации моря никогда в истории так и не удалось проникнуть внутрь Крыма и Евразии (даже для Римской империи он стал одним из немногих «камней преткновения» на пути расширяющейся империи), но в Южном Крыму и прежде всего в Севастополе было создано их «полномочное представительство».

Для политической традиции Севастополя и Крыма это в очередной раз закрепило амбивалентность и противоречивость в политической культуре, но вместе с тем обеспечило его принадлежность к центральной цивилизации не только географически, но и сущностно. Центральная (классическая средиземноморская) цивилизация создала макромодель человеческого общежития, сосуществования и соразвития культур и религий на огромном пространстве. К сожалению, это не означает окончания противоречий этой цивилизации как внутри себя, так и с внешним миром. История Крыма показывает, что многочисленные отпадения народов и культур от этой цивилизации порождали трагические расколы, приводившие к взаимному уничтожению частей центральной цивилизации. Пришедшее в Крым в самом начале эры Христа христианство стало высшим выражением средиземноморского универсализма в сочетании с огромной резистентностью к гонениям и, как бы мы сказали сегодня, нарушениям прав христианских народов.

Севастополь и Крым оказались точками проецирования христианства на Россию-Евразию. Одновременно Таврида начала испытывать влияние североевропейских народов - сначала готов, а потом и норманнов (варягов-русь), народов севера, наряду с народами степи и моря оказавшими важнейшее влияние на крымско-севастопольскую политическую традицию. Подтвердив и укрепив все выделенные нами ранее принципиальные характеристики таврической политической культуры, северяне своеобразно поддержали и спартанские традиции «военной демократии». По мнению Р. Даля, демократия имеет независимое североевропейское, дружинное происхождение, объединяющее равных воинов [1, с. 49]. Они же подключили к евразийско-средиземноморскому процессу славян, вместе с ними организовав русский синтез, оказавшийся определяющим для Севастополя и Крыма во втором тысячелетии нашей эры. В целом, несмотря на множество нюансов, эра Христа в Крыму и Севастополе стала временем многогранных и многочисленных синтезов. Они, впрочем, совершенно не приобретали космополитических и толерантных форм: наоборот, в новом системном качестве эти синтетические межкультурные и межэтнические конструкции выступали субъектами агрессивно-оборонительного поведения.

Наиболее крупный межэтнический, межкультурный и цивилизационный синтез удалось осуществить Московской Руси, которая соединила в себе традиции восточных кочевых племён, греков и норманнов под эгидой христианства. **Таким образом, на материале истории Крыма можно убедительно показать, что он может быть только русским. Любая иная его принадлежность отдавала бы предпочтение лишь, одной из его геополитических традиций, лишь одному из нескольких цивилизационных начал.** Общий же вывод о месте Севастополя и Крыма в глобальной истории звучит так: это межцивилизационный блокпост, работающий на основе особого историко-политического кода, запрещающего проникновение в Евразию любой внешней агрессии, но

сверхпроводимого для культурных, ценностных и дипломатических влияний. Географически именно он является «третьим Римом» в смысле нахождения в центре междивизиационных коммуникаций или сухопутным «Гибралтаром», по которому достижения Средиземноморской цивилизации проникали в северо-восточную Евразию. Во внутривизантистическом смысле традиция Севастополя и Крыма связана с постоянной амбивалентностью, контрадикторностью, которые в мирные периоды разделяют местные сообщества, но при наличии общего врага обеспечивают высочайший уровень сплоченности. Отношение к власти – позитивное только в случае полной мобилизации при объективном наличии внешней угрозы или сконструированной модели силового лидерства. Политическая культура, безусловно, местническая: локальная / региональная идентичность как минимум не менее важна, чем принадлежность к Русскому миру. При этом характерны и подданничество, и достаточно высокий уровень политического участия. Сегодняшняя политическая культура Севастополя и Крыма весьма синкретична, что обусловлено уже современными наслоениями политических традиций – от новороссийских (с конца XVIII в.) до постсоветских и постукраинских. Их характеристику отложим для дальнейших трудов.

Список литературы

1. Даль, Р. Демократия и ее критики / Р. Даль. – М.: РОССПЭН, 2003. – 576 с.
2. Кабаченко, А. Месторазвитие Крыма и Севастополя с древнейших времен до наших дней / А. П. Кабаченко, В. В. Коваленко, И. А. Чихарев, М. А. Матросов // Парадигмы истории и общественного развития. – 2018. – №12. – С.27-37.
3. Коваленко, В. В. На черноморском перекрестке / В. В. Коваленко, Е. Б. Алтабаева. – Львов, 2000. – 264 с.
4. Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений. / М. В. Ломоносов. – СПб., 1804. – 241 с. – Ч.5.
5. Маркс, К. Восточная война. Полное собрание сочинений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1958. – Т.10.
6. Савицкий, П. Н. Географические особенности России: Растительность и почвы / П. Н. Савицкий. – Прага, 1927. – 180 с. – Ч. 1.
7. Сергеев-Ценский, С. Н. Севастопольская страда / С. Н. Сергеев-Ценский. – М., 1939. – 672 с. – Т.3.
8. Токарев, А. Н. Augustus и Σεβαστός: о семантике терминов / А. Н. Токарев // Древности 2005. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 6. – Харьков: Харьковское историко-археологическое общество, 2005. – С. 165-177.
9. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений: В 8 т. / Л. Н. Толстой. – М., 1996. – с. Т 1.
10. Hugo, V. Oeuvres complètes. Actes et paroles II, 1852-1870 / V. Hugo. – Paris, 1883.

Статья поступила в редакцию 07.04.2019

Chikharev, I. A. Sevastopolis: An Experience of Reconstruction of Sevastopol Political Tradition. Part I

The paper traces the roots of political tradition of Sevastopol referring to historical narratives of the period of 1000 B.C – 1000 A.D. It outlines the place of Sevastopol in historical memory and historical studies of Russia and foreign countries. The author concludes that an objective role of Sevastopol in Russian and Global history is underestimated and this situation leads to recurrent attempts of foreign powers to control the city and refusal to recognize it as a reunited part of Russia today. The author argues that Sevastopol is a special geopolitical area which is characterized by a specific combination of openness and closedness. He speculates that ancient political tradition of Sevastopol is about power, contradictions and military democracy. Russia as a unique synthesis of European, Asian and sea peoples, cultures along with Christian tradition, and it is possibly the only state which can control and has right to possess Crimea and Sevastopol.

Key words: Sevastopol, Crimea, Russia, history, politics, culture, historical memories.

УДК 321.01:172.1

Статья посвящена разбору идейных оснований традиционализма. Автор выделяет общие черты этого течения мысли в разные периоды европейской истории и реконструирует подразумеваемые аргументы, которые являются общими для всех его выразителей в разные времена и эпохи.

Ключевые слова: традиционализм, консерватизм, традиционное общество, права человека, теория общественного договора.

В. В. Блинов, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: 917404@gmail.com

ПРОСВЕЩЕННЫЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ: РАЦИОНАЛЬНЫЕ АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ ДУХОВНО-ФИЛОСОФСКОГО ТЕЧЕНИЯ МЫСЛИ

В политике часто приходится иметь дело с «резиновыми» понятиями. Они трактуются излишне широко и брать их в оборот в предметном разговоре рискованно, поскольку возникает большое число удивлений об отсутствии ожидаемых смыслов. Таковыми в высшей степени являются «консерватизм» и «традиционализм», ведь оба как ценностные явления наполнены противоречивыми ожиданиями от поклонников разных традиций.

Но выдумывать каждый раз новый термин иная крайность, ведь главная задача «общественных наук» если и не давать исчерпывающее объяснение, то складывать взгляды в подобие книжного шкафа, где мнения расставлены по полкам в рамках связной логики.

Мы дадим свое сутевое определение традиционализма, но с терпением отнесемся, что оно окажется в одной папке картотеки с другими воззрениями.

Политика как сражение идеологий зародилась в Европе, поэтому современники платят дань предкам, определяя свое место по отношению к порядку рассадки сил в Национальном собрании времен Французской революции. И если условно левые «измы» (социализм, либерализм) характеризуются внятыми абстракциями, то идеология «консерватизма» меняется от случая к случаю в разных странах и эпохах.

Главная «беда» определения правых «измов» в попытке соотнести современные воззрения с взглядами предшественников, кто масштаб личности высек в граните свое имя рядом с искомым термином. По умолчанию возникает стремление рассматривать консерваторов в современности как наследников идей Эдмунда Берка в мысли и Бенджамина Дизраэли в политике, а традиционалистов как наследников Рене Генона, Эрнста Юнгера, Юлиуса Эвола и Мирча Элиаде в идейных исканиях. В политике с последними дело доходит до сопоставления с фигурами, чьи имена после 1945 года называть предосудительно.

Подобный подход, берущий во внимание историю политических идей, хорош для взгляда в минувшее. В современности он ограничен в возможности создавать, поскольку в большей степени норовит одеться в платье прошлого нежели творить идейную суть исходя из злободневных задач сего дня.

Перед определением сути традиционализма мы сделаем необходимый экскурс в историю европейской политической мысли, а затем озвучим идейные характеристики, которые выходят на первый план в современности.

Говоря о традиционализме как об идеологии (подход Карла Манхейма к консерватизму как осознанному традиционализму, где последний рассматривается в виде непроговорённой тяги держаться прошлого – это про психологию [2, с. 602], следует прежде всего выделить французских Луи Бональда и Жозефа де Местра. Оба мыслителя рубежа XIX века сетовали на современность за отсутствие должным образом воплощенных в политике религиозных оснований и ратовали за более решительное укоренение католических институтов.

Последний особо интересен, поскольку, скрываясь от Наполеона в Петербурге [4, с. 22], сумел собрать кружок почитателей и вдохновил ряд наших соотечественников. Один из последователей консерватора и традиционалиста Жозефа де Местра Петр Чаадаев стал критиком православной

цивилизации, заслужив от Николая Первого эпитет «сумасшедший», что в общем-то явно показывает, как европейский традиционализм на отечественной почве оказывается хуже вольтерьянства [1, с. 125].

Главное, что следует вывести, оглядывая фигуры европейских консерваторов начала XIX века, что традиционализм выступает за преобразование современности в направлении большего укоренения традиционных идеалов.

Первая половина XX века – время «коренного» перелома. Эпоха слома порядка Нового времени, когда калейдоскоп национальных государств, изнутри скрепленных обаянием и борьбой дворянства с фабричной буржуазией, разбивается о Первую Мировую войну. По ее результатам феодалы оказываются за бортом политики, которая перемещается в область масс, манипулируемых промышленным и финансовым капиталом.

В это время расстояние между континентами преодолевается перелетом из Ньюфаундленда в Ирландию (1919). Происходит укоренение «экзистенциальной» философии, окрашивающей истари разлинованные чертежи яркими пятнами на манер импрессионизма.

Среди столпов – тех, от кого мы оттолкнемся, оглядывая наследие «традиционализма», – француз Рене Генон (1886 – 1951). Сын архитектора, увлекаемый мистикой и неведомым. Вступил в «суфийский орден» и принял ислам, при этом продолжая печататься в католических изданиях и бракосочетаясь в церкви.

Будучи всей судьбой обязанным колониализму и европейскому могуществу, считал современную западную цивилизацию проявлением упадка духа. Идеалом называл «изначальную истину» [3, с. 47], издревле явленную в Гиперборее и в последующем сокрытую от мира. Средством постижения Традиции называл интуицию и приобщение к текстам по алхимии, астрологии, нумерологии, которые при этом содержат лишь поверхностное отражение мудрости, поскольку являются подспорьем в созерцании. По мнению Генона, западная интеллектуальная традиция со времен греков взяла курс на формально-логическое выражение мысли, не способное отразить первенство духовного. Эзотерические традиции восточных религий, а индуизм – в наивысшей степени, приближены к пониманию «изначальной истины» и являют собой «чистую метафизику» [6, с. 37].

Эрнст Юнгер (1895 – 1998) – немец, с детства тосковавший о войне. В юности бежал из дома дабы поступить во французский иностранный легион, но отец нашел способ возвратить сына домой. Спустя год к великой радости Эрнста случилась Первая мировая война, которую ему довелось браво пройти до конца, собрав коллекцию из не менее двадцати ранений, «Железного креста» и ордена «За заслуги» – наивысшей награды кайзеровской Германии. По окончании войны Юнгер издал очерк фронтовых наблюдений «В стальных грозах» (1920), где вдохновенно живописал боевые впечатления, что по сей день считается образцом изящества военной прозы.

После ноябрьской революции 1918 года включился в общественную жизнь на стороне правых. Публиковался в газетах «Фёлькишер Беобахтер», издававшейся НСДАП, и «Ди Штандарте», выпускаемой «Стальным шлемом», куда входили военные. Последние считали себя резервом нации, которой к тому моменту, согласно положениям Версальского договора, нельзя было иметь значимые вооруженные силы.

Многие из его газетных высказываний были даны в поддержку национализма и «консервативной революции». В 1923 году вслед неудавшемуся пивному путчу Эрнст выпустил статью «Революция и идея», где высказался о невозможности остановить будущий переворот.

Юнгер утверждал, что революция 1918 года произошла в Германии из-за утраты Кайзеровским государством воли к жизни, но подлинной революции еще суждено разразиться в будущем, в ее основу ляжет отточенный до острия национализм. Воспринимал политику подобно Клаузевицу продолжением войны другими средствами. Высказывался, что грядущее государство должно быть национальным, социальным, обороноспособным и авторитарным.

После прихода к власти НСДАП отнесся скептически к расизму и многим другим действиям гитлеровцев. Считается, что в ряде сочинений (Гелиополь – 1949) содержится подразумеваемая критика «нацизма». В начале Второй Мировой войны служил в вермахте на французском фронте, в 1942 году был с миссией на Кавказе, по результатам чего написал «Кавказские заметки». После 1945 года не согласился с «денацификацией» и имел некоторое время сложности с публикацией сочинений. Благодаря долгим годам жизни продолжил активную общественную и писательскую деятельность, вписавшись в новые условия.

Итальянец Джулио Эвола (1898 – 1974), впоследствии изменивший имя на Юлиус, увлекался эзотерикой, оккультизмом, буддизмом и йогой. По его мнению, мужское аристократическое начало противостоит женственной демократии. Вопросу пола посвятил работу «Метафизика пола» (1958 год), переведенную на русский язык. В ней разбирает половые роли в традиционных обществах и культурах, заявляя об угасании исконного в современности вследствие сексуальной революции. Отстаивал принцип кастового общества, но с разочарованием смотрел на окружающую политику, не воспринимая ни одну силу как иерархию, сколь-нибудь приближенную идеалу.

Высказывал расистские идеи в «Языческом империализме» (1928 год), но его понимание расы было шире биологической трактовки. С неприязнью высказывался об евреях и может с оговорками на излишнюю философичность быть назван антисемитом. Участвовал в издании «Протоколов сионских мудрецов», отстаивал их подлинность. При этом не входил в состав фашистской партии Италии. После войны опубликовал работу с критикой фашизма (1964 год), где обрушился на детище Муссолини и Гитлера за извращение изначально благих государственных идей в популизме, расовых безумствах, бюрократизме.

Все перечисленные мыслители удостоились эпитета «традиционалистов», поскольку выступали за воплощение в политике давно минувших основ традиционного уклада и вскрытии подлинной силы государства, ещё не реализованной поныне. Ключевым в данном случае оказывается термин «консервативная революция», получивший широкую известность благодаря статьям в военно-националистических изданиях Веймарской республики Эрнста Юнгера.

Термин традиционализм близок конфессиональной характеристике «фундаментализм», указывающей на стремление вернуться к основам чистоты веры. Все мировые культуры, христианская, исламская, индуистская, буддистская и много ещё каких характеризуются общими чертами в стадии традиционного общества. Тут можно обратиться к злому певцу либерализма Карлу Попперу, который выделяет «открытое общество» как то, где во главе угла рациональное осмысление мира и экономика, основанная на денежном обмене, и предшествующее ему традиционное, которое характеризуется мракобесием, угнетением меньшинств и прочим славным букетом [5, с. 211].

Так вот, если для певцов оды современному западу традиционные общества кажутся ямой, из которой народы надо тащить на свет просвещения, то для традиционалистов исконный уклад являет здоровые условия, позволяющие обществу воспроизводить соплеменников, давать им благое представление о плохом и хорошем и опираться на плечи воспитанников общественный организм. Многие идеалы, трактуемые Западом как предрассудки, оказываются на поверку многовековой истории краеугольным камнем здорового общества.

Верховенство общественного над личным

Один из главных мифов современного западного общества состоит в убежденности, что представление о верховенстве прав и свобод человека является неоспоримым общественным благом, поскольку максимально соответствует интересам отдельно взятого индивида. Теория прав человека, как и любой этический свод правил, построена на аксиомах – положениях, истинность которых кажется очевидной и принимается без дополнительного обоснования. Аксиомой, лежащей в основании теории прав человека, является убежденность, что права человека – естественные и неотъемлемые свойства личности, которые не могут быть отчуждены государством.

Обратимся к психологическому механизму, который делает привлекательным очевидность подобного утверждения. Это проекция общественных правил на себя, когда каждому предлагается оценить правильность порядка путем сопоставления с собственными чувствами. Индивид выносит вердикт, поддерживающий характер общественных институтов, отвечая на вопрос, – «а хотел бы я быть на месте человека, живущего по таким правилам». Ответ на него предreshен, но не может претендовать на статус обоснованного утверждения.

Вообразить себя обществом, в котором группы людей выполняют функции органов, а здоровье отдельно взятой клетки невозможно без здоровья организма – непростая задача. Тем не менее, лишь подобная проекция может быть под стать обоснованию справедливости общественного устройства.

Общество представляет собой новое качество, в отношении которого действуют закономерности отличные от тех, с которыми сталкивается индивид. Как пример, можно привести устройство живого организма. Его отличительными качествами является способность к обмену веществ и размножению, основанных на химических и физических видах взаимодействия, но не сводящихся к ним. Устройство

ДНК, клетки, обмен веществ в органах тела - функции системы, которые не могут быть описаны с помощью химических и физических законов.

Евклидова геометрия, гласящая, что через одну точку не могут быть проведены две параллельные прямые, основана на объективном опыте человека, живущего в трехмерном пространстве. Оценка индивидом общества через свои чувства сродни тому, как если бы «очевидность» Евклидовой геометрии оценивалась существом, живущем в двухмерном пространстве. Или логика устройства молекулы подвергалась оценке с позиции «критически мыслящих» протонов или электронов.

С позиции естествознания ключевым отличием человека от животного является сознание. Оно формируется в результате развития навыков языкового общения, когда человек научается мыслить символами вместо непосредственно воспринимаемых образов. Качественным признаком, указывающим на формирование языка, является состояние, когда из разрозненных символов, олицетворяющих отдельные объекты, складывается система, где один знак может объясняться через другие. Язык сформировался в результате многовековой практики взаимодействия предков человека, пройдя эволюцию от звероподобных звуков, символизирующих объекты простейшего быта, до сигнальной системы, используемой для стихосложения и философских трактатов.

Человек – общественный продукт, появление которого возможно в результате восприятия человеческой особью интеллектуального дара прошлых поколений. Представить себе ситуацию, что автором языка стал одаренный прямоходящий индивид – нелепо, равно как и представить язык продуктом отдельной семьи. Общество первично по отношению к отдельной личности, которая становится самодостаточной, лишь восприняв тысячелетний багаж рода. Если вообразить фантастическую ситуацию, что все люди в один момент лишатся памяти и языковых навыков, это вернет человечество в звероподобное состояние.

Противопоставление верховенства личного или общественного начал необходимо находится на стороне последнего как заключающего в себе природу человека. Личность не может быть независимой от общества, будучи его продуктом, а индивидуальные права и свободы возможны лишь в той мере, в которой они не противоречат здоровью общественного организма.

По праву считаться независимыми от общества могут «маугли» – человеческие особи, лишенные воспитания, которые выросли среди животных. В отношении них тезис о верховенстве индивидуальных прав оправдан. Для сознательной личности слова о примате индивидуальных прав и свобод – заманчивая для личного эгоизма уловка, которая искажает истинную природу человека и общества.

Человек является продуктом нации, приобретая сознание с усвоением языка и культуры. Ребенка посредством слов обучают мыслить символами вместо образов непосредственного восприятия, благодаря чему у него развивается возможность обмениваться информацией и воспринимать знания. Физиологически человек как вышедший с завода компьютер остается куском железа без программного обеспечения.

Отвечая на излюбленный вопрос «прогрессивно» настроенного собеседника: почему человек должен ставить общественные интересы выше личных прав и свобод, следует ответить, что к этому обязывает факт, что спрашивающий в состоянии ходить на задних конечностях, сознавать себя личностью, говорить и рассуждать о природе общества.

Названные качества кажутся само собой разумеющимися, которые человек получает автоматически по праву рождения. Тем не менее, этот дар является плодом труда бездн поколений предков человека. Получивший его обязан сохранить условия, которые позволили ему приобщиться к ним, а еще лучше – преумножить и передать новым поколениям.

Здоровое общество, способное к самовоспроизводству и процветанию, характеризуется следующими качествами, которые друг с другом органично переплетены:

1. Патриархальной семьи;
2. Нравственных авторитетов и цензуры;
3. Подчиненности личных прав и свобод государству.

Патриархальная семья

Все многообразие общественных отношений и институтов находится в прямой зависимости от главного союза человеческих особей – семьи. Появление человека на свет, формирование его сознания и моральных качеств происходит на этой «фабрике» человеческих личностей. В здоровом обществе

семья обеспечивает главную функцию - рождает детей, формирует из них личностей, обладающих сознанием, и прививает им моральные авторитеты.

Подобная функция оказывается возможной в патриархальной семье, известной нам по крестьянскому быту доиндустриальной эпохи, где основой хозяйства являлся общий труд на земле. В нем участвовали все члены семьи под руководством отца, а большое количество детей являлось залогом благосостояния, поскольку каждый вносил значимый вклад в совместный доход.

Роль мужчины и женщины отличалась как в хозяйстве, так и в семейных отношениях. Мужчина занимался тяжелым физическим трудом, женщина выполняла вспомогательную работу. Участие женщины в общем труде было второстепенным, без ее участия семья могла прожить. В голодные годы бывали случаи, когда крестьяне избавлялись от младенцев женского пола, а при заключении брака семье невесты было принято давать приданное, призванное оправдать расходы новой семьи на ее содержание. Разделение обязанностей, возможностей и прав являлось залогом того, что женщина реализовывала себя в важнейшей для человеческого рода функции - рождении и воспитании детей.

В мире, основанном на равноправии, где мужчины и женщины выполняют одинаковые функции, семья превратилась в союз партнеров, слабо мотивированных на создание потомства. В значительном меньшинстве оказываются случаи, когда женщина выбирает в качестве пути самореализации посвящение себя рождению и воспитанию детей, а мужчина берет на себя обязанности преимущественного материального обеспечения семьи.

Для женщины желание продолжать род необходимо означает принесение себя в жертву, что находит выражение в потере внешней привлекательности, отказе от карьерного роста и риске не найти нового партнера в случае распада семьи. Мужчина в свою очередь боится взять на себя обязательства по обеспечению большой семьи из-за опасения потери жизненных удобств. Для обеспечения воспроизводства потомства в современном обществе необходимыми являются условия, которые сделают экономически оправданным для супругов выбор женщиной профессии матери, а ценности большой семьи значимыми в массовой культуре.

Семья как основа рождения и воспитания детей возможна в случае, когда мужчина и женщина нацелены на самореализацию в разных областях. Равноправие очень красивая и простая в осмыслении идея, но толковать ее стоит не плоско как схожесть в условиях существования мужчин и женщин, а как равенство в реализации данных свыше функций: женщинам – в рождении и воспитании детей, мужчинам – в обеспечении семьи. Равенство полов в «поверхностном» значении этого слова, выраженное в симметричных общественных функциях, искажает суть человеческой природы.

Нравственные авторитеты и цензура

Человек усваивает представления о добре и зле в ходе воспитания, когда авторитет родителей подавляет биологические порывы и направляет их на служение благу. В результате формируется личность, способная к созидательному взаимодействию с окружением. Главенствующую роль в очеловечивании индивида играют представления о Великом, которые утверждают сверхъестественность добра и греховность зла. Они подавляют низменные порывы и мобилизуют личность на свершения. Без Сверхучения человек ощущает себя вершиной мироздания и относится к своим слабостям снисходительно. Он оказывается лишенным заряда, направляющим на служение авторитету, и видит смысл существования в реализации личных потребностей и обеспечении комфорта.

Главным подавляемым порывом оказывается половой инстинкт. Его укрощение позволяет воспитать Человека из исполненной страстью особи. Инстинкт истончается моралью и находит выражение в искусстве, интеллектуальных достижениях, служении ближнему. Мораль сексуальной раскрепощенности лишена возможности «перенастроить» индивида. Эмансипированный человек с трудом воспринимает нравственность, ставящую общественные блага выше личных интересов. Будучи свободен в сокровенном, он теряет способность измениться ради Высшего.

Культ целомудрия, крепости семейных уз, неприязнь к демонстративному сексуальному поведению – основа мировоззрения традиционного общества. Свободы эмансипированного общества, как например, брачные права сексуальных меньшинств – не только пропаганда вредных для продолжения человеческого рода отношений, но и развенчивание представления о Великом и низменном в нравственных представлениях.

Культура западного общества «освящает» лишь некоторые запреты в отношении противоправных и криминальных действий. Традиционные же общества поддерживают сакральные установления в сфере интимных, семейных, общественных отношений и направляют человека в сторону общественного благополучия. Нежелание продолжать род, представление о государстве и обществе как техническом союзе для обеспечения личного комфорта - ключевые качества современного эмансипированного представителя западной Цивилизации. Эти черты являются признаками, указывающими на разложение общества. Их появление показывает, что в скором времени общество может перестать существовать из-за демографического вырождения и ассимиляции более жизнеспособной Культурой.

Общество становится единым организмом благодаря наличию единых каналов информации, которые обеспечивают его культурную целостность. Главенствующую роль в этом в разные периоды истории берут на себя:

- церковные приходы;
- образовательные учреждения и печатные издания;
- медиа.

Отличительной особенностью последних является их массовость и простота донесения информации. Основным способом передачи информации оказываются видимые или слышимые образы, которые менее подвержены критическому переосмыслению. Электронные СМИ оказываются могущественным средством влияния на мировоззрение людей. Они не только оказываются главным источником информации об окружающем мире, но и несут нормативную функцию. Демонстрируемые ими формы поведения воспринимаются аудиторией как стандарт общественного поведения.

Человек может считать «сомнительное» поведение уместным, совершать его, признаваясь об этом в кругу близких, но у него вызовет шок, если кто-нибудь из публичных фигур сделает подобное. Это будет восприниматься как пренебрежительное отношение к зрителю. Первоначально подобный «проступок» рождает критику, со временем начинается процесс его нормализации среди «авангардной общественности», а впоследствии – повсеместно. Происходит легализация «табу».

Популярные СМИ руководствуются рыночным принципом - спрос рождает предложение. В течение XX века они за достаточно короткий период стали главным раскрепостителями нравственных ценностей. С момента появления и широкого распространения телевидения в 50-х гг. уже к концу 60-х гг. XX в. «сексуальная революция» произвела перелом в массовой культуре и системе ценностей общества. В условиях свободы слова среди наиболее покупаемых оказались темы секса, насилия, низвержения нравственных авторитетов. Для поддержания морали, основанной на принципе авторитета традиционных ценностей, важным является цензура публичной информации.

Государство

В течение тысячелетий существование человека происходило в традиционной среде. В условиях сельского хозяйства и скотоводства основой человеческого хозяйства была семья, существующая в связи с институтами армии, дворянства и церкви. С переходом к преимущественному участию населения в промышленном производстве товаров и услуг изменения происходят в семье – основой хозяйства перестает быть совместный сельскохозяйственный труд родственников, а личный доход мужчины и женщины становится независимым и сопоставимым. Мировоззрение граждан перестает формироваться под преимущественным влиянием церковного прихода, роль «просветителя» берут на себя СМИ и образовательные учреждения. Традиции и моральные авторитеты начинают подвергаться развенчиванию.

Человек оказывается в состоянии максимальной свободы. Условия жизни больше не ограничивают и он оказывается лишен оков, сдерживающих личный эгоизм в рамках традиционных институтов. Государство становится последней «крепостью» способной сдерживать индивида в рамках норм, ориентированных на поддержание здоровья общества.

Возникновение власти один из наиболее интересных вопросов для обществоведов. Можно с иронией назвать его основным вопросом социальной философии: что принципиально для формирования государства – самоорганизация или принуждение. Ответ на него оказывается краеугольным камнем в основании ценностной картины мира.

Государство появляется в обществе, когда люди научаются возделывать землю и пасти скот, что приводит к разделению труда – часть населения оказывается занята в производстве, другая –

становится профессиональными «защитниками» или «разбойниками». В этот период происходит выделение частной собственности и начинает складываться общественное неравенство.

История приводит множество примеров, как государство формируется в результате захвата власти. Захватчики в лице шайки «разбойников» или «защитников» соседей захватывают власть над населенными землями, вводят дань и начинают регулировать жизнь подданных. Со временем складывается наследственная власть правителя, опирающегося на «дворянство», а кое-где с развитием торговли появляются олигархии и республиканские формы правления.

В качестве современных примеров показательными оказываются ситуации катастроф – природных катаклизмов, государственных переворотов, военных действий – когда люди на короткий период времени оказываются свободными от законной власти. Эти эпизоды характеризуются мародерством, насилием и максимально близки состоянию «войны всех против всех». Их пример очень показателен тем, что подобные состояния быстро сменяются либо восстановлением государственной законности, либо по примеру «начала истории» формированием новых центров общественного управления – власти криминальных группировок, полевых командиров, – которые присваивают себе функции господства.

Ситуация «общественного договора», которую рисуют некоторые европейские философы, когда свободные индивиды для прекращения «войны всех против всех» собираются и заключают договор о передачи части своих прав «суверену», с тем чтобы он обеспечил их основополагающие права, – далекая от реальности картина. Формирование государства происходит в результате «захвата», а не «объединения» по причине того, что сама способность человека к взаимодействию с окружающими ограничена. Такова природа индивида, что личные интересы он преследует с большим усердием, чем взаимодействует с другими.

Анализу подобных ситуаций посвящено большое количество работ в общественных дисциплинах. Так, известным примером является т.н. «дилемма узников», которая наглядно показывает, что двое не в состоянии достичь обоюдной выгоды из-за недоверия друг другу. Знакомый каждому пример – ситуация на автомобильных дорогах, когда из-за машин, едущих по обочине, образуется пробка в месте сужения трассы. Если бы автомобилисты перестали съезжать на обочину, пробки бы не было, но поскольку каждый рассчитывает лишь на себя и не может быть уверен в солидарном поведении другого, скорость движения снижается для всех водителей.

Зачастую механизмы зарождения общественных институтов рассматриваются на примере профсоюзного движения, когда для улучшения положения всех рабочих профессиональные объединения ограничили свободу отдельных трудящихся. Они добились от работодателей гарантии не брать на работу тех, кто не состоит в профсоюзе, чтобы обеспечить принятие всеми рабочими солидарных правил в защите коллективных интересов. Усилия рабочих могли не иметь результата, если сохранялись «штрейкбрехеры», которые не принимали общих правил своей группы – выходили на работу в момент забастовок или соглашались получать зарплату ниже требуемого профсоюзами уровня.

Демократия

Государство – это не форма взаимодействия объединившихся индивидов, а способ организации общества, подчиняющий каждого условиям совместного существования. Демократия, провозглашая власть народа, остается государственной формой правления, что подразумевает подчинение всех общим правилам. При этом народ оказывается не субъектом принятия решений, а объектом – за голоса которого борются группы интересов.

Демократия является государственной надстройкой над рыночной системой. Она существует при условии наличия развитой рыночной экономики с множеством групп влияния, которым важно поддерживать равные правила доступа к власти через избирательные процедуры. В условиях отсутствия развитой рыночной экономики и согласия «тугих кошельков» демократия легко перерождается в авторитаризм или олигархию – происходит захват власти единицами.

Демократия обслуживает рыночную систему: ее культура создает благоприятные условия для пестования покупательского спроса, а государственные институты – предложения. В условиях рынка все люди становятся частью больших или малых корпораций в системе производства, регулируемой денежными отношениями. Крестьяне, скотоводы, охотники, живущие собственным трудом,

оказываются единицами. Каждый приводит в действие надличные механизмы, создающие возможности для реализации личных потребностей.

Граждане вне зависимости от пола, происхождения, образования оказываются вовлечены в производство и продажу-покупку продуктов и услуг. Свобода выражается в возможности выбирать условия, создаваемые системой «невидимых рук». Решение вопросов, с которыми приходится сталкиваться человеку: получать образование или заниматься физическим трудом; строить семью, рожать детей и как их воспитывать, в первую очередь, зависят от рыночных условий, и лишь во вторую - от свободного выбора.

Общество движется удовлетворением покупательского спроса. Идеалы, не отвечающее интересам потребителя, становятся «предрасудками». Демократия скидывает с постаментов идеалы веры в Бога, почитание традиций и воздвигает на их месте поклонение человеку. Нравственность, Культура, Идеалы служения обществу - все это оказывается подчиненным покупательским интересам: культура наполняется ценностями в духе: «Я - центр Вселенной», «Бери от жизни все».

Позволим себе метафору. Рыночное общество сродни зверю (Откр. 13:18), воля которого движется удовлетворением страстей и потребностей низшего порядка, а формы и облики, которые он принимает, зависят от особенностей промышленного производства. С усложнением денежной системы складывается ситуация, где устройство общественного организма кратно удаляются от условий производства. В результате государство из последней «крепости», способной ограничивать личность от действий, направленных против интересов рода, превращается в охранника рынка, движимого индивидуальным эгоизмом.

Заключение

Оптимальное устройство государства позволяет сдерживать общественную систему от разложения патриархальной семьи и морали, не вписывающиеся в индустриальные условия жизни. Это возможно в авторитарных режимах: монархии, диктатуре, а также демократии, где народовластие в принципиальных вопросах ограничивается институтами - носителями Сверхучения. К последним примерам относится Иран, где Корпус стражей исламской революции и Аятолла опекают власть народных представителей, а также Советский Союз и Китайская Народная Республика с контролем Коммунистической партии органов государственного управления.

Мысли изложенные в этой статье перекликаются с идеями социалистов, коммунистов, националистов, консерваторов, представителей религиозных конфессий. Объединяющая идея – традиционный по своей сути посыл о примате коллективного над индивидуальным для обеспечения жизнеспособности человеческого общества.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев. — СПб.: Азбука-классика, 2008. — 318 с.
2. Манхейм К. Консервативная мысль // Манхейм К. Диагноз нашего времени – М.: Юрист, 1994
3. Мероз, Л. Рене Генон. Премудрость посвящения / Л. Мероз. — Москва: Энигма, 2013. — 238 с.
4. Местр, Ж. де. Петербургские письма. 1803 – 1817 / Ж. де Местр. — СПб: Инапресс, 1995. — 336 с.
5. Поппер, К. Открытое общество и его враги. В 2-х т. / К. Поппер. — М.: Культурная инициатива, 1992. — 448 с. — Т1.
6. Стефанов, Ю. Н. Рене Генон и философия традиционализма / Ю. Н. Стефанов // Вопросы философии. — 1991. - № 4. — С. 31 - 42.

Статья поступила в редакцию 24.04.2019

Blinov, V. V. *Enlightened Traditionalism: Rational Arguments in Favor of the Spiritual Philosophical Thought*

The article is devoted to the analysis of the ideological foundations of traditionalism. The author identifies the common features of this flow of thought in different periods of European history and reconstructs the implied arguments that are common to all of its spokesmen at different times and eras.

Keywords: traditionalism, conservatism, traditional society, human rights, theory of social contract.

УДК 001.3/.8(470.75-24):327(5-15)

Рассмотрена группа показателей количественной и качественной характеристики научного потенциала города как совокупности опубликованных в открытом доступе работ по тематике и с методологией, применимых к исследованию ближневосточного региона. Показана достаточность совокупных характеристик для решения текущих и перспективных задач сотрудничества на международном уровне.

Ключевые слова: Ближний Восток, арабистика, научный потенциал, образовательная организация, доктор наук

А. Б. Кондрашихин, профессор, д-р экон. наук, канд. техн. наук

Академия труда и социальных отношений в г. Севастополе

E-mail: kondrashihin.a@mail.ru

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОРОДА В ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (ПО ОТКРЫТЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Глобализация пространства мировой экономики, социально-экономические трансформации постсоветского пространства обуславливают задачи научного осмысления происходящих перемен в многомерном координатном измерении, с задействованием потенциала различных научных отраслей, интеллектуальных усилий учёных для благополучного и мирного разрешения международных, межрегиональных проблем, профилактики конфликтов, противодействия терроризму и экстремизму. Важным становится исследование способности научного сообщества, пребывающего в границах городской территории, создавать новые знания на концептуальном уровне, отрабатывать парадигмальность, предлагать конкретные мероприятия и схемы в международной сфере. Традиционные связи России со странами Ближнего Востока приобретают новое звучание под воздействием обновляющихся факторов геополитического [9, с. 8-17; 11, с. 323-325; 15, с. 3-7], политико-правового [13, с. 3-5], экономического [3, с. 3686], информационного содержания [5, с. 7-11], а перспективность их совершенствования во многом зависит от способности учёных своевременно воспринимать и обрабатывать объектно-предметную плоскость, предлагать методики и технологии адекватного ответа [1, с. 9-13; 14, с. 100-106], способствовать налаживанию диалога и сотрудничества [4, с. 78-79; 10, с. 23-25].

Научный потенциал Севастополя формировался, начиная с советского периода благодаря функционированию двух академических институтов (Институт биологии южных морей имени А. О. Ковалевского, Морской гидрофизический институт), двух университетов (марксизма-ленинизма), двух военно-морских училищ (Черноморское высшее военно-морское училище имени П. С. Нахимова, Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище), Севастопольского приборостроительного института. Вокруг этих учреждений концентрировался научный потенциал и материально-техническая база научного исследования, работали советы по защита диссертаций, часть из которых имела гриф «Для служебного пользования».

Для количественного анализа и структурирования научного потенциала города использованы сведения из источников с открытым доступом: данные государственной службы статистики, отчётность научных и образовательных учреждений, официальные сайты, бюллетени Высших аттестационных комиссий, каталоги библиотек, включая электронные библиотечные системы. Недостатком предложенной модели является некоторое отставание во времени фиксации данных от фактического кадрового состава научного или образовательного учреждения, где трудится учёный. Это создаёт систематическую погрешность оценки, поскольку кадровые документы, отражающие демографическую динамику (прибытие в город – убытие на иное место жительства, естественная динамика, выход на пенсию, прекращение трудовых отношений и т.д.), не изучаются в открытом доступе. Ещё одна систематическая погрешность возникает вследствие формализации учёта авторского вклада в совокупный потенциал по специальности докторской диссертации (для лиц – докторов наук). При этом специальность кандидатской работы, если она отличается шифром от докторской, оказывается проигнорированной. Соответственно, и индивидуальный потенциал доктора наук несколько суживается до специальности докторской диссертации.

По открытым источникам инструментами семасиологического анализа можно идентифицировать тематику диссертационных (монографических) исследований, рассчитывать их объём в страницах печатного текста (количестве символов, печатных листах или иная мера), составить территориальную

организацию учреждений, выдававших дипломы о научных степенях, установить динамику присуждения ученых степеней по годам и в номенклатуре специальностей. То есть составляется «пласт» научного потенциала диссертационных исследований нарастающим итогом с привязкой к личности учёного-исследователя и к демографическим параметрам (численность, возрастно-половая структура, трудовая миграция, естественные прирост или убыль и др.).

Из этих открыто предлагаемых сведений формируются выборки с фиксацией авторского вклада каждого учёного в совокупный научный продукт. Научная новизна, методология исследования, полученные и обнародованные результаты, навыки постановки эксперимента и обработки информации, защищённые публично и внедрённые в практику, становятся важнейшими составляющими научного потенциала региона. Тогда количественный анализ этих составляющих трансформируется в задачу компаративистики сопоставлением параметров выборки с выстраиваемыми задачами научного поиска. Присутствие в выборке лиц с тематикой исследований, относящихся к арабскому миру, религиоведению, культурологии, языкам, истории формированию отношений России и СССР с ближневосточным регионом, фундаментальным и философским проблемам международного, межнационального, межкультурного взаимодействий, гипотетически принимается как ресурсный потенциал городской науки.

Отдельным блоком можно рассматривать потенциал городской науки в отрасли экономики с упором на транспортные, энергетические задачи с учётом новейших региональных исследований и частичным заимствованием их методологии, адаптированной под рыночный механизм хозяйствования с атрибутами конъюнктуры, конкурентоспособности, плавающих курсов и ставок финансовой системы. Также актуальным становится налаживание работ в сфере оборонного комплекса, где позиции Севастополя второй половины XX века выглядели довольно устойчивыми.

По предложенной методике не представляется возможным учесть в научный потенциал результаты научной деятельности, которые не получили традиционных признаков публично защищённой диссертации (опубликованной научной монографии): отсутствуют ссылки на диссертацию и автореферат в библиотеках обязательной рассылки; диссертация подготовлена, но не проходила процедуру публичной защиты; диссертация выполнена с признаками режимности информации – государственная тайна, для служебного пользования, военная тематика и др. Такой массив исследований не отражён в публичных источниках, а о его присутствии в городе можно судить лишь по косвенным признакам, относя к погрешности результата предложенной методики анализа научного потенциала.

Город Севастополь является уникальной точкой на карте мира, сохраняя свою идентичность и первозданность, привлекательность как объект всестороннего изучения, место паломничества и иных форм исследования региона, его истории, места и роли в геополитическом масштабе. Знания, накапливаемые в системе научных знаний городскими учёными, зачастую являются уникальными и могут экстраполироваться на иные социально-экономические объекты, включая и зарубежные. Например, для условий глобализации пространства ценным представляется опыт и методики развития социально-экономической системы города, формирование приоритетов и их координатные оси (рабочие места для горожан; отчисления в местные бюджеты от экономических агентов; сохранение объектов культурного наследия, создание новых авторских продуктов, иных инноваций; духовное обогащение от общения с гостями, в том числе из ближневосточного зарубежья, развитие информационных потоков, рекламной деятельности, брендинга научно-технической продукции Севастополя.

Научный поиск сопровождается не только усовершенствованием методологии науки, выявлением новых фактов, уточнением круга участников геополитических событий, но и онтологизацией предмета исследования, нередко – в координатах социально-экономических последствий для территорий. Это усиливает научный потенциал, особенно в периоды преодоления острых социально-экономических ситуаций, катализируя научный результат и корректируя методологию исследования. При этом важно повышать объективность трактовки предмета исследования, особенно в условиях дефицита ресурсов (государственного финансирования, архивных материалов, инфраструктуры для научного брендинга и др.). Интеграционные процессы и новые исторические перспективы углубляют процесс обмена научно-исторической информацией, позволяют с новых позиций оценивать причины, предпосылки, иные факты событий в русской истории и взаимоотношениях с Ближним Востоком.

Севастополь традиционно имеет смешанный этносоциальный состав жителей более чем 46 национальностей с обрядами, языками, культурой, самосознанием достаточными для развития межнациональных, межстрановых связей. По данным переписи населения 2014 г. численность представителей арабской национальности составила 43 чел. (или менее 0,018% от общей численности горожан того периода) [7, с.2], что на 7 чел. больше, чем было в 2001 г. [2, с.1]. Выход за пределы

опубликованных цифр в этническом разрезе, например, уточнение численных показателей остепенённых учёных в арабской диаспоре города, методологически затруднителен в дискурсе публичного исследования из-за ограничений по использованию персональных данных.

Согласно сведениям севастопольского городского управления статистики, выложенных для открытого обозрения, в 2010 г. в городе проживало и работало 116 докторов и 852 кандидата наук [12] с относительным их соотношением 7,34 раза. Суммарный показатель в 968 чел. составил на тот период всего 0,26% от численности населения города. «Остепенённые» кадры представляли совокупность научных отраслей из 24 наименований с преимущественным доминированием технических наук (шифры 05.xx.xx, всего 355 чел. или 36,67% от числа остепенённых кадров) и биологических (шифры 03.00.xx, всего 156 чел. или 16,12%). Сектор политических наук был репрезентирован 14 представителями (или 1,45% от общего числа учёных).

Согласно данным мониторинга субъектов с учёными степенями (научными званиями), состоянием на сентябрь 2018 г. в структуре научного потенциала Севастополя учтены 1325 лиц, в том числе сохранившие трудовые отношения с научными и образовательными организациями города. По данным Росстата по состоянию на начало 2018 г. численность населения Севастополя составила 436 670 чел. [8, с. 1-2], а численность учёных в соотношении с ним – чуть более 0,30% или примерно один учёный на 330 жителей. Среди них:

- доктора наук – 196 чел. (14,79% среди остепенённых) или 0,04% от числа жителей (1 доктор наук на 2228 жителей);

- кандидаты наук – 1129 чел. (85,21% среди остепенённых) или 0,26% от числа жителей (1 кандидат наук на 387 жителей).

Для выделения из общей структуры диссертационных исследований сектора с тематикой Ближнего Востока и развития международных отношений выполнен отбор по ключевым словам в заголовках публикаций. Так, к проблематике арабского мира и связанными с ней направлениями науки отнесена группа (выборка) из 114 диссертационных (монографических) работ, распределённых по 9 научным отраслям (в порядке убывания числа представленных работ выборки):

- 1) политические науки (шифр 23.00.xx) – 10 докторов и 23 кандидата наук, или 28,94% от выборки;
- 2) исторические науки (шифр 07.00.xx) – 3 доктора и 21 кандидат наук, или 21,05%;
- 3) философские науки (шифр 09.00.xx) – 2 доктора и 20 кандидатов наук, или 19,30%;
- 4) педагогические науки (шифр 13.00.xx) – 1 доктор и 12 кандидатов наук, или 11,40%;
- 5) филологические науки (шифр 10.00.xx) – 1 доктор и 11 кандидатов наук, или 10,53%;
- 6) социологические науки (шифр 22.00.xx) – 1 доктор и 2 кандидата наук, или 2,63%;
- 7) культурология (шифр 24.00.xx) – 2 кандидата наук, или 1,75%;
- 8) богословие / теология (шифр 26.00.xx) и психологические науки (шифр 19.00.xx) – по 1 кандидату наук, или 1,75% в совокупности;

9) лица без учёной степени / с нечётко идентифицированной учёной степенью – 3 чел., или 2,63%.

Аналитические данные позволяют выделить отрасль политических наук как наиболее перспективную в научном потенциале города для исследований тематики Ближнего Востока. Конгломерат учёных Севастополя, способных выполнять заказы на научные исследования в этом направлении и подтвердивших свою квалификацию диссертационными работами, составляет 33 чел. (29,46% от числа субъектов мониторинга). Число докторов политических наук составляет сегодня 10 чел. (или 5,10% из общего числа докторов наук Севастополя среди 21 паспортизированной в РФ научной специальности). Тематика докторских диссертаций в этой специальности охватывает многие темы, связанные с международными отношениями и Ближним Востоком: революционный процесс и войны; интеграционные модели; социальная защита военнослужащих; информационная политика; институты местного самоуправления; общественное мнение как фактор внешней политики; эволюция идей и политической мысли; политико-правовая проблематика Черноморского флота; пропорции формирования государственной власти и политического участия; геостратегии.

Набор кандидатских диссертаций городских учёных в отрасли политологии гармонично дополняет проблематику ближневосточного исследования, насыщает научно-образовательное пространство современными методами анализа, управленческими подходами, концепциями, идеями и гипотезами. Приведенные результаты и методология их достижения в полной мере могут прилагаться к исследованиям проблем Ближнего Востока, налаживания сотрудничества со странами, формирования системы управления в них на современной парадигме. Это – весомая составляющая научного потенциала Севастополя для сближения со странами ближневосточного региона.

Потенциал учёных-историков Севастополя значительно шире, чем взят для цели данного исследования. В переложении к ближневосточным задачам могут стать необходимыми ранее достигнутые результаты относительно: развития Черноморского флота и евроазиатских связей;

международного сотрудничества для противодействия терроризму; базы продовольственной безопасности; обрядовости и традиций коренных жителей Крыма и их славянских соседей; организации местного самоуправления в южных регионах; патриотического воспитания молодёжи; истории военного взаимодействия с Европой; промышленного развития городской системы; музеефикации; вопросов религии и др. Одна из диссертаций непосредственно выполнена на арабских источниках [6, с. 5-19].

Сугубо методологическим вопросам наращивания научного потенциала города посвящены работы историков, где в ретроспективе отражены: работа городских вузов, процессы формирования кафедр и научных школ, взаимодействие с промышленностью, флотом и армией, культурно-просветительской надстройкой Севастополя. В структуре научного потенциала рассматриваются и работы, относящиеся к культурному и духовному наследию, в том числе авторов, уже не участвующих в повседневной историко-исследовательской работе. Их методология, приёмы, полученные результаты могут корректно заимствоваться в целях решения сегодняшних задач, включая ближневосточную проблематику, политико-географические конфигурации, детерминанты конфликтов и методы их преодоления в макрорегионе.

В сумме эти два направления занимают 49,99% числа выборки учёных, тематика и методология которых применима, по мнению автора, к задачам исследования стран Ближнего Востока, налаживанию международного сотрудничества и другим стратегическим целям мирового развития.

Сектор исследований в отрасли философских наук по данной выборке поставлен на третье место, исходя из количественных характеристик. К основным научно-методологическим ценностям философского исследования можно отнести: историко-правовые и историко-экономические основы функционирования социума; взаимодействие религиозных организаций с гражданским обществом; инструментарий компаративного анализа; роль Крыма и Севастополя в укреплении международного и религиозного сотрудничества; национальную традицию библейных переводов; христианство как базовую детерминанту духовного развития территорий. Здесь же следует отметить работы, приближающиеся к краеведческим аспектам, затрагивающие биографические и библиографические исследования выдающихся деятелей Крымского полуострова, архивы как источник знаний, проблематику и духовный мир, аксиологические аспекты, литературное наследие.

Отдельно следует отметить результаты философского исследования, углублённые в историческую плоскость и перспективу: футурологический дискурс; церковную ретроспективу и сегментацию по конфессиям; осознание исторических процессов в современном обществе; диалектику исторического процесса. Нарботанный инструментарий, подходы и методология философского анализа бытия будут полезными при изучении современных проблем Ближнего Востока, изучении природы и источников нынешних конфликтов, преодолении противоречий мировоззренческими, ментальными, этносоциальными методиками.

Отнесённые к выборке работы севастопольских учёных по филологии, педагогике, богословию, психологии, социологии, культурологи несут, безусловно, ценный контент для исследователей ближневосточных проблем. Изучение и имплементация их научных результатов также способствует активизации исследований в этом направлении, а авторы работ – могут привлекаться на договорной основе как исполнители, консультанты, руководители.

Глобализационные толчки, видоизменяющие структуру общественного производства на постсоветском пространстве, становятся мощным стимулом к развитию региональных экономик, поиску нестандартных путей решения социально-экономических задач, в том числе взаимодействием со странами ближневосточного региона. Ключевые противоречия и конфликты, выявление новых и традиционных факторов генерации противоречий, дефицитность ресурсов, влияние акторов и другие задачи следует рассматривать с использованием научного опыта и результатов севастопольских учёных.

Научный потенциал города может быть направлен на актуальные задачи обеспечения внешнеполитических интересов в регионе, в том числе на Ближнем Востоке. А опыт и научные результаты севастопольских научно-педагогических работников способствуют формированию оптимальных систем взаимоотношений и взаимодействия, выработке концептуальных основ и стратегических приоритетов международного сотрудничества с ближневосточными странами. Перспективным видится наращивание численности лиц с учёной степенью доктора политических наук до уровня, необходимого для создания диссертационного совета по специальности 23.00.хх. Функционирование такого инструмента научного исследования в городе позволит укрепить научный потенциал, расширить число лиц с учёными степенями кандидата и доктора наук, обогатить результатами их исследований методологический аппарат и практику международного сотрудничества.

Список литературы

1. Ирхин, А. А. Россия и Запад: методологический уровень конкуренции / А. А. Ирхин // Запад-Восток. 2015. - № 8. - С. 9-15.
2. Итоги переписи населения Украины 2001 года.
3. Кондрашихин, А. Б. Потенциал университетской науки в учебном округе: ориентиры публичного пространства для экономики и управления / А. Б. Кондрашихин // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всероссийской научно-методической конференции. Министерство образования и науки РФ, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет». - 2018. - С. 3686-3694.
4. Маковская, Д. В. Исторический миф и этнический конфликт: теория, методология, технология конструирования / Д. В. Маковская // Научная мысль Кавказа. - 2014. - № 1 (77). - С. 78-86.
5. Маркелов, К. В. Общественный идеал как объект информационной политики: дисс. ... д-ра полит. наук: 10.01.10 / К. В. Маркелов; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. - Москва, 2006. - 360 с.
6. Мартынкин, А. В. «Ассоциация Братьев-мусульман» и ее влияние на развитие исламского экстремизма (1928 - 1999 гг.) : По арабским источникам : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. В. Мартынкин; Ин-т воен. истории МО РФ. - Севастополь, 2001. - 22 с.
7. Национальный состав населения. Перепись населения по г. Севастополю 2014. Итоги. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по городу Севастополю (Севастопольстат). Официальный сайт. Раздел 4.1. - URL: sevastopol.gks.ru. (дата обращения :12.07.2018)
8. Население Севастополя. Росстат. Википедия. - URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Севастополя (дата обращения: 26.09.2018)
9. Рябцева, Е. Е. Американское общественное мнение по проблемам внешней политики и его место в политической системе США: дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / Е. Е. Рябцев. - Волгоград, 2002. - 342 с.
10. Севостьянова, И. Е. Органы государственного управления: судебная власть / И. Е. Севостьянова // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). - 2013. - № 3. - С. 22-34.
11. Скребец, Е. В. «Россия-империя» как константа западной политической мысли / Е. В. Скребец : материалы III Международной научной конференции «Потемкинские чтения» / Отв. ред. А. П. Кабаченко. - 2018. - С. 323-327.
12. Управление статистики в г. Севастополе: сайт. - URL: www.sevstat.sevinfo.com.ua (дата обращения : 05.07.2018)
13. Усов, С. А. Политико-правовые проблемы Черноморского флота и Севастополя в контексте распада Российской империи и СССР: историко-политологический анализ : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / С. А. Усов. - М., 2003. - 445 с.
14. Чемшит, А. А. Сталин и Моисей, или библейская история и историческая реальность: метафизические параллели / А. А. Чемшит // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского: Философия. Политология. Культурология. - 2017. - Т. 3 (69). - № 1. - С. 100-109.
15. Юрченко, С. В. Эволюция внешнеполитических установок демократической партии США в 1952-1960 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / С. В. Юрченко. - М., 1991. - 26 с.

Статья поступила в редакцию 11.03.2019

Kondrashikhin, A.B. Scientific Potential of the City in Studying the Problems of the Middle East (Based on Open Sources)

The article deals with the group of indicators of the quantitative and qualitative characteristics of the city scientific potential as a collection of published works on the subject and with the methodology applicable to the study of the Middle East region. The author proves the sufficiency of these characteristics for solving current and future cooperation tasks at the international level.

Key words: Middle East, Arabism, scientific potential, educational organization, doctor of sciences.

УДК 81'276.6:[005.3-72:32]

Рассмотрены вопросы роли политического языка в публичном управлении как особой формы управленческой деятельности по регулированию политического процесса, согласованию, координации и реализации различных интересов в обществе. Определены особенности применения политического языка при консолидации граждан в политической коммуникации.

Ключевые слова: государство, публичное управление, политический язык, коммуникация

Е. Ю. Шавардова, канд. полит. наук

E-mail: Lenash_72@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2713-3693

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ В ПУБЛИЧНОМ УПРАВЛЕНИИ

Коммуникативные процессы в публичном управлении играют чрезвычайно важную роль во время подготовки и принятия управленческих решений. Сегодня политическая коммуникация является одним из главных компонентов ведения политической борьбы, основным механизмом развития современного политического процесса, ведущим инструментом легитимации власти и ее решений.

Представляется актуальным задачей анализ вербальной объективации манипулятивной стратегии, которая способствует определенному коммуникативному направлению сознания, мышления (интенции) и поведения людей. И поэтому целесообразность изучения роли политического языка в политической коммуникации поможет лучше понять ее содержание, функционирование политической коммуникации, выявить общее направление политического управления, где роль политического языка становится все более важной.

Проблемы политической коммуникации анализируются на различных теоретических уровнях: как социокультурный феномен (М. А. Василик, Н. Н. Грачев, Т. А. Ван Дейк, В. П. Канецкая, М. М. Назаров, А. П. Чудинов); в связи с исследованием функционирования политического языка как дискурсивной практики в сфере политической коммуникации (А. Н. Баранов, Ф. С. Бацевич, Л. Е. Бессонова, А. И. Воробьева, Е. Л. Доценко, Л. П. Нагорная, К. С. Серажим, М. Яворская) в контексте изучения политических языковых практик в публичной сфере общества (П. Бурдые).

Изучением вопросов использования языка в политике занимались Г. Блакар, Н. Хомский, Д. Болинджер, П. Серио, Р. Водак и др. Рассмотрению языка в качестве объекта манипулирования посвящены работы Л. П. Дядюшка, Л. А. Кудрявцевой и др., изучением политического языка советского и постсоветского периода занимались А. Г. Алтунян, М. В. Китайгородская, Е. И. Шейгал и др.

В политике эффективность публичного управления (public administration) - это эффективность принятия и реализации политических решений, основанных на результативности использования политической коммуникации, ориентированной на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан общества и побуждение их к политическим действиям, принятию и обоснованию социально-политических решений [9, с. 6]. Политическая коммуникация является социальным взаимодействием через сообщение, касающееся управления и осуществления власти в обществе.

Потребность современного демократического социума требует адекватного реагирования на динамичность изменений в любой сфере жизнедеятельности, в том числе и в сфере публичного управления. Недалековидность управления характеризует политическую элиту как слабую в области долгосрочного стратегического мышления, устанавливает истинные приоритеты развития общества и экономики [12, с. 54].

Очевидно, реальная практика обустройства государства вынуждает нас объективно переосмыслить место и роль публичного управления в контексте политического процесса, идеологии публичного управления, логики реформаторских движений, кадрового, научного обеспечения указанных процессов [4, с. 18]. Внедрение результативного управления на данный момент является ключевым элементом для повышения эффективности государственного управления [10, с. 6].

Публичное управление, как объект научного познания является сложным и многоплановым образованием, основой которого является концепция, вытекающая из тесной взаимосвязи политики и права, управления и власти, политической системы и общества в целом [3, с. 19].

В связи с возрастанием роли информационного воздействия в современной политической практике, где язык - важнейшее средство передачи информации, в нынешней политической науке наблюдается рост интереса к проблеме политического языка, ибо язык не является лишь средством

взаимопонимания и обмена информацией в политической коммуникации, он дает ключ к пониманию сознания субъектов политического процесса. Проблематика языка расширяет свое присутствие в политической науке, внедряясь в ее теоретические, методологические, аналитические, научные, прикладные аспекты. Современное политологическое знание в своей существенной части ориентировано на осмысление языковых составляющих своего предметно-тематического пространства.

Важно отметить, что под политическим языком понимают не какой-то специализированный язык, а определенным образом «организованный» общий язык или часть общего языка - прежде всего его лексическую (терминологическую) часть, которая активно используется в политических текстах [2, с. 98].

По своей онтологической сущности политический язык - составляющая политической коммуникации [11, с.17]. Проникновение термина «коммуникация» в политическую науку обусловлено демократизацией политических процессов в мире во второй половине XX в., возникновением и ростом роли новых информационных технологий, а феномен политико-языковых процессов, их теоретическое осмысление и аналитическое освоение предполагает бытовую абстрактную модель как совокупность взаимодействий между социальными и политическими функциями, в ходе которой происходит обмен информацией, волевыми установками, когнитивными позициями, знаково-языковыми практиками, символическими стратегиями, результатами деятельности и другими объектами. Отношения этого рода складываются не только по поводу языка как такового, но и по взаимопроникновению языка и политики.

Сущность политики - это дискуссия между определенными принципами и теориями общества. Политическое явление превращается в нечто доступное для обсуждения только в тех случаях, когда оно выражено в словах, поэтому базовые понятия политического языка, политические формулы и клише в значительной степени определяют способ восприятия политической действительности.

Итак, язык для политики - важная и неотъемлемая составная часть. Восприятие политических реалий в значительной степени определено структурой и эмоциональной силой языка. Слова не только характеризуют определенную политику, но и сами являются частью этой политики.

Язык служит для легитимации отношений организованной властной силы, которая, в свою очередь, артикулирует отношения власти, в результате чего и становится возможной их институционализация [6, с. 54]. Легитимация (узаконивание) означает признание того или иного общественного образования в определенной господствующей иерархии. Основа конституционных форм управления в современном демократическом правовом государстве заключается в том, что политическое господство нуждается в одобрении и в этой связи - в обосновании. Как одобрение, так и обоснования реализуются через политическую коммуникацию. Категория легитимации может существовать только в условиях демократической конституции и демократической системы ценностей.

Политический язык выступает, конечно, в качестве важнейшего средства политической коммуникации. Политический язык - это основной фактор политической коммуникации, ее движущая сила, которая обуславливает и определяет ее характер и ее связь с политикой и состоит в возможности согласования интересов определенной группы людей или, наоборот, выражения недовольства с действиями другой группы. Как считает А. П. Чудинов [13, с.10], политический язык отражает существующую политическую реальность, меняется вместе с ней и одновременно участвует в ее создании и изменении. Также язык в политической коммуникации выступает как средство воздействия на когнитивную систему реципиента. Поэтому язык, по мнению Л. П. Нагорной [8, с. 173], должен быть достаточно доходчивым и понятным широкой общественности, и одновременно функционально обусловленным необходимостью быть на уровне современного политического знания и потому осложненным. Его отличие от обычного языка заключается в определенной «завуалированности», политические потребности часто вызывают эзопову манеру высказывания, рассчитанную на «чтение между строк». В результате язык по своей сути направлен на достижение коммуникативного эффекта, что может и затруднять процесс понимания [7, с. 342].

Политический язык как язык общественный подвергается постоянным семантическим мутациям благодаря непрерывной артикуляции всех агентов политического поля. Тем самым, из-за активности субъектов действия, подверженных воздействию политических идей и идеологий, которые находят отражение в политическом языке, усиливается динамика политических процессов [1, с. 33]. Политика находит новые формы способов получения и обмена информацией. Политическая коммуникация является срезом контактного процесса, которому присущи собственные специфические функциональные, структурные, стилевые, дискурсивные качества [5, с.17].

Главная же цель политического языка в политической коммуникации - борьба за политическую власть, осуществление определенных интересов и намерений на основе использования коммуникативной деятельности, поскольку традиционно власть относится к числу высших

социальных ценностей [14, с. 102]. Политическая коммуникация призвана совершать прямое или косвенное воздействие на распределение власти (путем выборов, назначений, создания общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.) с помощью современной политической речи.

Среди основных функций политического языка – информативная, коммуникативная, интерпретационно-оценочная, функции формирования политического сознания, убеждения и контроля, манипулятивная, консолидирующая. Следует обратить особое внимание на последнюю – консолидирующую функцию политического языка. Эта функция является одной из важнейших потому, что консолидация позволяет гражданину ориентироваться в социально-политических проблемах, она обеспечивает единство воли и направленность действий большого количества людей, отделенных друг от друга.

В демократической политической коммуникации политический язык консолидирует граждан через:

- отображение общей политической действительности СМИ (средства массовой информации) посредством политического языка через всеобъемлющее информирование, ведь СМИ обеспечивают политическую коммуникацию, осуществляют открытое информационное взаимодействие между обществом и государством и представляют собой влиятельный субъект политики, формирующий общественное мнение, общественное сознание. В ходе политической коммуникации не просто осуществляется информирование реципиента, но и меняются, формируются его политические взгляды и позиции, которые и консолидируют граждан вокруг общей идеи;

- возможность получения определенного типа знаний, потому что политический язык представляет политическую реальность в сознании. Интерсубъективное знание определяется как общее субъективное знание, которое становится одинаковым для разных людей. Подобное знание и консолидирует общественность для определенной сознательной цели;

- формирование политической культуры, которое происходит с помощью языковых средств, влияющих на политическое сознание и поведение граждан. Политический язык выступает особым символом политической культуры как система знаков, наделенных определенным значением, используемым для хранения, преобразования и передачи информации. Язык всегда влияет на общество через личность, способствует налаживанию социальных связей. Во время языковой социализации человек заучивает не только значение определенных символов, но и усваивает их социальную оценку. Политический язык превращается в средство политической социализации. Социализация является важной составляющей процесса демократической консолидации (приобретение и усвоение индивидом демократических норм, ценностей, представлений, то есть демократической политической культуры)

- формирование общественного мнения в публичной сфере осуществляется с помощью политического языка путем воздействия на аудиторию и создания атмосферы восприятия или невосприятия новых общественных явлений.

Консолидирующая функция политического языка в иерархической политической коммуникации реализуется пропагандистскими языковыми средствами для формирования общих идеологических ценностей (например, в политическом сознании целенаправленно формируется представление о единстве власти и народа, забота власти о каждом гражданине государства и др.). Идеология стимулирует и направляет человеческое поведение, консолидируя при этом действия людей и общества. Цель идеологии – закрепить в сознании разных людей определенное мировоззрение, классово-политическое восприятие действительности. Благодаря идеологии политики управляют людьми, что приводит к стандартизации, стереотипизации мышления, сознания, прогнозированию поведения аудитории, что обеспечивает консолидацию общества, единение его с политической властью. Используется объединяющая функция политического языка в иерархической политической коммуникации для стабилизации имеющегося политического порядка, политической и общественной жизни. Итак, благодаря политической коммуникации политический язык становится одним из важных факторов консолидации общества.

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что роль политического языка выражается через его функции в политической коммуникации. Политический язык объединяет людей, регулирует их социальное взаимодействие, побуждает к определенным политическим действиям, координирует практическую политическую деятельность, формирует политическое мировоззрение, обеспечивает хранение информации.

Политический язык через проявление своих функций выбирает различные качественные формы при различных политических режимах, причем динамика процесса консолидации и манипулирования имеет стратегическую и тактическую структуры. Язык отражает политические процессы, сформированные политическим режимом, он является фактором политического давления, средством объединения или манипуляции, поскольку политический язык имеет массивный целенаправленный

эффект воздействия на чувства и мысли людей, на их сознание, а определение функций политического языка в политике зависит от цели, задач и ситуации общения.

Высокая значимость политического языка как фактора, инструмента и сферы реализации политики, многократное использование этой значимости в условиях информационного общества, требует соответствующего новым коммуникационным возможностям лингвистического оснащение политики. Противоречивость последствий глобализации, медиатизации и виртуализации политического процесса для функционирования языка выдвигают новые исследовательские задачи перед политической наукой.

Список литературы

1. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новости / А. Н. Баранов. - М.: Знание, 1991. - 63 с.
2. Баталов, Э. Я. Политическая культура современного американского социума / Э. Я. Баталов. - М.: Наука, 1990. - 256 с.
3. Гасымов, Р. Электронное управление как механизм государственного управления / Р. Гасымов. - Киев, 2018. - 20 с.
4. Государственное управление: централизация и децентрализация. Монография / отв. ред. Н. Р. Нижник, В. Б. Эйвери [и др.]; - К.: Взгляд УАГУ, 1997. - 487 с.
5. Коммуникативная деятельность публичного человека: метод обучения. Руководство / С. А. Броникова, Т. Д. Егорова [и др.]; редактор И. М. Плотницкая, Н. Г. Попович. - Киев: НАГУ, 2014. - 48 с.
6. Леденева, А. Тенденции изменения концепций социальных наук. В кн.: Современная социальная теория: Бёрд, Гульдентс, Хабермас / А. Леденева. - Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995, - 119 с.
7. Нагорная, Л. П. Политический язык // Политическая энциклопедия / под ред. Ю. Левенец. - К.: Парламентское издательство, 2011. - 460 с.
8. Нагорная, Л. П. Политический язык и языковая политика: спектр возможностей политической лингвистики / Л. П. Нагорная. - К.: Мировоззрение, 2005. - 315 с.
9. Нелипа, Д. Значимая роль генерального директора в ведущих американских университетах в контексте стратегического менеджмента / Д. Нелипа // Европейское сотрудничество. - 2017. - Т.1(№ 25). - С. 9-16
10. Обушная, Н. Государственное управление как новая модель государственного управления: теоретический аспект / Н. Обушная // Эффективность государственного управления. - 2015. - Вып. 44. - С. 53-63.
11. Петренко, В. В. Особенности определения политического языка / В. В. Петренко // Политический менеджмент. - 2007. - №2. - С. 16-24
12. Попович, Н. Г. Государственно-управленческий дискурс в структуре политико-административных коммуникаций / Н. Г. Попович. - К.: Академ, 2017. - 360 с.
13. Чудинов, А. П. Современная политическая лингвистика / А. П. Чудинов. - Екатеринбург, 2015. - Т. 3 (53) - 283 с.
14. Шавардова Е. Ю. Политический язык как метод коммуникативного влияния / Е. Ю. Шавардова // Научный вестник. - Одесса: Одесский гос. эконом. ун-т., 2010. - №6 (107) - С.101-109.

Статья поступила в редакцию 17.04.2019

Shavardova E. Yu. Peculiarities of Political Language as a Means of Communication in Public Management

The article deals with the questions of the role of political language in public management as a special form of administrative activity for regulating the political process, coordination, and realization of various public interests. The author analyses the peculiarities of political language when consolidating citizens in political communication.

Key words: state, public management, political language, communication.

УДК 81'42:[321.013-044.247(470.75):070(430+44)]

В статье представлен анализ освещения крымских событий 2014 года в медиапространстве Германии и Франции. В ходе исследования был проведен сравнительный анализ сообщений, освещающих события Крымской весны в информационном пространстве Германии и Франции в 2014 и 2018 годах, что дало возможность выявить изменения конструирования медиаобраза крымских событий в информационной повестке двух данных европейских стран.

Ключевые слова: медиапространство, Крымская весна, Франция, Германия, медиаобраз, средства массовой коммуникации.

О. В. Ярмак, доцент, канд. социол. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: sociocentre@sevsu.ru

Т. В. Шкайдерова, доцент, канд. филол. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: romy@mail.ru

А. С. Цепкова, магистрант

Севастопольский государственный университет

Е. А. Лысенко, магистрант

Севастопольский государственный университет

Д. А. Нечволод, магистрант

Севастопольский государственный университет

СОБЫТИЯ КРЫМСКОЙ ВЕСНЫ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ СТРАН ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ КОНТЕНТ-АНАЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В эпоху стремительного роста информационных и коммуникационных технологий средствам массовой информации и медиа в целом отводится важная роль в формировании имиджа и образа государства. И, поскольку для большинства людей СМИ являются единственным источником информации о той или иной стране, их значение и влияние как инструмента формирования определённых стереотипов и образов огромно. В современном информационном пространстве любое событие становится значимым, при условии широкого присутствия в информационной повестке. Поэтому необходим детальный анализ мнений, суждений, формирующих информационные тенденции международного медиапространства: массовые медиа, освещая то или иное событие, фактически формируют общественное мнение о нем, зачастую транслируя настроения определенных политических элит.

Следовательно, зная тенденции формирования образа и информационного имиджа того или иного государства в международном медиапространстве, можно выявить их информационные источники и понять, как формируется информационная оценка события, как общество реагирует на него, и, следовательно, можно понять, как скорректировать образ в политической и информационной повестке. При этом необходимо помнить, что информационное пространство во многом зависит от позиции влиятельных медиаструктур и их изданий, способных формировать и мобилизовать общественное мнение.

Считаем необходимым дефинировать основные категории исследования, в частности, образ и имидж государства. Понятия «образ» и «имидж» схожи, их обычно отождествляют, но на самом деле это не так. Так, в частности, российский филолог Т. Э. Гринберг под имиджем понимает целенаправленно создаваемый образ, предназначенный для совершенствования представлений аудиторий в интересах данного объекта. Под образом, как правило, понимается субъективное восприятие объекта, формируемое в сознании других участников коммуникации [1]. Одной из задач формирования имиджа является максимальное приближение индивида к идеальному представлению об объекте.

При анализе образа событий Крымской весны считаем необходимым разграничить понятия «образ» и «медиаобраз». Если образ формируется исторически в общественном сознании другой нации, то медиаобраз создается, в том числе в международной или региональной медиасистемах, и влияет на формирование образа страны. Наш исследовательский интерес сконцентрирован на анализе крымских событий 2014 года в медиапространстве европейских государств, в частности Германии и Франции. Актуальность данного исследовательского кейса обусловлена степенью конфликтности и неоднозначности информационной оценки крымских событий 2014 г., и, как следствие, изменением медиаобраза российского государства после крымского референдума 18 марта 2014 г.

Цель данного исследования состоит в анализе контентных единиц 2014 и 2018 годов с упоминанием о событиях Крымской весны и выявлении изменений в их освещении в информационной международной повестке. Было проанализировано 80 статей, 50 статей из которых за 2014 год и 30 - за 2018 год. Основными эмпирическими задачами исследования стали:

- проведение сравнительного анализа освещения событий Крымской весны в информационном пространстве Германии и Франции в 2014 и 2018 годах;
- осуществление сравнительного анализа медиаобразов событий Крымской весны с помощью контент-анализа сообщений информационного пространства Германии и Франции в 2014 г. и 2018 г.

Объектом исследования выступает медиапространство Германии и Франции, а именно сообщения интернет-изданий данных европейских стран за 2014 и 2018 годы, касающиеся освещения крымских событий 2014 года. Предметом исследования является медиаобраз событий Крымской весны в медиапространстве Германии и Франции.

Теоретико-методологической основой исследования выступает теория трансцендентной иллюзии, рассматривающая реальность как виртуальное или придуманное пространство, концепция журналистского поля и журналистских очков. В рамках исследования используется системно-деятельный подход, изучающий медиапространство как продукт культурной и социальной среды; концепция символического интеракционализма, рассматривающая медиапространство как производителя и хранителя символов и норм.

В ходе анализа медиа-сообщений используется метод контент-анализа, позволяющий исследовать информацию, в нашем случае – текстовые сообщения интернет-изданий Германии и Франции. С помощью метода контент-анализа можно определить степень соответствия сообщений намерениям коммуникатора и специфике канала, изучить связи между характеристиками сообщения и установками аудитории, а также ее реальным и коммуникативным поведением [3]. Одним из наиболее распространенных является определение контент-анализа, предложенное Б. Берельсоном: «Контент-анализ является объективным, систематическим и количественным описанием явного содержания коммуникации» [6, с.15].

Метод контент-анализа включает в себя такие составляющие: единицу анализа и единицу счёта. Под единицей анализа понимается лингвистическая единица речи или элемент содержания, служащие в тексте индикатором интересующего исследователя явления, в качестве которого может выступать слово, простое предложение, суждение, тема, социальная ситуация, сообщение в целом, а также определённое имя, факт, понятие и т. д. [2]. Единицей счёта могут выступать единицы анализа в тексте и частота (интенсивность) их упоминания относительно физической протяжённости текста – числа строк, площади в квадратных сантиметрах, времени вещания и т.п.

Анализ интернет-пространства Франции. Согласно данным World Bank, количество интернет-пользователей во Франции на 100 жителей составляет 71,3 чел. (для сравнения в Германии — 79, в Великобритании — 83). 92% подключений на дому приходится на линии ADSL и 4% на кабельные линии, при этом 75% выходят в интернет каждый день (CREDOC, 2010). По уровню интернет-плотности Франция отстает от других стран Евросоюза. Это связано с тем, что Франция — одна из первых в мире создала развитую и действительно массовую видеотекст-систему Minitel. И хотя по своим техническим характеристикам эта система, запущенная в 1980-х гг., не может сравниться с современной интернет-сетью, она получила широкое распространение в стране благодаря политике национального телефонного оператора France Telecom.

Основными по популярности интернет-сайтами медиапространства Франции являются Google (35 млн. индивидуальных посетителей), Facebook (26,6 млн.) и MSN (26 млн.). Лидерами интернет-изданий Франции являются L'Internaute Magazine, TF-1, Overblog (см. табл. 1).

Сайт	Описание	Месячная аудитория, в чел.
L'Internaute Magazine	универсальное интернет-издание	10 345 000
Overblog	интернет-издание на основе блогов	10 016 000
auFeminin	женское издание	9 891 000
TF-1	сайт телекомпании	9 419 000
Voila	информационно-развлекательный портал	7 712 000
AlloCine	портал о кино	6 283 000
Le Figaro	сайт газеты	5 682 000
Skyrock	сайт радиостанции	5 576 000
20minutes.fr	сайт газеты	5 368 000
Tele Loisirs	сайт телегида	5 083 000
Le Monde	общенациональная газета	5 250 000
Le Parisien	крупная массовая парижская газета	5 458 000
Ouest France	ежедневная региональная газета	6 789 000

Таб. 1. Основные интернет - издания Франции и их аудитория (Médiametrie, 2016).

Основными издателями интернет-СМИ являются следующие компании:

- CCM Benchmark group – крупный издатель с совокупной аудиторией около 17 млн. посетителей в месяц, издает Journal du Net, L'Internaute Magazine, droit-finances.net, commentcamarche.com;
- Groupe TF-1 – медиа-группа, содержащая 16 информационных и развлекательных сайтов с общей аудиторией 17 млн. посетителей в месяц;
- Vivendi – крупный диверсифицированный холдинг, среди активов которого интернет с аудиторией 15,5 млн. посетителей;
- Lagardère – крупнейший издатель журнальной периодики и владелец радиостанций с медиа аудиторией 15,3 млн. посетителей в месяц;
- Schibsted – шведский издатель бесплатной прессы, сайты которого во Франции чрезвычайно популярны (объем аудитории 12,7 млн. посетителей).

Если говорить о сайтах газет, то, в первую очередь, нужно отметить сайты ежедневных газет Le Monde и Le Figaro, конкурирующие по аудиториям (на ноябрь 2011 г. у первой было зарегистрировано 6,57 млн. уникальных посетителей в месяц, у второй – 7,75 млн.) согласно данным 2016 Médiametrie.

Анализ интернет-пространства Германии. Роль медийного пространства в общественно-политической жизни Германии весьма велика, отсюда и многообразие немецких масс-медиа. Телевидение – самый популярный источник массовой информации в Германии. Почти 80% населения страны ежедневно узнают информацию с помощью телевидения (средняя продолжительность телепотребления – 208 минут в день). Второе место занимает радиовещание (74% от всей аудитории, 173 минуты в день), третье – Интернет (46% от всей аудитории, 107 минут в день). Число немцев, ежедневно читающих газеты, составляет 33%. Молодёжная читательская аудитория насчитывает всего 26% [5].

Однако, когда речь заходит о достоверности, объективности, критичности информации, то здесь печатные СМИ в сравнении с электронными заметно лидируют. В таблицах 2, 3 приводится

сравнительная статистика вовлечённости немцев в поле воздействия масс-медиа за последние 10 лет [7, s.65].

Тип медиа	Количество проведённого времени в день, в минутах		
	2005 г.	2010 г.	2015 г.
Телевидение	220	220	208
Радио	221	187	173
Газеты	28	23	23
Журналы	12	6	6
Книги	25	22	19
Интернет	44	83	107
Электронные носители (CD/LP/МС/MP3)	45	35	24
Видео/DVD	5	5	6
Всего	600	583	566

Таб. 2. Как немцы пользуются средствами массовой информации

Телеканалы	Продолжительность просмотра, в минутах			Доля на рынке, в %		
	2013 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2014 г.	2015 г.
ARD I	27	28	25	12,1	12,5	11,5
ZDF	28	29	28	12,8	13,3	12,6
ARD III	29	27	27	13	12,4	12,5
Sat.1	18	18	18	8,2	8,1	8
RTL	25	23	22	11,3	10,3	10
ProSieben	13	12	12	5,7	5,5	5,3

Таб. 3. Потребление ТВ и его доля на рынке

Крупнейшей медиаструктурой ФРГ и Европы в целом является телерадиокомпания ARD («Arbeitsgemeinschaft der öffentlich-rechtlichen Rundfunkanstalten der Bundesrepublik Deutschland» – «Рабочее содружество общественно-правовых телерадиокомпаний Федеративной Республики Германии», создана в 1952 г.). В рамках ARD осуществляется вещание первого канала немецкого телевидения «ARD Das Erste», около десятка региональных телевизионных каналов, производимых членами содружества, а также свыше пятидесяти местных радиопрограмм.

Членами ARD являются Bayerischer Rundfunk (BR) (br-online.de), Hessischer Rundfunk (HR) (hr-online.de), Mitteldeutscher Rundfunk (MDR) (mdr.de), Norddeutscher Rundfunk (NDR) (ndr.de), Radio Berlin-Brandenburg (RBB) (rbb.de), Radio Bremen (RB) (radio-bremen.de), Südwestfunk (SWR) (swr.de), Saarländischer Rundfunk (SR) (sr-online.de), Westdeutscher Rundfunk (WDR) (wdr.de). Также в рамках ARD осуществляет телерадиовещание «Deutsche Welle» («Немецкая волна»), созданная в 1953 г. и осуществляющая иновещание на 30 языках, в том числе на русском.

Анализируя печатные СМИ Германии, можно отметить, что современные немецкие средства массовой информации представляют собой классический пример западноевропейских медиа. Согласно официальной статистике, опубликованной в отчёте Федерального правительства о состоянии средств массовой информации, сегодня в Германии функционирует 384 издательства, выпускающих 423 ежедневных газеты общим тиражом в 25,3 млн. экземпляров. Характерная особенность СМИ Германии – большое количество муниципальных и региональных газет, что объясняется федеративным устройством Германии.

Для печатных масс-медиа Германии характерны следующие структурные признаки: частная собственность, выход газет по утрам, региональная привязанность, отсутствие партийной прессы, зависимость от рекламы [8, s.59-60].

Название	Город, где издаётся	Тираж в тыс. экз.	Ориентация
Süddeutsche Zeitung	Мюнхен	418,4	Левая
Frankfurter Allgemeine	Франкфурт-на-Майне	316,5	Консервативная
Die Welt	Берлин	218,2	Консервативная
Frankfurt Rundschau	Франкфурт-на-Майне	165,9	Левая
Tageszeitung	Берлин	134,8	Левая
Bild	Гамбург	2305	Консервативная

Таб. 4. Печатные СМИ Германии

Название газеты	Город, где издаётся	Тираж, в тыс. экз.
Freie Presse	Хемниц	253,760 (2014)
Der Freitag	Берлин	23,761 (2018)
Neues Deutschland	nd-online.de	24,035 (2018)
Linkszeitung	linkszeitung.de	6,630 (2019)

Таб. 5. Оппозиционные и критические газеты Германии

По статистике, трое из пяти немцев старше 14 лет регулярно читают ежедневные печатные газеты, что составляет 40,6 млн. мужчин и женщин. По местным и региональным подписным газетам женская читательская аудитория даже немного опережает мужскую. Однако покупные газеты и общенациональные подписные издания чаще читают мужчины, чем женщины. Газетные издания в интернет-сети на сегодняшний день посещают 38,7 млн. уникальных пользователей старше 14 лет не реже одного раза в месяц. 11,5 млн. пользователей получают информацию от двух изданий ежедневно. Продолжает расти аудитория новостных приложений печатных изданий для смартфонов или планшетов (рис. 1).

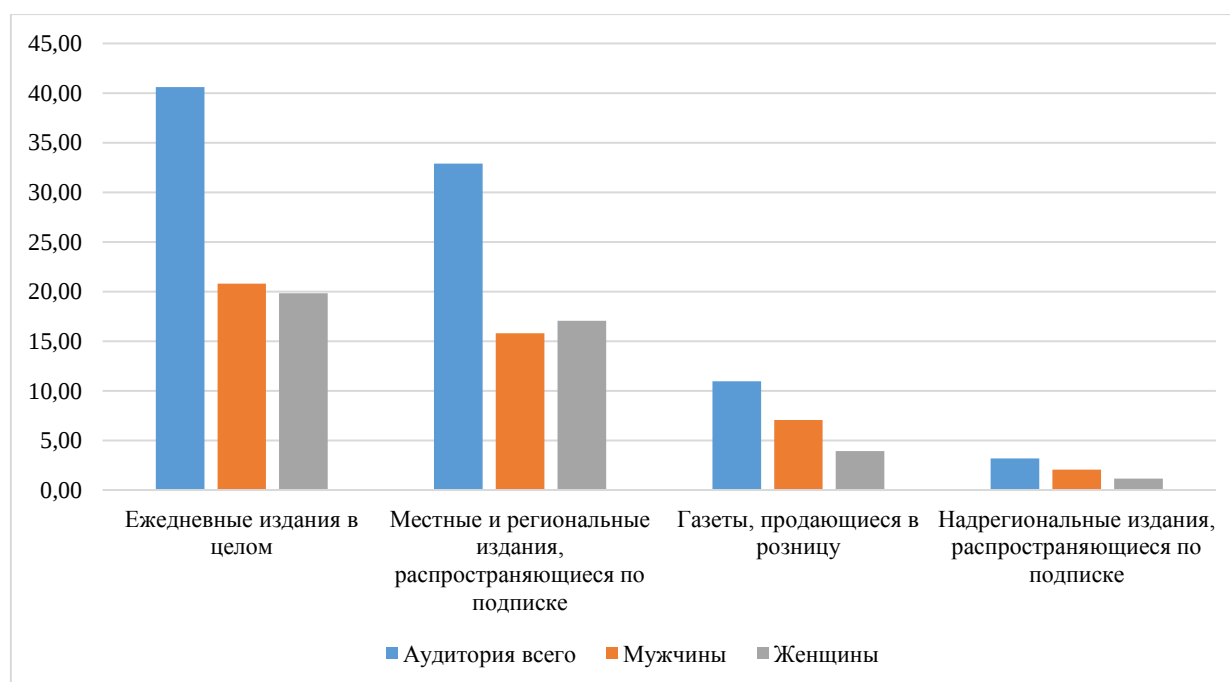

Рис. 1. Аудитория ежедневных газет в Германии в 2017 году (в млн.) [9]

Бесспорным является факт, что интернет сейчас – это неиссякаемый источник свободной информации, включающий институализированные и неформальные источники, обеспечивающие плюрализм мнений. С другой стороны, чрезмерная информационная свобода может стать угрозой для свободы прессы, поскольку пробуждает у государства желание контролировать интернет-пространство. Также возникает опасность взаимного поглощения интернетом и традиционных масс-медиа. Из этого следует, что вызовы для качественной журналистики в печатных СМИ в меньшей мере лежат в плоскости тенденций к монополизации прессы и в большей – в вопросах рефинансирования того или иного органа печати. Все же источником качественной, надежной и достоверной информации остается пресса, поэтому практически все газеты в Германии уже давно имеют онлайн-версии своих изданий.

Издательства и медиакомпании наряду с печатными версиями газет и телепрограмм должны иметь и их конкурентоспособные онлайн-версии. В то же время, объем доходов от рекламы остался прежним, редакционные бюджеты не увеличились, нагрузка же на журналистов резко возросла, времени на серьезные расследования остается все меньше. Даже солидные газеты и телекомпании порой не гнушаются поверхностными бульварными сюжетами ради оперативного наполнения своих онлайн-страниц и поддержания популярности [4].

Немецкие газеты обзавелись собственными интернет-версиями ещё в 1995 г. Согласно Федеральной ассоциации немецких издательств газет, первые издания, перешедшими в Интернет-пространство, были «Schwerin Volkszeitung», «taz - die tageszeitung» (Берлин), «Die Zeit» (Гамбург), «Süddeutsche Zeitung» (Мюнхен) и «RheinischePost» (Дюссельдорф). Летом 1996 г. в дополнение к печатным версиям изданий в Интернете уже работала 41 газета; сегодня существует уже 698 различных онлайн-изданий (рис. 2).

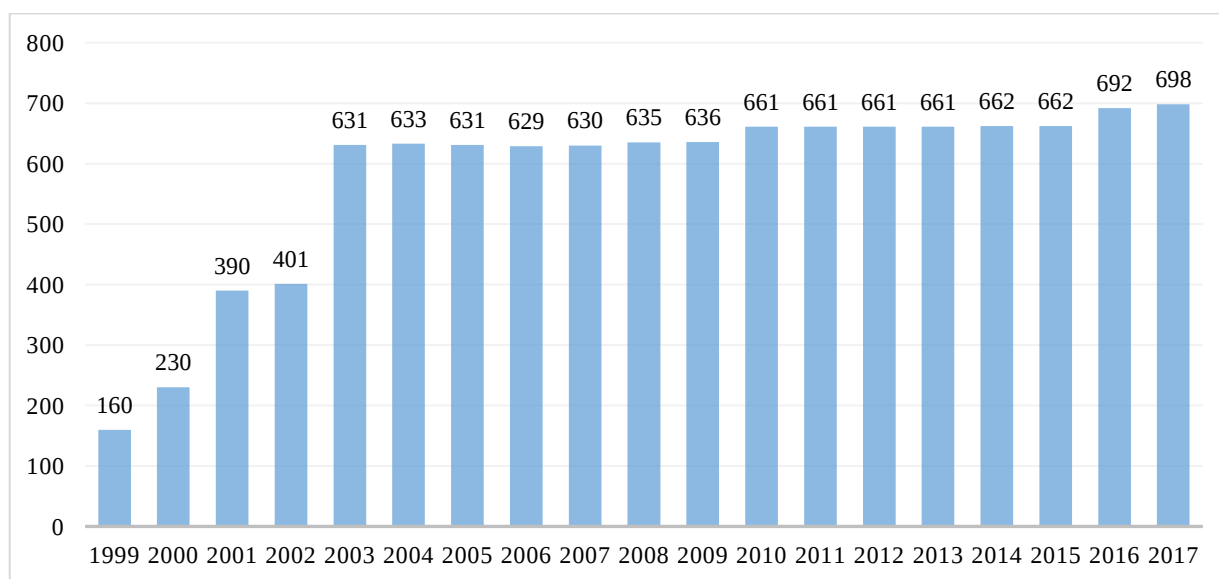

Рис. 2. Развитие немецких онлайн-изданий [9]

Две трети газет предлагают свои печатные издания для устройств, работающих на базе технологии электронных чернил (e-ink). Продажи растут от квартала к кварталу. Тем временем на рынок выходит всё больше газетных приложений для традиционных мобильных устройств. В настоящее время ассортимент новостных приложений от немецких изданий превышает 600 приложений (рис. 3).

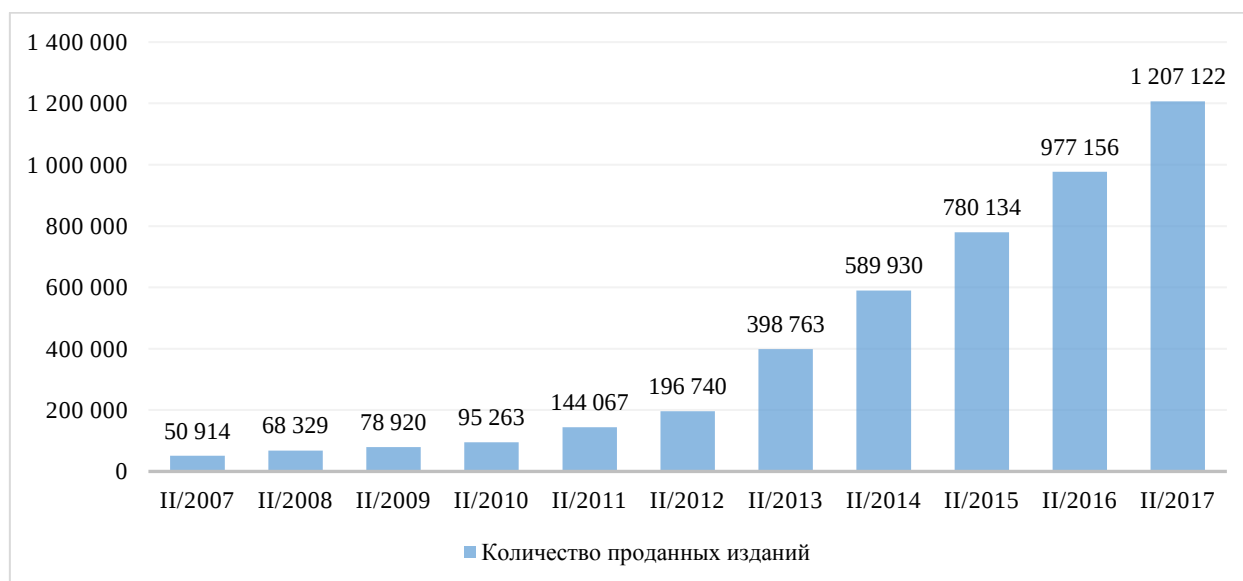

Рис. 3. Развитие изданий, выпускающих продукцию на базе технологии e-link [9]

Анализ сообщений о событиях Крымской весны 2014 года немецких и французских интернет-изданий показал, что они оказались обсуждаемой темой во всем мире. Французские СМИ освещали эти события по-разному: в одних СМИ Крым и Севастополь назывались российскими, в других, наоборот, эти города упоминались как украинская территория. Нами было проанализировано 50 статей французских интернет-изданий, в которых были упоминания Крыма и Севастополя, Крымской весны, из них датированных 2014 г. – 16 статей, 2018 г. – 34.

Нейтральный характер освещения Крымской весны превалирует во французском медиапространстве: из 50 проанализированных таких оказалось 20 статей. Что касается положительного и отрицательного освещения крымских событий 2014 г., то за этот период насчитывается 14 статей, освещающих их позитивно и 16 - негативно.

В 2014 г. среди сообщений на крымскую тематику в медиапространстве Франции и Германии наиболее обсуждаемым событием был референдум по воссоединению Крыма и России. Следующими по популярности крымскими событиями 2014 г., обсуждаемыми, в том числе и в 2018 г., стали санкции против России и Крыма. 2018 г. был полон различных событий, поэтому Крым и Севастополь продолжали оставаться в международной информационной повестке. Наиболее популярным Крымским событием 2018 г. стало открытие Керченского моста, соединяющего полуостров с материковой частью Россией (рис.4).

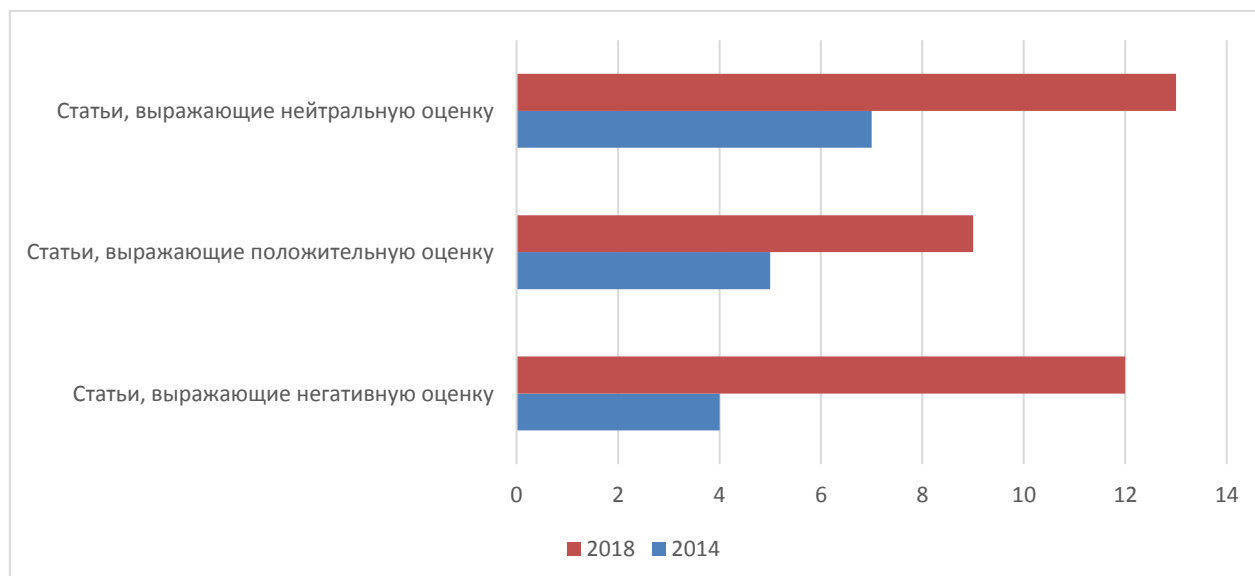

Рис. 4. Распределение по характеру сообщений и статей во французских СМИ за 2014 г. и 2018 г.

Сравнительный анализ контент-единиц выявил такие наиболее частотные слова, как «Крым», «Россия, и «Севастополь» (таб. 6, рис. 5).

Наименование контент-единиц	Количество упоминаний, в ед.
Крым	230
Россия	116
Севастополь	53
Киев	34
Путин	33
Украина	15
Флот	15
Москва	10
Янукович	5
Порошенко	4
Крымская весна	0

Таб. 6. Упоминание контент-единиц в статьях интернет-изданий Франции за период 2014-2018 гг.

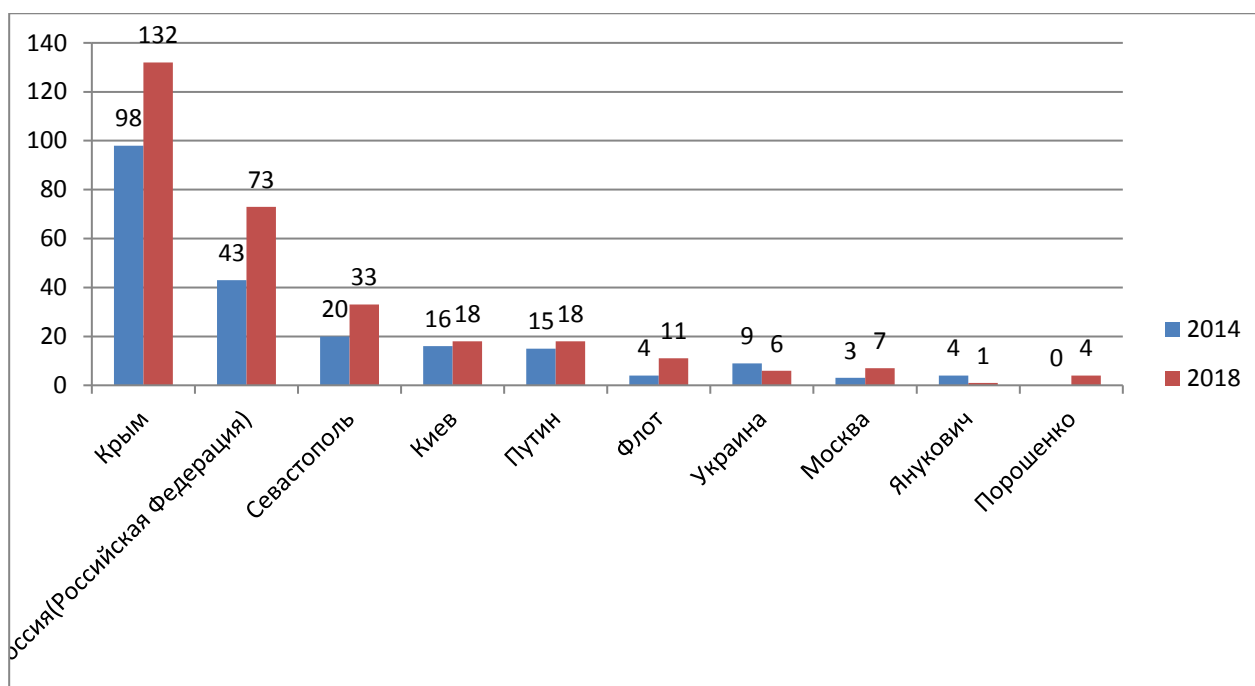

Рис. 5 Упоминания контентных единиц «Россия» («Российская Федерация»), «Крым», «Севастополь», «Украина», «Российский флот», «Путин», «Янукович», «Порошенко», «Москва», «Киев» (2014 г. и 2018 г., в ед.)

Опираясь на то, какие слова являются наиболее популярными во французских СМИ, приходим к выводу, что нейтральный характер сообщений о событиях Крымской весны стал превалировать в медиaproстранстве Франции в 2018 году по сравнению с 2014-ым.

За последние четыре года, прошедшие с событий Крымской весны, в немецкоязычной прессе произошли определённые изменения в характере и частоте упоминания России, Крыма и Севастополя в новостных статьях. Из проанализированных 30-ти статей 15 датируются 2014 годом и 15 – 2018-м годом. В 2014 году в прессе доминировали сообщения с негативной оценкой произошедших событий (11 статей из 15), остальные излагали информацию в нейтральном ключе (рис. 6). В 2018 году количество негативно окрашенных сообщений сократилось и преобладающими оказались новостные сообщения нейтрального характера (9 статей из 15) (рис. 6). Нами была зафиксирована тенденция изменения отношения к событиям Крымской весны, появились сообщения с их положительной оценкой, однако для того, чтобы с точностью утверждать об этом, необходимо провести более глубокое исследование.

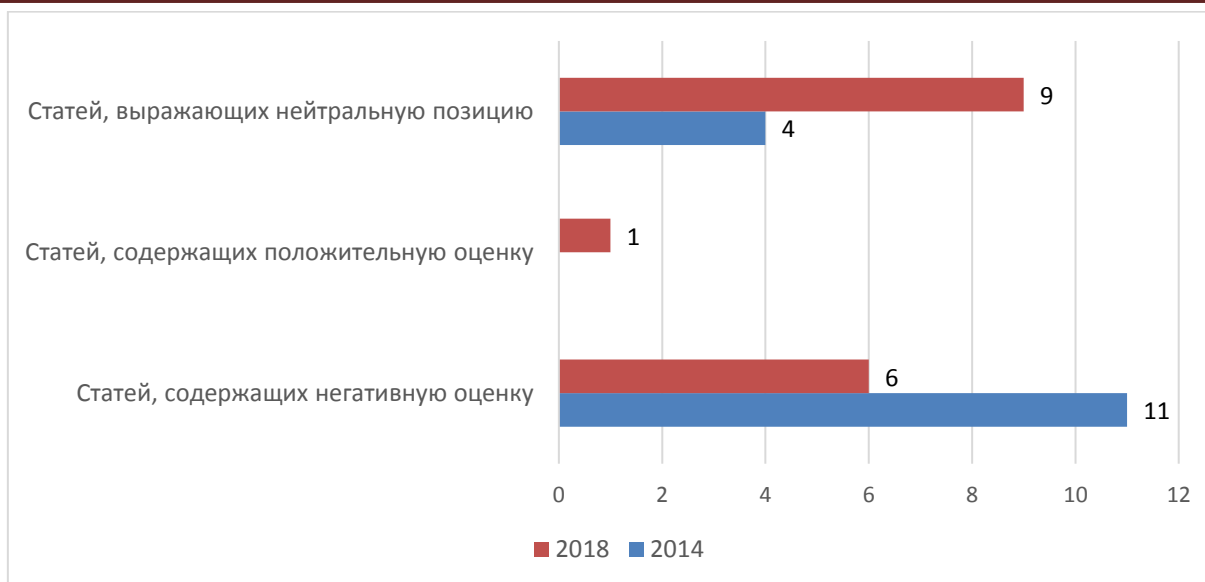

Рис. 6 Сообщения в немецкоязычных статьях (2014 г. и 2018 г., распределение по характеру сообщений)

Как можно видеть из рис. 6, частота упоминания контентных единиц в 2014 году значительно отличается от 2018 года. В 2014 году самыми популярным контент-единицами были «Россия» («Российская Федерация») (106 единиц), «Крым» (84), «Украина» (69) и «Путин» (51). В 2018 году тенденция сохранилась, самыми популярными контент-единицами стали «Крым» (113 единиц), «Россия» («Российская Федерация») (97). Наблюдается снижение частоты употребления таких контентных единиц, как «Украина» (69 - в 2014 г. и 47 - в 2018 г.), «Путин» (51 и 33 соответственно), «Порошенко» (15 и 4 соответственно), «Янукович» (6 - в 2014 г. и ни одной в 2018 г.). Тем временем контентная единица «Севастополь» стала более популярной в 2018 г.: 26 единиц в 2018 г. по сравнению с 9 единицами в 2014 г. (рис. 7, табл. 7).

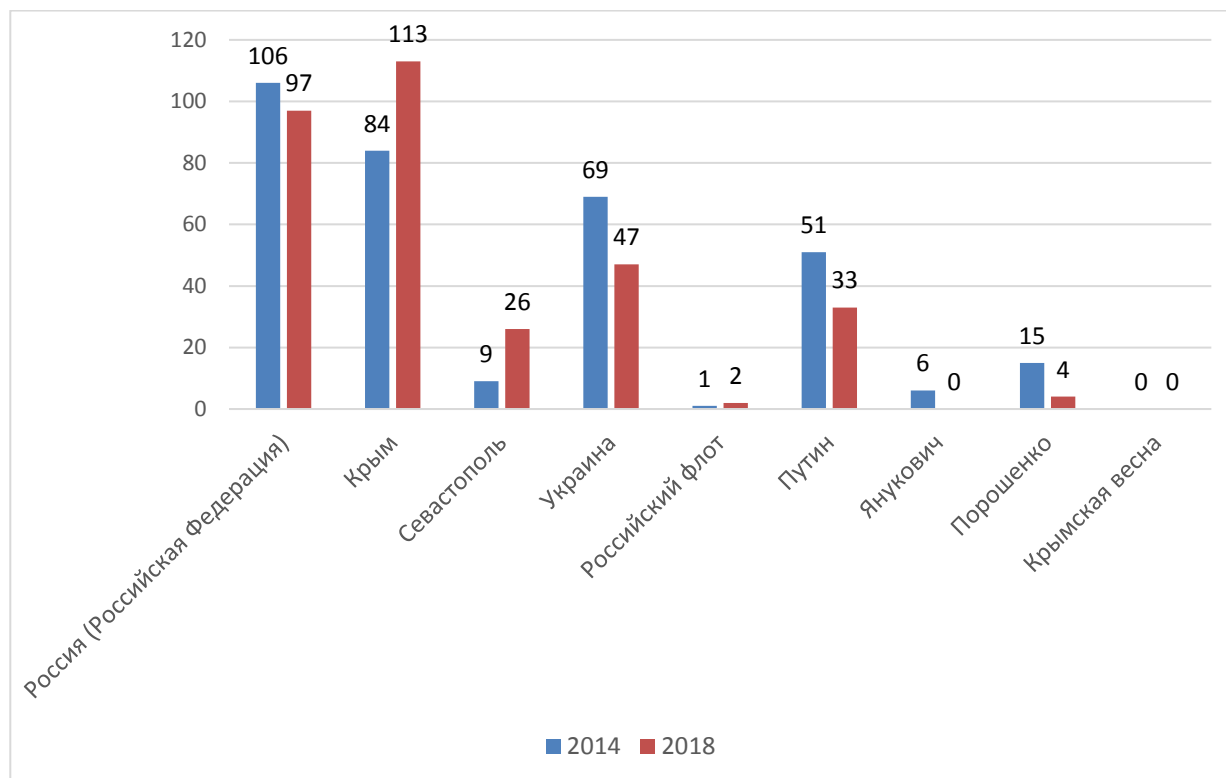

Рис. 7. Частота упоминания контентных единиц «Россия» («Российская Федерация»), «Крым», «Севастополь», «Украина», «российский флот», «Путин», «Янукович», «Порошенко», «Крымская весна» (2014 г., 2018 г., в ед.)

Наименование	Количество
Россия (Российская Федерация)	203
Крым	197
Украина	116
Путин	84
Севастополь	35
Порошенко	19
Янукович	6
Российский флот	3
Крымская весна	0

Таб. 7. Сравнительный анализ контент-единиц в немецких статьях за 2014 г., 2018 г. (в ед.)

Учитывая изменения в характере сообщений, а именно уменьшение доли негативно окрашенных сообщений о событиях Крымской весны и увеличение частоты употребления контентных единиц «Севастополь» и «Крым», можно отметить тенденцию нарастания позитивного характера сообщений в интернет-пространстве Германии в отношении крымских событий 2014 года. При этом следует отметить, что треть статей (11 из 30) – это публикации информационных агентств Франс-Пресс (AFP, Франция), Дойче Прессе-Агентур (DPA, Германия) и Остриа Прессе-Агентур (APA, Австрия). Остальные новостные статьи являются авторскими или редакционными материалами.

Список литературы:

1. Гринберг, Т. Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели / Т. Э. Гринберг // Медиаскоп. – 2008. – №2. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/252> (дата обращения: 01.03.2019).
2. Манаев, О. Т. Контент-анализ-описание метода / О. Т. Манаев. – URL: <http://psyfactor.org/lib/kontent.htm> (дата обращения: 01.03.2019).
3. Назаров, М. М. Массовая коммуникация и общество / М. М. Назаров. – М.: Аванти плюс, 2004. – 427 с.
4. Павлов, Н. В. Германские СМИ: история и современность / Н. В. Павлов. – URL: <http://mgimo.ru>. (дата обращения: 01.03.2019).
5. ARD/ZDF – Studie Maassenkommunikation 2015. – URL: <http://www.ard-werbung.de/media-perspektiven/studien/ardzdf-studie-massenkommunikation> (дата обращения: 01.03.2019)
6. Berelson, B. Content Analysis in Communication Research / B. Berelson. – Glencoe, IL: Free Press. 1952. – 220 p.
7. Media Perspektiven Basisdaten. Daten zur Mediensituation in Deutschland 2015. – Frankfurt am Main, 2015. – 88 s.,
8. Meyn, H., Tonnemacher J. Massenmedien in Deutschland / H. Meyn, J. Tonnemacher. – Konstanz und Muenchen: UVK Verlagsgesellschaft mbH, 2012. – 270 s.
9. Pasquay, A. Die deutschen Zeitungen in Zahlen und Daten / A. Pasquay. – Berlin, 2018. – URL: https://www.bdzv.de/fileadmin/bdzv_hauptseite/aktuell/publikationen/2017/ZDF_2017_web.pdf. (дата обращения: 01.03.2019).

Статья поступила в редакцию 28.03.2019

Yarmak, O. V., Shkayderova, T. V., Tsepкова, A. S., Lysenko, E. A., Nechvolod, D. A. Events of the Crimean Spring in the Media Space of Germany and France: Results of Content-Analytical Research

The article presents an analysis of the coverage of the Crimean events of 2014 in the media space of Germany and France. In the course of the study, a comparative analysis was carried out of reports covering the events of the Crimean Spring in the information space of Germany and France in 2014 and 2018, which made it possible to identify changes in the design of the media image of the Crimean events in the information agenda of these two European countries.

Key words: media space, Crimean Spring, France, Germany, media image, mass media.

УДК 355.49+929Сорокин(470)''1799/1806''

Статья посвящена службе контр-адмирала Александра Андреевича Сорокина в Средиземном море в 1798 – 1806 годах. Основное внимание уделено руководству им российскими военно-морскими силами в регионе от ухода в Черное море эскадры адмирала Ф. Ф. Ушакова и до начала Архипелагской экспедиции вице-адмирала Д. Н. Сенявина.

Ключевые слова: Средиземное море, Ионические острова, Корфу, Республика Семи Соединённых островов, Фёдор Фёдорович Ушаков, Александр Андреевич Сорокин, Алексей Самуилович Грейг, Дмитрий Николаевич Сенявин, Георгий Дмитриевич Моцениго.

В. В. Коваленко, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: cowalencko.vitalij@yandex.ru

ВОСЕМЬ ЛЕТ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ : ОДИССЕЯ КАПИТАНА СОРОКИНА

Осенью 1799 года император Павел I, раздосадованный вероломством и пренебрежительным отношением со стороны австрийских и британских союзников по Второй антифранцузской коалиции, принял решение о возвращении в Россию войск, находившихся в Средиземноморье. 25 декабря адмирал Фёдор Ушаков, находившийся в это время в Мессине, получил рескрипт императора от 23 октября, предписывавший «соединить с собою все отделённые эскадры», и, забрав «находящиеся в Неаполитанском Королевстве войска Наши... возвратиться к своим портам» [12, с. 484]. Вместо российских вооружённых сил на Ионических островах предполагалось ввести турецкие гарнизоны [12 с. 485].

Выполнение Высочайшего повеления было сопряжено со многими трудностями. «Отделённые отряды» находились далеко от основных сил, а состояние большинства судов не позволяло отправиться в длительный переход по Средиземному морю в осенне-зимний период. К тому же Ушакову впоследствии поступали противоречивые указания из столицы. В итоге, большая часть эскадры лишь 6 июля 1800 года вышла из Корфу и взяла курс на Черноморские проливы. На острове был оставлен русский гарнизон, численностью в 150 человек, под начальством подполковника Карла Гастфера [1, с. 425], командира ахтиарских гарнизонных артиллерийских рот [4].

На соединение с основными силами эскадры в силу различных обстоятельств не прибыли вовремя два отряда фрегатов. «Навархия Вознесение Господне», «Казанская Богородица» и «Сошествие Святого Духа» находились в Анконе для «исправления от великой в них течи и многих гнилостей» [10, с. 411]. Они добрались до Корфу только поздней осенью 1800 года и остались там зимовать. Командира отряда капитана 2 ранга Николая Дмитриевича Войновича разгневанный Павел I повелел «заслушание начальства в том, что не возвратился с эскадрою своею вместе с адмиралом Ушаковым к своим портам и остался самовольно на зимование в Корфу, исключить из службы с лишением чинов и отобранием патентов» [11, с. 5]. Судьбе опального родственника черноморского адмирала Марко Ивановича Войновича и его отряда посвящена отдельная статья [7].

Фрегаты «Св. Михаил», «Григорий Великия Армении» и «Св. Николай», исправлялись килеванием в Неаполе, поскольку также имели «чрезвычайную течь», а «согнившая от червоядия верхняя обшивка спадывает с них долой» [10, с. 557-558]. 5 июля, накануне отплытия из Корфу, Ушаков направил ордер командиру этого отряда капитану 1 ранга Александру Андреевичу Сорокину. Упрекнув подчинённого за то, что тот не только не прибыл с фрегатами в Корфу, «но даже рапортов ваших, зачем замедлили, не имею» [1, с. 417], адмирал приказал ему остаться с фрегатами в Неаполе.

Ушаков указал в ордере: «По получении от меня сего повеления отправьте от себя всеподданнейший рапорт его императорскому величеству. Объясните, что вы с тремя фрегатами оставлены при Неаполе по повелению моему для выполнения просьбы его королевского величества при ныне последовавших важных обстоятельствах и опасности для содержания при оном тишины и спокойствия» [1, с. 418]. Принятие Ушаковым ответственности за оставление Сорокина в Неаполе спасло того, судя по всему, от монаршего гнева. В отличие от графа Н. Д. Войновича, он продолжил службу, восемь лет которой прошли в Средиземном море.

Воздавая должное Ушакову за создание российской военно-морской базы на Ионических островах, отметим, что именно неисполнение Высочайшего повеления о возвращении «к родным портам» командирами двух отдельных отрядов позволило в итоге сохранить военное присутствие России в Средиземном море до тех пор, пока в столице империи не осознали значение этого региона для обеспечения безопасности южных рубежей России.

В ночь на 12 марта 1801 года Павел I был убит заговорщиками. На престол вступил его старший сын Александр I. В начале правления он взял курс на невмешательство в европейские конфликты. 3 июня 1801 года на заседании Государственного Совета было подтверждено решение Павла I об немедленном возвращении войск и фрегатов, находившихся в Корфу и Неаполе [12, с. 488]. Просьбы руководства Республики Семи Соединённых Островов (Ионической) задержать вывод войск, обращённые к русскому командованию и даже императору, не возымели действия.

Суда отряда Войновича, под командованием сменившего его капитана 2 ранга Кирьяка Константиновича Константинова, с артиллерийской командой подполковника Гастфера на борту, покинули Корфу в ночь на 2 августа 1801 года. 9 октября «старые, дряхлые и 5 лет уже килёвку неисправленные», с отваливающей обшивкой фрегаты смогли добраться до Константинополя [11, с. 63]. В апреле следующего года они вернулись в Севастополь [11, с. 614].

В конце сентября 1801 года, после эвакуации русских войск с Ионических островов, между Россией и Францией были заключены мирный договор и тайная конвенция. Статья IX последней содержала положение о том, что договаривающиеся стороны «признают и гарантируют независимость и государственное устройство Республики Семи Соединённых Островов, бывших Венецианских, и постановляют, что иностранных войск на сих островах более не будет» [9, с. 268]. Франция, получившая права гаранта независимости Ионической республики, строила планы дальнейшей экспансии в Средиземном море.

Наполеон рассчитывал удержать Египет и добиться избрания удобного ему кандидата на пост гроссмейстера Мальтийского ордена, вакантный после гибели Павла I. Французские войска оккупировали итальянские порты Таранто, Отранто и Бриндизи, ставшие плацдармом для будущего десанта на Ионические острова. Не остались без внимания Александра I и действия французской дипломатии, направленные на разрушение русско-турецкого союза. При этом она использовала тактику «кнута и пряника» - с одной стороны обещания помочь Турции вновь завладеть Крымом, с другой - угрозу возобновления против неё военных действий в Средиземноморье [17, с. 255].

К концу 1801 года в окружении Александра I меняется отношение к Республике Семи Соединённых островов. Было очевидно, что возникшее благодаря России, но оставленное ей, молодое греческое государство с неизбежностью окажется под властью либо Британии, либо Франции. Давление этих государств со временем неизбежно вовлечёт Османскую империю в орбиту их политики, что усилит опасность для южных областей России.

Император принимает решение о возобновлении военного присутствия на Ионических островах. Поводом послужили не прекращавшиеся здесь народные волнения. Они были вызваны как борьбой различных политических сил, так и неприятием местным населением передачи островов под верховную власть Османской империи согласно русско-турецкой конвенции от 21 марта 1800 года [8]. Решение Александра I было согласовано с султаном Селимом III, который официально обратился к России с просьбой о направлении её военных сил на острова [16, с. 138].

Руководство русской политикой в регионе Александр I поручил графу Георгию Дмитриевичу Моцениго, уроженцу Закинфа, одного из Ионических островов. Он наделил своего представителя правом «призвать» население островов к восстановлению порядка [16, с. 138]. Для того, чтобы подкрепить полномочия Моцениго реальной силой, было решено перебросить из Неаполя на о. Корфу фрегаты Сорокина и часть дивизии генерал-лейтенанта Михаила Михайловича Бороздина, отправленной Павлом I для «составления гвардии при особе Короля Неаполитанского» [12, с. 138].

28 февраля 1802 года капитану 1 ранга Сорокину было направлено Высочайшее повеление, которым предписывалось, забрав сухопутное войско, отправиться из Неаполя на Корфу [11, с. 151]. Александру Андреевичу предстояло несколько лет командовать морскими силами России в Средиземном море. В сложной, постоянно менявшейся военно-политической обстановке ему приходилось решать непростые дипломатические, военные и хозяйственные проблемы. Справляться с ними помогал двадцатилетний опыт корабельной службы, значительная часть которой прошла под командованием адмирала Ушакова.

Военно-морское образование Александр Сорокин получил в Морском корпусе, куда поступил 13-летним подростком в 1776 году. Произведённый 11 марта 1783 года в мичманы, он в следующем году был переведён на молодой Черноморский флот. В 1788 году в чине лейтенанта, командуя дупель-шлюпкой № 2, Александр Сорокин участвовал в сражении на Очаковском лимане и за отличие был

произведён в капитан-лейтенанты. В 1790 и 1791 годах на линейном корабле «Мария Магдалина» участвовал в сражениях с турецким флотом в Керченском проливе, у Гаджибея и при Калиакрии, получив за отличие орден св. Владимира 4-й степени [13, с. 105-106].

После окончания войны капитан-лейтенант Сорокин последовательно командовал фрегатами «Св. Иероним», «Св. Фёдор Стратилат» и «Св. Михаил». 23 ноября 1797 года был произведён в капитаны 2 ранга [13, с. 106], а через год направился из Севастополя в Средиземное море в эскадре вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова. От пролива Дарданеллы фрегаты «Св. Михаил» и «Казанская Богородица» под общим командованием Сорокина были направлены к берегам Египта. Они приняли участие в совместной с англичанами блокаде порта Александрия. Через три месяца, не получая от союзников провианта, фрегаты отбыли на соединение с главными силами Ушакова [18, с. 149].

Капитан 2 ранга Сорокин участвовал при блокаде и взятии Корфу. В апреле 1799 года адмирал Ушаков отдал ему приказ возглавить отряд из трёх фрегатов, идти с ним в итальянский порт Бриндизи и очистить берега провинции Апулия от неприятельских судов. Затем, по просьбе Неаполитанского короля Фердинанда IV, Ушаков приказал Сорокину следовать к Неаполю и поддерживать порядок в городе. Русский отряд успешно справился с задачей [5. - № 8, с. 27].

28 ноября 1799 года Сорокин был произведён в капитаны 1-го ранга. За отличие награждён орденами Св. Анны 2 степени и Св. Иоанна Иерусалимского. Неаполитанский король удостоил его ордена Св. Фердинанда «за верность и услуги» [13, с. 106]. После ухода основных сил эскадры Ушакова из Италии на Корфу три фрегата, под общим командованием капитана 1 ранга Сорокина, остались в Неаполе на капитальный ремонт. Содержались они за счёт неаполитанской казны. Офицеры и команды судов находились на берегу для содержания караулов и наблюдения за спокойствием и порядком в городе [5. - 8, с. 27].

5 сентября 1800 Ушаков, уже находившийся на пути к Константинополю, получил очередное строжайшее повеление покинуть со всеми силами Средиземное море. В этот же день адмирал направил рапорт Павлу I, в котором доложил, что в Неаполь «повеление послано от меня флота капитану 1 ранга Сорокину, чтобы он, забрав сухопутные войска - два батальона под командою генерал-лейтенанта Бороздина, и прочее все без остатка... следовал бы в черноморские порты» [1, с. 427]. Узнав о приказе русского императора, король Фердинанд IV, сохранение власти которого во многом зависело от русского военного контингента, стал требовать оставления войск в Неаполе.

Андрей Яковлевич Италинский, русский полномочный министр при неаполитанском дворе, 5 ноября написал адмиралу Ушакову о том, что король «приведён был в удивление и прискорбие и, почитая удаление эскадры и батальонов происшествием крайне опасным, могущим причинить великие несчастья, как в Неаполе, так и во всём том королевстве, решился написать сам к Государю Императору и просить, дабы Его И. В. соизволил указать г. генерал-лейтенанту Бороздину с батальонами и господину капитану Сорокину с эскадрою остаться в Неаполе до благополучнейшего по политическим обстоятельствам времени» [10, с. 526]. Было заявлено также, что только при этом условии снабжение русских войск будет продолжено. В сложившейся ситуации Сорокин и Бороздин «нашлись в необходимости остаться в Неаполе и ожидать Высочайшего указа» [10, с. 526].

30 декабря 1800 года вице-президент Адмиралтейств-коллегии адмирал Григорий Григорьевич Кушелев, фактический руководитель российского флота при Павле I, направил «повеление капитану Сорокину, с изображением Высочайшей воли, чтобы, по забрании в Неаполе и Корфу гарнизона, следовать в свои порты» [11, с. 54]. 26 января 1801 года, когда фрегаты были почти готовы к выходу из Неаполя, Сорокин получил секретное сообщение от А. Я. Италинского об открытии со стороны англичан неприятельских действий, в результате чего путь в Россию для его отряда был пресечён [11, с. 54].

17 марта 1801 года чрезвычайный посланник в Константинополе Василий Степанович Томара также направил предписание Сорокину «не трогаться с места», пока не получит «известия о безопасном следовании в наши порты» из-за опасности от английского флота [11, с. 19-20]. В этот же день, 17 марта 1801 года, новый император Александр I именным указом предписал флота капитану Сорокину «остаться у берегов неаполитанских и сицилийских, где в нем настоять будет надобность дотоле, покуда получит дальнейшее повеление» [11, с. 54].

Согласно русско-французской конвенции, подписанной в сентябре 1801 года, обе стороны признавали нейтральный статус и целостность Неаполитанского королевства. Оснований для пребывания на его территории русских войск больше не было. Королевское правительство перестало поставлять им продовольствие. 10 октября на заседании Адмиралтейств-коллегии обсудили донесение капитана 1 ранга Сорокина, направленное из Неаполя. В нем сообщалось, что «что по 6 число августа, на прежних положениях снабжался он провизией и порционными на счёт Его Королевского Величества» [11, с. 139].

Далее отряд остался без довольствия, поскольку посланник в Константинополе В. С. Томара отказался «снабжать его деньгами по причине той, что уже по высочайшему повелению остался он при Его Сицилианском Величестве, почему, не имея никаких сумм, и впредь получать не может. Находясь в таком положении, люди не удовлетворены за многие годы мундирными деньгами и мундирами, о чем и приложены при том ведомости, а сверх того и офицеры, по неимению сумм, не получали за 26 месяцев положенных по уставу на денщиков за провизию денег» [11, с. 139].

Сорокин сообщал также о бедственном состоянии фрегатов, находящихся под его командованием. Хотя они и были в начале 1800 года «исправлены при Неаполе», но из них «Григорий Великия Армении» и «Св. Николай», спущенные на воду в 1792 и 1790 годах соответственно, «во многих частях имеют гнилость и не могут быть благонадёжными к дальнейшему мореплаванию, тем паче, что и весь рангоут приходит в неблагонадёжность» [11, с. 139]. В лучшем состоянии находился лишь сравнительно новый «Св. Михаил», спущенный на воду в 1796 году. Но и это судно «от множества там червоядия подвергается впредь дальним повреждениям» [11, с. 148].

Повторное килевание его, как и двух других фрегатов Сорокин считал «бесполезным и опасным» как из-за плохого их состояния, так и из-того, что «надобных в исправлению фрегатов материалов в королевском адмиралтействе никаких не имеется, в партикулярных же руках, хотя с трудностью и отыщутся, но весьма в чрезмерных ценах». По этим причинам дальнейшее пребывание «оних фрегатов в тамошних морях крайне он находит сумнительным и вопрос об этом «представляет суждению коллегии» [11, с. 139-140]. После выяснения всех обстоятельств, Адмиралтейств-коллегия 9 января 1802 года направила доклад императору, в котором вопрос о «возвращении оных фрегатов к своим портам» предоставила на Высочайшее соизволение. Резолюция Александра I, объявленная 16 января гласила: «в своё время повеление о том дано будет» [11, с. 148].

Как уже было сказано выше, Высочайший повеление отправиться из Неаполя на Корфу, забрав сухопутное войско, последовало Сорокину 28 февраля 1802 года. Однако исполнить его немедленно не получилось. 1 марта, ещё до получения императорского указа, Сорокин направил рапорт в Адмиралтейств-коллегию, из которого следовало, что из находящихся под его командованием фрегатов «Св. Николай» «совсем никуда не способен», а «Григорий Великия Армении» «только лишь возвратиться в порты наши может» [11, с. 156].

Об этом было доложено Александру I, который 10 апреля 1802 года подписал новый указ. Сорокину надлежало на фрегате «Св. Михаил», посадив на него часть войск, направиться к Корфу, прикрывая транспорты, нанятые для перевозки остальных войск. Экипаж, артиллерию и другие вещи с фрегата «Св. Николай» следовало отправить на транспортах в порты Черноморские. Также следовало поступить и с экипажем фрегата «Григорий Великия Армении», «буде и он окажется к мореплаванию неудобным» [11, с. 151]. Александр I предоставил Сорокину возможность манёвра, указав, что «если бы экспедиция, в Корфу предполагаемая, не могла приведена быть в действо, тогда, пользуясь удобным летним временем, можете и вы отплыть восвояси с фрегатом вашим, забрав на оный из двух других фрегатов все то, что на оный погружено быть может, и уменьшая, таким образом число нанимаемых транспортов» [11, с. 151].

После получения этих указаний, Сорокин 27 мая направил в столицу Всеподданнейший рапорт и донесение в Адмиралтейств-коллегию, в которых предложил продать фрегат «Св. Николай», за исключением находящейся на нём «артиллерии и прочего, что найдено будет выгодным к доставлению в Россию» [11, с. 155]. Фрегат «Григорий Великий Армении» Сорокин предложил «отправить в свои порты, пользуясь летним временем и снятием тяжёлой артиллерии на них, поставя вместо оной лёгкую. Судно должно было перевести часть экипажа со «Св. Николая» и всех больных морской команды» [11, с. 156].

Сорокин доложил в столицу, что нанял три транспорта. Два из них с артиллерией, всеми её снарядами и большею частью экипажа «Св. Николая» готовятся к отправке к черноморским портам с фрегатом «Григорий Великия Армении». Третий транспорт с оставшимися людьми Сорокин предложил отослать на родину после продажи фрегата «Св. Николай» [11, с. 150]. После согласований со столицей и полномочным министром Италинским было принято окончательные решения по порядку отправки войск и грузов.

28 июня отряд под командованием капитана 1 ранга Ивана Шостака в составе фрегата «Григорий Великия Армении» и трёх транспортов, с морскими служителями, частью сухопутных войск генерал-лейтенанта Бороздина, артиллерией и снарядами на борту направился к черноморским проливам. Через месяц, 26 июля Сорокин подал в Адмиралтейств-коллегию рапорт, которым сообщил о состоявшейся продаже фрегата «Св. Николай» за 11460 дукатов [11, с. 163].

5 августа 1802 года на Корфу прибыл полномочный представитель императора граф Моцениго. Получив от него соответствующие указания, Сорокин с фрегатом «Св. Михаил» и тремя транспортами,

на которые были погружены два батальона гренадёров и артиллерийская команда из состава дивизии Бороздина, покинул Неаполь. 19 августа отряд прибыл в гавань Корфу [16, с. 166]. С этого времени Сорокин командовал морскими силами России в Ионической республике, а командир гренадёров полковник Фёдор Петрович Назимов – сухопутными. Общее руководство их действиями осуществлял граф Моцениго.

Ко времени прибытия русских войск ситуация на Ионических островах фактически вышла из-под контроля руководства Республики. «Необузданные жители островов сих, разделённые разными партиями, недовольные конституцией, им данною, не привыкшие ни к какому повиновению... пустились на всякие крайности и основали совершенное там безначалие, сугубо продолжающееся с отдалением войск и эскадры наших», – так характеризовал обстановку президент Коллегии иностранных дел Виктор Павлович Кочубей [16, с. 137]. На островах открыто действовали французские агенты, старавшиеся настроить население против России и изобразить Наполеона будущим освободителем греческого народа от турецкого ига [17, с. 258].

По прибытии на Корфу Сорокин, приняв на борт «Св. Михаила» гренадёрский батальон, направился по распоряжению Моцениго в экспедицию по островам с целью обеспечить военную поддержку представителей (регентов) правительства Ионической Республики. Миссия в целом имела вполне мирный характер. В циркулярной инструкции командирам русских гарнизонов, оставляемых на островах, Моцениго предписал действовать по согласованию с регентами. В случае нужды исполнять их просьбы о военной помощи, но никоим образом не вмешиваться во внутренние общественные и политические дела [16, с. 169]. За приведение жителей Республики «в законное повиновение» Сорокин получил от Ионического Сената золотую шпагу с надписью «от 7-ми островов» [13, с. 106].

9 января 1803 года он был произведён в капитан-командоры черноморского корабельного флота [13, с. 107]. Это позволило несколько упорядочить его субординационные отношения с полковником Назимовым. Осенью 1802 года в Российской империи были созданы министерства. Сорокин и Назимов оказались в подчинении разных ведомств – Министерства военных морских сил и Министерства военных сухопутных сил. При этом с момента прибытия на Корфу они не имели инструкций относительно своих полномочий. Неопределённость прав и обязанностей приводила к конфликтам между двумя старшими военными начальниками.

Сорокин неоднократно обращался к руководителю Министерства военных морских сил адмиралу П. В. Чичагову с просьбой «о присылке ему какой-либо инструкции». Однако, в отличие от Назимова, подобного документа он так и не дождался. Граф Моцениго тоже не имел указаний о порядке подчинённости военных начальников или о разграничении степени их власти [5. - №9, с. 39]. После присвоения звания капитан-командора положение Сорокина, как старшего в чине, давало ему некоторое преимущество, и ставило его, если не в начальственное, то, во всяком случае, в совершенно независимое положение от сухопутного командования.

Вопросы, связанные со своими обязанностями как старшего морского начальника, он решал самостоятельно, с присущей ему обстоятельностью, не обременяя себя обращениями к Моцениго. Ещё до отплытия из Неаполя Сорокин доносил Адмиралтейств-коллегии, что фрегат «Св. Михаил» крайне плох как в корпусе, так и в рангоуте, и просил замены его другим, более прочным судном. 4 сентября 1802 года последовало Высочайшее повеление о замене судна фрегатом «Назарет», который был отправлен под командованием капитана 1 ранга Константина Леонтовича из Севастополя в Корфу, куда прибыл 15 октября.

Сорокин, посчитав опасным отправление ветхого фрегата «Св. Михаил» в Россию в такое позднее время, принял решение оставить на Корфу оба судна. Его поддержал граф Моцениго [5. - № 8, с. 28-29]. Капитан 1-го ранга Леонтович 28 октября получил от Сорокина предписание доставить на о. Цериго нового регента и гарнизон из состава команды «Св. Михаила». Назначение моряков было вызвано тем, что полковник Назимов отказался выделить для этой цели своих гренадёр «без ослабления, как он говорил главных сил» [5. - № 8, с. 30]. После утверждения на Цериге власти регента, «Назарет» обошёл другие острова, чтобы продемонстрировать постоянное присутствие русского флота [5. - № 8, с. 30].

Одной из основных проблем, с которой столкнулись российские моряки с началом экспедиции адмирала Ушакова в Средиземное море, было отвратительное снабжение их всеми видами довольствия. Офицерам и матросам приходилось недоедать, а то и голодать, носить изношенное обмундирование. С подобной ситуацией Сорокин столкнулся и во время своего пребывания в Ионической республике. Его офицеры и команды не получали жалованья и терпели во всем крайнюю нужду, а в России по этому поводу шла неспешная «многословная переписка между различными местами и лицами» [5. - № 8, с. 31].

Поставки продовольствия русским войскам производились от Ионической республики натурой в крайне недостаточном количестве, а от Турции деньгами, которых не хватало и на половину потребностей. При этом Сорокину было высочайше предписано уменьшить расходы, поскольку содержание русских войск в Корфу казне «обходилось очень дорого» [5. - № 8, с. 35]. В ответ капитан-командор предоставил в столицу отчёты, показав, что вынужден нести лишние издержки, так как получаемого продовольствия не хватало. К тому же, доставлялось оно неаккуратно и несвоевременно, поэтому команды нередко голодали [5. - № 8, с. 31].

В результате Сорокину приходилось занимать деньги под личное поручительство. Желая улучшить питание нижних чинов, он в апреле 1803 года отправил лейтенанта Алексея Сытина на русском купеческом судне в Одессу для закупки и доставки пшеницы и другой провизии. Закупив провиант и следуя обратно, лейтенант Сытин попал в жестокую бурю и потерпел крушение. Грамотными действиями он спас команду, которая берегом добралась до Константинополя, откуда на коммерческом судне доставлена в Корфу. Военный суд, назначенный Сорокиным, оправдал Сытина, тем более что казна не потерпела убытка, поскольку погибшие судно и груз были застрахованы [5. - № 8, с. 31].

Сорокин отличался завидной настойчивостью при защите прав подчинённых, не стеснялся обращаться по этому поводу в самые высокие инстанции. Много поводов давало ему неудовлетворительное денежное довольствие военнослужащих. Сразу по прибытии на Корфу он отправил письмо адмиралу Чичагову с просьбой выслать средства для выдачи жалованья подчинённым. Не получив ответа, Сорокин 30-го апреля 1803 года вновь обратился к министру с просьбой о том же. При этом он доносил, что неоднократно обращался к графу Моцениго с просьбой снабдить его деньгами до присылки из России. Но тот ответил, что на довольствие команд не имеет никаких сумм, да и сам сидит без всяких средств, так как не может получить ассигнованных ему сумм, по причине «прекращения коммерциальной корреспонденции, вследствие войны между Францией и Англией» [5. - № 8, с. 31].

Видя, что офицеры и личный состав терпят крайнюю нужду, Сорокин занял небольшую сумму «под своё имя» и опять написал в Петербург к Чичагову и в Севастополь к новому Главному командиру Черноморского флота маркизу Ивану Ивановичу де Траверсе, прося «не оставить заступлением пред Монаршим престолом». Между Чичаговым, Адмиралтейств-коллегией и Главным командиром Черноморского флота началась переписка, откуда и как «способнее» удовлетворить просьбы Сорокина. В результате обмена бумагами стороны пришли к выводу о том, что довольствие Сорокина и его команды должно производиться из сумм, оставшихся от содержания эскадры вице-адмирала Ушакова и находящихся в ведении полномочного министра при Оттоманкой порте.

В этой должности В. С. Томару в конце 1802 года сменил бывший посланник в Неаполитанском королевстве граф Италинский, который информацией о деньгах, оставшихся от содержания эскадры Ушакова, не владел. Поэтому вопрос повис в воздухе. Все это время Сорокин «сидел без денег и утешал себя слёзными посланиями». Понятно, что офицеры, по году не получавшие жалованья, терпели нужду во всём необходимом. Но положение нижних чинов было ещё печальнее. Их обмундирование пришло в крайнюю ветхость и команды ходили босые и оборванные [5. - № 8, с. 32].

Матросам, находившимся почти постоянно на судне, Сорокин ещё находил возможным выдать на обмундирование деньги и понемногу обшить их. Но для солдатской команды, занимавшей береговые караулы у всех на виду, он требовал прислать материал на обмундирование, так как приобретение его на Корфу обошлось бы очень дорого. Сорокин писал, что Министерство военное по представлению полковника Назимова уже давно ассигновало и выслало в Корфу 150 000 франков. Поэтому гренадёры были хорошо обмундированы и «имели воинский вид». Ему же приходилось прибегать к новым займам «под своё имя» и терпеливо ждать, когда его требования будут удовлетворены.

Наконец, в декабре 1803 года было получено извещение о том, что адмирал де-Траверсе перевёл в Корфу требуемые им суммы [5. - № 8, с. 33]. Однако, когда деньги дошли до Сорокина, тот обратил внимание на то, что запрашиваемая им сумма в рублях была выдана турецкой монетой по завышенному на треть курсу в сравнении с тем, что недавно получил Назимов от Военного министерства. Сорокин вынужден был обратиться к Чичагову с просьбой компенсировать потерю денежных средств, «чтобы довольствие можно было выдать по одному курсу с сухопутными войсками». До этого он не приступал к выдаче денег, чтобы «от того не последовало негодование и роптание от нижних чинов, находя себя лишёнными почти одной трети всего жалованья в сравнении гренадёр» [5. - № 8, с. 34].

Настойчивость Сорокина в вопросах улучшения содержания своих команд тем более достойна уважения, что в этом он встречал препятствия на каждом шагу. Причем чинились они теми лицами, от которых, кроме помощи ничего не должен был ожидать. Так, например, командование Черноморского флота, на которое было возложено снабжение военной группировки в Ионической республике,

отправляя суда в Корфу, обеспечивало их, несмотря требования Сорокина, всем необходимым только на путь в один конец. При этом все хорошо понимали, что для снабжения судов на обратный путь, при невозможности приобрести всего необходимого в Корфу, капитан-командор вынужден будет расходовать запасы, сделанные для своих судов на зимнее время.

Историк флота Головизнин с огорчением отмечал, что «при тех порядках, какие тогда практиковались, иначе и не могло быть и по моему мнению, стоимость содержания войск увеличивалась отнюдь не распоряжениями Сорокина... а происходила главным образом от общей неурядицы и от канцелярских порядков, не только не предупреждавших, но в большинстве случаев замедлявших удовлетворение самых необходимых, так сказать - обыденных потребностей» [5. - № 8, с. 36].

Тем временем отношения между Россией и Францией шли к окончательному разрыву. В конце 1803 года, когда агрессивные намерения Бонапарта относительно Ионических островов проявлялись в довольно ясных формах, Александр I принял решение усилить находившиеся там войска. Графу Моцениго было предписано привести острова, но возможности, «в оборонительное положение». 4 апреля 1804 года полномочный представитель, пригласив к себе Сорокина и Назимова, объявил им о необходимости принять самые энергичные меры для защиты Республики от внезапного нападения французов [5. - № 8, с. 34].

Прежде всего было решено привести в порядок главные укрепления острова Корфу. Сами они находились в относительно неплохом состоянии. Однако крепостная артиллерия, долгое время находившаяся в полном пренебрежении, пришла в совершенно негодное положение. На батареях не осталось ни одного пригодного станка, а орудийные принадлежности были растеряны. Приведение в боевой порядок укреплений Корфу было поручено Назимову, получившему к этому времени чин генерал-майора. Сорокин взял на себя исправление находившихся в ещё более плачевном состоянии укреплений на острове Видо (Птихия), который считался ключом к Корфу. Здесь стояло несколько батарей, но бывшие на них орудия из-за отсутствия станков лежали прямо на земле, поэтому не имели никакого боевого значения.

Распорядившись изготовить необходимое число станков, Сорокин предложил выделить с фрегатов часть орудий и команды на важные береговые пункты. Сами же суда он считал необходимым поставить между Видо и крепостями на Корфу, чтобы они могли артиллерийским огнём воспрепятствовать неприятельскому десанту. По инициативе Сорокина граф Моцениго распорядился приступить к постройке канонерских лодок, необходимых для увеличения морских сил. Поскольку не нашлось умелых рабочих, Сорокин приказал купить частные перевозные барки и переделать их силами корабельных плотников в канонерские лодки, способные носить 18-ти фунтовую пушку. Граф Моцениго отпустил необходимые для этой цели средства. К 9 июля были готовы двенадцать судов с орудиями, установленными в носовой части на деревянных станках [5. - № 8, с. 42].

К началу июля главные укрепления Корфу были приведены в полный боевой порядок, а остров Видо вооружён четырьмя батареями с восемнадцатью 24-х фунтовыми пушками и помещениями для постоянного сухопутного гарнизона. На Корфу Сорокин оборудовал в пунктах, с которых была видна большая поверхность моря, сигнальные станции или маяки, как он называл их. Они находились одна от другой на расстоянии, позволявшем постоянно обмениваться сигналами. Фрегаты, находившиеся в постоянном крейсерстве вокруг Корфу, сообщали на станции обо всём, происходившем в море. В свою очередь, они в любое время могли получать указания с берега.

В 1804 году началась переброска на Корфу сухопутных войск кораблями Черноморского флота, часть которых осталась в Ионической республике. Осенью под командованием Сорокина находилась уже целая эскадра, включавшая корабли «Св. Параскева» и «Азия», фрегаты «Крепкий», «Поспешный», «Св. Михаил» и «Григорий Великия Армении», поляку «Экспедицион», одну шхуну и двенадцать канонерских лодок. Экипажи этих судов, исключая лодок, к концу года состояли из 97 офицеров и 2222 нижних чинов [5. - № 8, с. 37].

Наращивание российской группировки на Корфу не осталась без внимания Франции, потребовавшей исполнения девятой статьи Парижской конвенции относительно вывода русских войск с Ионических островов [15, с. 683]. Российские дипломаты в ответ утверждали, что делали это с согласия французов и, в свою очередь, возражали против увязывания вывода французских войск с судьбой Мальты [15, с. 729-730].

В конце августа на Корфу прибыл генерал-майор Роман Карлович (Генрих Рейнгольд) Анреп, назначенный командующим российскими сухопутными силами в Ионической республике. Он был снабжён секретной инструкцией, в которой содержалась краткая характеристика политической обстановки и предписания, которыми необходимо было строго руководствоваться. Согласно этому документу Моцениго, Анреп и Сорокин образовали особый Комитет, ведавший военными вопросами.

На первом его заседании, состоявшемся 26 августа, среди других вопросов был рассмотрен комплекс мер для обеспечения безопасности побережья Турции, Черногории и Рогузской (Дубровницкой) республики [5. - № 9, с. 51].

Для постоянного крейсирования в Адриатическом море между Корфу и Анконой назначались фрегаты «Св. Михаил» и «Поспешный». Сорокин немедленно начал их подготовку к выходу в море. Суда нуждались в некотором ремонте, без которого плавание в осенний период было опасным. Кроме этого, команды их были не в полном комплекте, а добавить личный состав с других судов Сорокин посчитал неправильным, так как те оставались бы совсем без экипажей. Генерал Анреп согласился с доводами и дал две роты солдат, которые пополнили команды. Фрегатам, вышедшим в море 18 сентября, было приказано не возвращаться в Корфу без крайней надобности.

В сентябре 1804 года произошёл инцидент, во время которого Сорокин проявил себя весьма достойно как руководитель. В Корфу была обнаружена фабрика по изготовлению фальшивых пиастров. По оговору местного грека, оказавшегося в конце концов главным виновником, в соучастии в этом преступлении были обвинены лейтенанты Егор Метакса и Алексей Сытин. Граф Моцениго приказал Сорокину тотчас же арестовать их и донёс о происшествии в Петербург. Капитан-командор исполнил приказание, но высказал глубокое убеждение в полной неосновательности подозрения, заявив, что считает неудобным арест русских офицеров по оговору «прохвоста». Затем лично принялся за расследование, успел найти настоящих виновников и спасти офицеров, которых граф Моцениго уже собрался отправлять для суда в Россию [5. - № 9, с. 53].

К этому времени Сорокин так и не получил из столицы документа, который определял бы его права и обязанности по отношению к другим должностным лицам. Ознакомленный с инструкцией, данной Анрепу, капитан-командор пришёл к выводу, что она также не разъясняет его положения и заявил генералу о своей самостоятельности. Ещё 28-го августа он написал в столицу, что этот документ «в рассуждении морских сил не мало не уполномочивает его (Анрепа – ВК) и посему моё поведение должен основать на всех правах закона до прибытия назначенного начальника сил морских или до получения повелений» [5. - № 9, с. 54]. На это письмо, ровно через два месяца, был получен ответ Чичагова, который, однако, не вносил никакой ясности в полномочия Сорокина.

13 сентября 1804 года последовал окончательный разрыв отношений между Российской империей и Францией. В начале октября Сорокин отправил в крейсерство к берегам Черногории фрегат «Азия», который, однако, через несколько дней вынужден был возвратиться для ремонта. Крейсирование «Св. Михаила» и «Поспешного» продолжалось до начала декабря. После этого оно было прекращено, поскольку, как доложил в столицу Сорокин, «сильные погоды, которые в сем месяце царствуют в Адриатическом заливе, делают крейсерство весьма затруднительно» [5. - № 9, с. 52].

В Петербурге посчитали необходимым усилить военно-морскую группировку в Средиземном море. Черноморский флот, отправивший почти все боеспособные суда на Корфу, уже не мог решать эту задачу. В середине октября 1804 года из Кронштадта вышло эскадра капитан-командора Алексея Самуиловича Грейга в составе двух кораблей и двух фрегатов. Это было первое независимое командование, доверенное 29-летнему офицеру, крестнику Екатерины Великой, уже при рождении удостоенному чина мичмана. Грейг успешно справился как с подготовкой эскадры к выходу в море, так и с руководством ей во время перехода, проходившего в сложных осенне-зимних условиях. 11 января 1805 его суда вошли в гавань Корфу.

Перед выходом Грейг получил наставление, подписанное Александром I, которое определяло положение его в Корфу более четко, чем у Сорокина, заявления и жалобы которого побудили, судя по всему, обратить внимание императора на этот вопрос. Алексею Самуиловичу предписывалось по прибытии «явиться к находящемуся там полномочному графу Моцениго и состоять в его распоряжении», а состоящие там «под командою капитан-командора Сорокина, суда принять под своё начальство» [5. - № 9, с. 65 - 66]. Любые движения или действия судов должны быть предварительно обсуждены с графом Моцениго и генерал-майором Анрепом.

Подробная инструкция, данная адмиралом Чичаговым, разъясняла и дополняла эти указания. Согласно ей Грейг занимал место Сорокина в особом Комитете рядом с Моцениго и Анрепом. Указывалось, что старшинство последнего по чину дает тому право главного начальства над всею военною частью. Поэтому поведение своё Грейг обязан был сообразовать с «сим общим постановлением» [2, с. 12-13]. Если же генерал Анреп должен будет с большей частью войск покинуть Корфу, то Грейг принимал начальство над всей военной частью. В инструкции был упомянут и капитан-командор Сорокин, которому, в случае отсутствия также и Грейга, должно было по старшинству перейти командование [6. - № 11, с. 66].

Далее Чичагов добавил, что «как сии ваши отлучки могут случаться нередко, то я предполагаю за лучшее, чтобы ваше превосходительство оставили его непременно командиром над портом под

ведомством вашим» [6. - № 11, с. 66]. Последнее указание призвано было, судя по всему, смягчить неожиданное для Сорокина известие о том, что он переходит в подчинение офицеру, который был моложе его на 12 лет. Оба они были равны по старшинству, получив чин капитан-командора в один день – 9 января 1803 года. Но Сорокин, в отличие от Грейга, уже с 1798 года командовал отдельными отрядами и эскадрами, а с 1802 года – всеми морскими силами на Корфу.

Можно только представить те чувства, которые испытывал Сорокин, до которого были доведены указания столичного начальства. Не способствовало улучшению отношений между двумя капитан-командорами и то, что Грейг занялся изучением снабжения отряда Сорокина продовольствием в тот период, когда оно зависело от Сицилийского Двора и Оттоманской порты. По итогам расследования он представил на рассмотрение адмирала Чичагова «разные претензии» [14, с. 333-334]. Впрочем, для Сорокина эти донесения последствий не имели. Да и сам Алексей Самуилович убедился вскоре, что вопросы снабжения эскадры на практике выглядят далеко не так, как это представлялось из столицы.

Следует также сказать и о том, что Грейг, приняв суда и адмиралтейство от Сорокина, не стал исполнять рекомендацию Чичагова относительно назначения его капитаном над корфинским портом. А когда вся эскадра отправилась в крейсерство, Александру Андреевичу было приказано заведовать оставшимися в Корфу наемными купеческими судами [6. - № 12, с. 73]. Это назначение показалось Сорокину крайне обидным и он обратился к императору с жалобой, в которой просил либо дать ему в командование корабль или фрегат, либо «позволить отлучиться в С.-Петербург для свидания с моим семейством, с коим через семилетнее мое пребывание вне границ Империи Вашей по воле Вашего Императорского Величества нахожусь в разлучении» [6. - № 12, с. 73].

На случай же начала в Средиземном море боевых действий Сорокин в этом же письме просил оставить его хотя бы на «корабле капитан-командора Грейга, чтобы тем оказать неизменную ревность, усердие и горячность к службе Вашего Императорского Величества, которая была и есть предметом моего существования» [6. - № 12, с. 74]. Александр I принял во внимание просьбу заслуженного боевого офицера. Сорокин получил письмо от адмирала Чичагова, который сообщал: «Государь Император с удовольствием принял усердное желание ваше участвовать в военных действиях, если откроются оные в Ионических водах и во изъявление того соизволил назначить вам из находящейся в Корфу под командою г. капитан-командора Грейга дивизии - отделение, приличествующее вашему званию. Его Величество совершенно надеется, что вы оправдаете сей знак Монаршего внимания к известной вашей службе» [6. - № 12, с. 74]. Грейг, получив соответствующее указание из Петербурга, вернул Сорокину командование над черноморскими судами, находившимися в Корфу.

В апреле 1805 года Россия и Великобритания подписали союзный договор, положивший начало Третьей антифранцузской коалиции. По разработанному её военным руководством плану, эскадра Грейга должна была доставить сухопутные войска из Корфу в Неаполь. Здесь, соединившись с английскими и неаполитанскими частями, под главным командованием генерала от инфантерии Бориса Петровича Ласси, они должны были вытеснить французские войска из южной Италии. В ноябре переброска войск была завершена. Однако военная кампания в Италии закончилась, едва начавшись.

20 ноября при Аустерлице состоялось решающее сражение между войсками Наполеона и Третьей антифранцузской коалиции. Вошедшее в историю как «битва трёх императоров», оно завершилось разгромом союзных армий. 24 ноября Александр I подписал указ о немедленном возвращении на родину русских войск, оставив минимально необходимое количество их для защиты Республики Семи Объединённых островов. К середине января 1806 года на кораблях эскадры войска были доставлены обратно в Корфу.

Сорокину, получившему 27 декабря, в один день с А. С. Грейгом, чин контр-адмирала [13, с. 107], была доверена ответственная миссия. В условиях начавшегося наступления французов он эвакуировал из Неаполя на Сардинию короля Сардинского и герцога Савойского Виктора Эммануила I. За это монарх наградил Сорокина алмазным перстнем [13, с. 107].

18 января 1806 года на рейд Корфу вошла ещё одна балтийская эскадра под флагом вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина. Как старший по чину, он принял командование над всеми морскими и сухопутными силами, находившимися в Ионической республике. Под началом Сенявина была сконцентрирована внушительная морская группировка - 10 кораблей, 5 фрегатов, 6 корветов, 6 бригов, шхуна и 12 канонерских лодок. В экипажах судов насчитывалось 7908 матросов, морских солдат и артиллеристов. Сверх этого, были взяты от французов две шебеки, а два призовых судна переделаны в корветы [3. – Ч. 1, с. 113-114].

Сенявин должен был принять также и командование над сухопутными войсками численностью до 13 тысяч человек [3. – Ч. 1, с. 113]. Поскольку он покинул Кронштадт до начала войны Третьей коалиции с Францией, а прибыл на Корфу уже после Аустерлица, то не знал, что ещё 14 декабря 1805 года Александр I подписал рескрипт об уходе всех морских сил из Средиземного в Чёрное море [16, с.

237]. В этот же день, 14 декабря Австрия заключила с Францией Пресбургский мир, по условиям которого Австрия уступала победителю Венецианскую область, а также Истрию, Далмацию и Которскую область, населённые славянами [16, с. 236].

Сенявин же спланировал по прибытии на Корфу направить войска к восточному побережью Адриатического моря, чтобы опередить французов. Благодаря Моцениго ему удалось убедить генерала Ласси, исполнявшего указ об отправлении в Россию, оставить в Корфу большую часть сухопутных войск. Отряд черноморских кораблей под командованием капитана 1 ранга Григория (Генри) Белли с десантом на борту направился к Которской области и занял её с помощью черногорских отрядов. Затем началась операция в Далмации, где Сенявин намеревался занять стратегически важный порт Рогуза (ныне Дубровник). Однако 27 марта он получил императорский указ от 14 декабря 1805 года с требованием уйти из Средиземного моря в Чёрное [16, с. 238].

Перед этим на Корфу пришёл секретный пакет на имя Ласси, уже покинувшего остров с частью войск. Моцениго и Сенявин решили вскрыть его, надеясь найти там указания и для себя. После изучения содержимого пакета они составили акт, который гласил: «Начальствующий вице-адмирал Сенявин вправе отложить возвращение той эскадры в черноморские порты до получения высочайшего о том повеления» [16, с. 239]. В томительном ожидании прошло более двух месяцев. Только 23 мая 1806 года Александр I подписал рескрипт, отменявший возвращение флота в порты Черного моря. Сенявину предоставлялось право вести военные действия по своему усмотрению [18, с. 263].

Началось наступление на Рогузу, в которой успели укрепиться французы. Участие кораблей Черноморского флота в боевых действиях под флагом адмирала Д. Н. Сенявина будет рассмотрено в отдельной публикации. В рамках данной статьи уместно сказать о том, что поддержку сухопутных войск с моря при блокаде Рогузы Сенявин доверил своему давнему сослуживцу по Черноморскому флоту контр-адмиралу Александру Сорокину. В конце мая его отряд с контр-адмиральским флагом на корабле «Св. Параскева» уже находился в Которском заливе [3. – Ч. 1, с. 325].

Из «Записок морского офицера», принадлежащих перу Владимира Броневского, участника экспедиции Сенявина, известно, что отряд Сорокина поддерживал огнём корабельной артиллерии действия сухопутных войск в сражении у Рогузы. Затем он направился к острову Сан-Марко, на который после разведки и артиллерийской подготовки высадил десант. В дальнейшем Сорокин действовал со своим отрядом у берегов Венеции, Триеста и Далматинского побережья [3. – Ч.2]. Осенью 1806 года он был переведен на Балтийский флот. Здесь Александр Андреевич в течение года командовал эскадрой, после чего получил назначение членом Адмиралтейств-коллегии [13, с.107].

29 октября 1808 года контр-адмирал Сорокин вышел в отставку. Девять лет спустя, 10 мая 1817 года был возвращён на службу и вновь назначен членом Адмиралтейств-коллегии. Со 2 марта 1824 года Сорокин одновременно исполнял обязанности первоприсутствующего в Комиссии по составлению сметных исчислений для постройки военных судов. Скончался Александр Андреевич 27 апреля 1827 года [13, с. 107], пережив на десять лет своего командира и наставника адмирала Федора Федоровича Ушакова. Прославленный флотоводец, составляя завещание, попросил заверить его самых близких друзей – адмирала Петра Кондратьевича Карцова, вице-адмирала Гавриила Кузьмича Голенкина и контр-адмирала Александра Андреевича Сорокина [19, с. 15].

Список литературы

1. Адмирал Ушаков: письма, записки. – М.: Воениздат, 2004. – 463 с.
2. Асланбегов, А. Б. Адмирал Алексей Самуилович Грейг: Биографический очерк / Сост. Авраамий Асланбегов. — СПб. : в Тип. Морского Министерства, в Главном Адмиралтействе, 1873. - [2], 172 с.
3. Броневский, В. Б. Записки морского офицера, в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год : в 4 ч. / В. Б. Броневский ; [По повелению и на иждивении Гос. Адмиралтейского деп-та и Рос. Акад.]. — СПб. : в Мор. тип., 1818-1819.
4. Гастфер Карл Иванович / Центр генеалогических исследований. - URL: <http://rosgenea.ru/> (дата обращения: 30.03.2019).
5. Головизнин, К. Очерки из истории русского флота. Капитан-командор Сорокин в Ионической республике / К. В. Головизнин // Морской сборник. -1882. - № 7-8, неоф. - С. 23-42; там же. - № 9, неоф. - С. 37 - 54.
6. Головизнин, К. Очерки из истории русского флота. Эскадра контр-адмирала А. С. Грейга / К.В. Головизнин // Морской сборник. - 1882. - № 11, неоф. - С. 55–79; там же. - № 12, неоф. - С. 65–86.
7. Коваленко, В. В. Долгий путь домой эскадры графа Войновича // Причерноморье. История, политика, культура. – 2019. - №28. – С. 28 - 42.

8. Конвенция, заключённая в Константинополе между Россией и Портою Османскою о Республике Семи Соединённых островов 21 марта 1800 / Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. - СПб : В типографии Второго отделения Собственной Её Императорского Величества канцелярии, 1830. : Т. 26 : 1800-1801. - 1830. - № 19.336. - Марта 21. - С. 11-15.
9. Мартенс, Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами / По поручению Министерства Иностранных дел составил Ф. Мартенс. : Т. 13 : Трактаты с Францией. 1717-1807. - СПб. : Тип. М-ва Путей Сообщения (А. Бенке), 1902. - 339 с.
10. Материалы для истории русского флота. Часть XVI. - СПб. : Типография Морского Министерства, 1902. - 668 с.
11. Материалы для истории русского флота. Часть XVII. - СПб. : Тип. Морского Министерства, 1904. - 667 с.
12. Милютин, Д. А. История войны России с Франциею в царствование императора Павла I в 1799 году: составлена по Высочайшему повелению Государя императора Николая I : в 5 т. / сочинение полковника Милютина. - СПб. : Типография Штаба военно-учебных заведений, 1852 - 1853. —Т. V. ч.7, ч. 8. СПб. : Типография Штаба военно-учебных заведений, 1853. - 512 с.
13. Общий Морской список : Ч. V : Царствование Екатерины II. С-Ф. — СПб.: Тип. В. Демакова, 1890. — 484 с.
14. Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. т.1-10. - СПб. : тип. В. Демакова и тип. Морского министерства, 1877-1906. - Т. 6. - СПб. : тип. В. Демакова, 1891. - 979 с.
15. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. - Т. 77 : Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / Под ред. и с предисл. А. Травецкого. - СПб. : Тип. А. Траншея, 1891. - [6], XIV, 780 с.
16. Станиславская, А. М. Россия и Греция в конце XVIII - начале XIX века. Политика России в Ионической республике. 1798-1807 гг. / А. М. Станиславская. - М.: Наука, 1975. - 375 с.
17. Станиславская, А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798-1807) / А. М. Станиславская. - М.: Издательство Академии наук, 1962. - 504 с.
18. Тарле, Е. В. Сочинения : в 12 т. / Е. В. Тарле. - М.: Издательство Академии наук СССР, 1957 - 1962. - Т. 10. - М. : Издательство Академии Наук СССР, 1959. - 876 с.
19. Фёдоров, А. И. История, личности, судьбы. Сборник очерков о выдающихся личностях, связанных с территорией современного Струго-Красненского района / А. И. Фёдоров. - Екатеринбург : «Издательские решения», 2017. - 224 с.

Статья поступила в редакцию 02.04.2019

Kovalenko, V.V. *Eight Years in the Mediterranean: The Odyssey of the Captain Sorokin*

The article is devoted to the service of the rear admiral Alexander Andreevich Sorokin in the Mediterranean Sea in 1798 - 1806. The main attention is paid to his management of the Russian Navy in the region from the period the squadron of the admiral F.F. Ushakov left for the Black Sea and to the beginning of the Archipelago expedition of the vice admiral D. N. Senyavin.

Key words: The Mediterranean Sea, the Ionian Islands, Corfu, The Septinsular Republic, Fyodor Fyodorovich Ushakov, Alexander Andreevich Sorokin, Alexey Samuilovich Greyg, Dmitry Nikolaevich Senyavin, Georgy Dmitriyevich Motsenigo

УДК 930.2:930.85(262.1/5-194.2)

В данной статье рассматриваются составные элементы методологии исследования истории Большого Средиземноморья в том числе: историография; система категорий, понятий и терминов; тенденции, закономерности и законы; методы анализа; основные научные течения и подходы.

Ключевые слова: историография Большого Средиземноморья, категории, понятия, термины, тенденции, закономерности, законы, методы, научные течения.

А. П. Кабаченко, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: aleksandr-kabachenko@yandex.ru

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Методология истории Большого Средиземноморья посвящена исследованию и обоснованию региональных особенностей исторического процесса в рамках всемирной истории. Методология как инструмент исследования истории Большого Средиземноморья содержит четыре необходимые и достаточные, на наш взгляд, составные части: историографию, понятийный и категориальный аппарат, тенденции и закономерности развития исторических процессов, общетеоретические, специальные и прикладные методы исследования.

Историография важна не только сама по себе, но и как характеристика самой истории представлена на трёх уровнях.

На первом уровне она содержит описание бытовых, героических или религиозных событий в виде сказаний, мифов, легенд, песен и в других формах народного творчества. Информация о событиях вначале передавалась из поколения в поколение в устной форме, затем – записывалась на глиняных табличках, бересте, в манускриптах или высекались на камне. Таковы эпос о Гильгамеше [56, с. 353-400], мифы древних греков [16], религиозные тексты. Многие древние историки в своих трудах не анализировали события, а только излагали сведения о них: эти сочинения также можно рассматривать как источник отдельных исторических фактов для дальнейшего изучения и обобщения. Историография этого уровня носит информационный характер. Она крайне важна для историков, поскольку сказания, мифы, легенды, песни и другие формы народного творчества формировали индивидуальное и общественное сознание, создавали объективную основу исторических решений и событий [13]. По мнению С. Я. Лурье, «основной закон истории», по Геродоту, заключается в том, что непрекращаемый рок наказывает каждого, кто захватил больше счастья, чем ему отведено. Иногда Геродот сомневался; произошло ли событие потому, что так решили боги, или оно возникло в результате решения людей. Если в толковании причинности Геродот оставляет много места божественному, роковому, то в описании исторических событий фантастическое и чудесное далеко отодвинуты у него на задний план [34].

Основа для второго уровня историографии – методы подачи авторами информации [24]. Выделяются, как минимум, четыре их разновидности: духовная, прагматическая, критическая и обобщающая. Духовный метод использовали авторы, стремившиеся излагать события и передавать высказывания исторических деятелей языком своего времени. Тем самым они пытались вызвать доверие к тексту, но чем правдоподобнее он выглядел, тем дальше оказывался от оригинала, не вписываясь в последующие лингвистические конструкции. Прагматический метод использовали авторы, которые в виде поучения пытались перенести опыт предков на современную им почву. Термин «прагматическая история» впервые встречается у Полибия. Основоположителем прагматической историографии многие историки считают Фукидиду. Он рассматривал прагматическую историографию в качестве поучающей историографии – «*historia est magistra vitae*» (история – наставница жизни) [50]. Критический метод [32], который стал популярным в России в последнее десятилетие, стремится к изложению не самой истории, а истории истории, то есть исследует и верифицирует исторические тексты. Обобщающий метод руководствуется сложившимися оценками общественных процессов и событий в истории искусства, истории права и т. д. [25]. Целостная связь этих процессов с историей народа способствует формированию философии истории, поверхностная связь во внешних отношениях не даёт требуемого результата.

Третий уровень историографии в его целостном варианте – это философия истории[20], [19], или её методология. В самом понятии «философия истории», казалось бы, уже кроется противоречие, поскольку история отображает то, что было, а философия исходит из абстрактных умозаключений, чаще всего игнорируя конкретную реальность. Автоматическое распространение на историю философских умозаключений может привести исследование истории к анализу абстрактных конструкций, сформированных не по реальным событиям, а по оптимальным параметрам. В действительности же философия исследует логику последовательного развития событий в мире, что позволяет рассматривать всемирно-исторический процесс как последовательное формирование более совершенных общественных отношений.

Характеристика уровней историографии, претендующая на полноту, обязательно требует выявлять, насколько информация источника адекватна описываемым историческим событиям. Адекватность отражения источником реальной действительности оценивается с учётом трёх форм: синтаксической, семантической и прагматической. Синтаксическая адекватность информации отображает её структурные характеристики, в том числе тип носителя и способ представления. Семантическая или смысловая адекватность информации определяет степень соответствия образа объекта и самого объекта, анализирует смысловые связи, их содержание и обобщение. Прагматическая адекватность информации связана с её ценностью при разработке управляемого воздействия.

Категориальный аппарат как составная часть методологии истории Большого Средиземноморья содержит большое число понятий, как обобщённой характеристике предметов и явлений действительности и связей между ними путём выявления общих и специфических свойств или признаков предмета или явления[10]. Они разработаны в рамках других дисциплин, поэтому в понятийном аппарате истории Большого Средиземноморья, в его содержании и объёме представлены видовые, единичные («Египет») или общие («исторический процесс») понятия. Конвенционализм, к примеру, рассматривает научные понятия как произвольно устанавливаемые условные знаки в результате соглашения между учёными. Они должны быть внутренне непротиворечивы и соответствовать результатам наблюдения, но при этом не обязательно отражают истинное устройство мира. Категории при этом рассматриваются как однозначные гипотезы [53]. В отличие от него номинализм [40] исходит из инструментального характера понятий, то есть рассматривает их не как собственные имена цельных сущностей, а как общие имена, вместо которых можно подставлять имена конкретные. Номинализм придаёт терминам [17] роль логических абстракций, непротиворечивость которых достигается путём сопоставления с эмпирической моделью.

Категории как наиболее общие фундаментальные понятие, отражающие закономерные связи и отношения, как концентрированная форма и принцип воспроизводства свойств бытия и мышления рассматривались Аристотелем, И. Кантом, Г. Гегелем, экзистенциалистами и др. [28], [36], [42].

Систематизация категорий позволяет выделить класс понятий, характеризующих существенные внутривидовые признаки истории Большого Средиземноморья как науки. Она включает себя тенденции и закономерности [45] истории Большого Средиземноморья, становление общественного и индивидуального сознания, культуры, качественные этапы развития исторических учений [4], а также объект и предмет истории Большого Средиземноморья. Внутривидовые признаки истории Большого Средиземноморья как науки могут быть выделены по субъектам (акторам), источникам и направлениям деятельности. Они способствуют формированию приоритетных направлений истории Большого Средиземноморья при анализе истории становления общественных институтов, общественных отношений и поведения, проблем управления, социальной политики, методов осуществления общественной деятельности, при анализе материальных и духовных ресурсов общественной деятельности, а также при исследовании внутренних источников развития общественных процессов на каждом этапе истории Большого Средиземноморья.

Категории истории Большого Средиземноморья связаны с категориями других общественных дисциплин на основе единства исторического и логического, что позволяет определить его смысл, содержание и последовательность развития основных направлений жизнедеятельности общества в рассматриваемый период времени. Смысловая систематизация позволяет выделить центральное звено понятийного аппарата истории Большого Средиземноморья, создать категориальную структуру и сформировать целостную картину объекта в его развитии. Однако полная систематизация возможна только в рамках специального исследования, поэтому в данной статье мы ограничились программой минимум, которая содержит описание системы категорий, понятий и терминов, как результат авторской позиции.

К фундаментальным понятиям истории [48], в том числе истории Большого Средиземноморья могут быть отнесены: «история Большого Средиземноморья»; «общественные отношения в истории Большого Средиземноморья»; «субъекты истории Большого Средиземноморья»; «тенденции и закономерности в истории Большого Средиземноморья»; «региональный исторический процесс»; «региональная историческая система»; «региональная культура».

Содержанием категории «история Большого Средиземноморья» как базовой является жизнедеятельность всех народов и стран на этом пространстве и во всём временном периоде. Категория «история Большого Средиземноморья» объединяет понятия: «объект истории Большого Средиземноморья», «предмет истории Большого Средиземноморья», «жизнедеятельность общества в истории Большого Средиземноморья», «внутренние отношения в истории Большого Средиземноморья», «международные отношения в истории Большого Средиземноморья» и так далее.

Категорией истории Большого Средиземноморья выступает деятельность субъектов истории [46], в том числе:

«личность в истории Большого Средиземноморья», «лидер в истории Большого Средиземноморья» и др.;

«общественная группа в истории Большого Средиземноморья», «нация в истории Большого Средиземноморья», «элита в истории Большого Средиземноморья», «диаспора в истории Большого Средиземноморья», «общественное движение в истории Большого Средиземноморья» и др.;

«партия в истории Большого Средиземноморья», «партийные системы в истории Большого Средиземноморья» и др.;

«государство в истории Большого Средиземноморья», «авторитаризм в истории Большого Средиземноморья», «тоталитаризм в истории Большого Средиземноморья», «демократия в истории Большого Средиземноморья» и др.;

«международные организации в истории Большого Средиземноморья», «союзы государств в истории Большого Средиземноморья», «международные организации в истории Большого Средиземноморья» и др.

Необходимость реализации потребностей, программных установок и функций вынуждает субъекты истории Большого Средиземноморья вступать во взаимосвязь между собой, устанавливать правила такой взаимосвязи, результатом чего являются общественные отношения. Они, выступая в виде свойств или признаков субъектов истории Большого Средиземноморья, отражены в соответствующей группе категорий, понятий и терминов. К ним относятся: «общественные отношения в истории Большого Средиземноморья», «властные отношения в истории Большого Средиземноморья», «конфликты в истории Большого Средиземноморья» и др.

Общество в истории Большого Средиземноморья выступает в качестве основного поля деятельности отдельных лиц, больших и малых организованных групп людей, объединённых вокруг этих лиц, претендующих на представительство интересов своего клана или сословья или иной прослойки людей, а также силовых официальных структур. Они образуют властную группу категорий, понятий и терминов: «влияние в истории Большого Средиземноморья», «власть в истории Большого Средиземноморья» и др.

Властная группа категорий, понятий и терминов [35] включает в себя вертикальную, горизонтальную и диалектическую схемы властных отношений.

В вертикальную схему властных отношений включаются понятия: «ветви власти в истории Большого Средиземноморья», «система сдержек и противовесов в истории Большого Средиземноморья», «законодательная власть в истории Большого Средиземноморья», «исполнительская власть в истории Большого Средиземноморья», «судебная власть в истории Большого Средиземноморья» и другие.

В горизонтальную схему властных отношений включаются понятия: «гражданское общество в истории Большого Средиземноморья», «гражданская война в истории Большого Средиземноморья» и др.

В диалектическую схему властных отношений включаются понятия: «общественный договор в истории Большого Средиземноморья», «разделение властей в истории Большого Средиземноморья» и др.

Спонтанная деятельность в истории Большого Средиземноморья формировала процессы, упорядоченная – системы [8], [5], [49], [51]. Они отражены в понятиях: «общественный процесс в истории Большого Средиземноморья», «циклы истории Большого Средиземноморья» «общественная

система в истории Большого Средиземноморья», «региональная система в истории Большого Средиземноморья», «подсистемы в истории Большого Средиземноморья» и др.

Методы общественной деятельности субъектов истории Большого Средиземноморья составляют отдельные группы понятий и категорий: «методология истории Большого Средиземноморья», «методы теоретических исследований истории Большого Средиземноморья», «методы общественной практики в истории Большого Средиземноморья», «методы прикладных исследований в истории Большого Средиземноморья» и др.

Тенденции, как направление развития какого-либо явления или процесса, и закономерности, как результат объективной, повторяющейся существенной связи явлений общественной жизни или этапов исторического процесса[22], [23], [29] истории Большого Средиземноморья отражают понятия: «интеграция и дезинтеграция в истории Большого Средиземноморья», «интернационализм и национализм в истории Большого Средиземноморья», «единство и борьба противоположностей в истории Большого Средиземноморья», «отрицание отрицания в истории Большого Средиземноморья», «переход количественных изменений в качественные в истории Большого Средиземноморья» и др.

Общественная деятельность, материализованные результаты общественной деятельности в виде общественной культуры находят отражение в категориях и понятиях индивидуального, группового и массового сознания: «общественное сознание в истории Большого Средиземноморья», «сознание личности, группы, общества в истории Большого Средиземноморья» и др.

В истории Большого Средиземноморья нашли отражение общемировые процессы энтропии и хаоса, с одной стороны, и организованности и информированности – с другой. Они определяли тенденции и закономерности развития региона. История Большого Средиземноморья представляет собой постоянное присутствие и борьбу этих тенденций с незначительным преимуществом одной из них. Смена ведущих тенденций способствует передаче приоритета принятия решений противоположным организационным структурам в отдельных странах и в регионе в целом. Поскольку борьба за приоритетное положение в обществе занимает продолжительное время, смена ведущих организационных структур подчинена определённым историческим тенденциям и закономерностям. История Большого Средиземноморья позволяет выявить временные рамки и последовательность их проявления, установить алгоритм смены приоритетов в ведущих странах и регионе в целом. Алгоритм развития общественных отношений позволяет выделить основные циклы исторического процесса и периоды истории Большого Средиземноморья, которые нуждаются в специальном исследовании.

Алгоритм истории общественного развития в Месопотамии рассматривались как состояние общества до потопа и после потопа. Египет выявил алгоритм своего развития по исторической результативности деятельности династий фараонов. В древней Индии закономерность общественного развития рассматривалось как необходимость соблюдения дхармы, которую определяет карма. Религиозные представления о закономерностях общественного развития были неотвратимо связаны с божественным предопределением. Если действия отдельного человека, общественных и государственных организаций не соответствуют воле Бога, как высшим законам бытия, они не могут быть успешными.

Закономерности общественного развития исследовал Ибн-Хальдун [26, с. 187-217]. Он исходил из географического детерминизма и считал, что географическая среда предопределяет большие исторические циклы. Циклы соответствуют длительности жизни цивилизаций. Ж. Боден [7] высказал мнение о том, что в отличие от природного кругового вращения в обществе осуществляется прогресс. Общество рассматривается Ж. Боденом в качестве связанных с природой кровно-хозяйственных общин. Монтескьё, Кондорсе и Гердер обосновали тенденции детерминизма[39], [2], [11], а Вико – провиденциальные законы исторического круговорота. В исследованиях Ж. Тьерри, Ф. Минье, Ф. Гизо было дано оригинальное обоснование общественных закономерностей[41], [38], [43].

В исследованиях Г. Гегеля история представлена как поступательное прогрессивное закономерное развитие, поскольку «царство законов есть спокойное отображение существующего или являющегося мира» [12]. К. Сен-Симон рассматривал общественные отношения как закономерности организма, который проходит созидательную эпоху, критическую и разрушительную, необходимую для построения более высокого общественного строя[14, с.139-173]. О. Конт рассматривал теологическую, метафизическую и позитивную стадии общественной трансформации как закон эволюции человечества и личности[37].

Согласно марксизму массовые общественные явления характеризуются статистическими закономерностями, а ведущие направления исторического развития, несмотря на отдельные

отклонения, могут быть рассмотрены в рамках динамических закономерностей. Марксизм исходил из зависимости тенденций и закономерностей от общественно-экономической формации. Опираясь на этот подход, марксизм обосновал наличие внутри формационных, между формационных и общесоциологических тенденций и законов [33].

Н. Д. Кондратьев выделил три типа общественных закономерностей: статический, динамический и генетический [30], [29]. Когда в обществе достигнуто устойчивое равновесие противоборствующих сил и место каждого элемента чётко определено, на первый план выступает статический тип общественных закономерностей.

Динамический тип общественных закономерностей имеет четыре разновидности: циклический, темпоральный, системный и кризисный. Циклический тип характеризует зарождение, становление, подъём, зрелость, дряхление и гибель общественной системы. Темпоральный тип основан на взаимосвязи общественных циклов длительности. Системный тип включает в себя закономерности отношений внутри общественной системы, в том числе науки, культуры, экономики, политики и других элементов. Кризисный тип определяет стадии и механизмы предельных состояний общества.

Генетический тип общественных закономерностей исследует механизмы отбора и наследственности при активизации внутренних ресурсов саморазвития общественных систем.

В истории Большого Средиземноморья законы диалектики выступают в качестве методологической основы исследований. Они проявлялись в многочисленных событиях, процессах и явлениях. Более того, история Большого Средиземноморья – прямой результат постоянной борьбы противоположностей, которые в процессе самоутверждения вынуждены полностью или частично отрицать достигнутое до них, и способствовать переходу общественных отношений на качественно более высокий уровень. Олицетворением противоположностей выступают субъекты истории. Законы диалектики в реальных событиях истории Большого Средиземноморья взаимно дополняли друг друга.

Закон единства и борьбы противоположностей характеризует взаимодействие субъектов истории Большого Средиземноморья. Закон осуществлялся во взаимодействии и противостоянии субъектов истории, в борьбе групп, движений, партий и так далее. В государственном устройстве Большого Средиземноморья закон единства и борьбы противоположностей проявлялся как процесс взаимодействия ветвей власти, как соперничество авторитаризма и демократии и так далее.

Закон отрицания отрицания в истории Большого Средиземноморья особенно эффективен при анализе условий смены циклов и этапов процессов и систем. Империя Александра Македонского отрицала Персидскую империю, эллинские государства отрицали империю Александра Македонского, Римская империя отрицала эллинские государства, Великое переселение народов отрицало Римскую империю и так далее. Закон отрицания отрицания способствовал устранению негативного в прошлом и созданию условий прогрессивного развития истории Большого Средиземноморья по спирали.

Закон перехода количественных изменений в качественные в истории Большого Средиземноморья имел место при переселении народов, когда рост населения отдельных племён вынуждал их искать более плодородные земли. Совершенствование производства в ряде стран вынуждал их для сбыта своих товаров распространять свою власть на более обширные регионы, захватывать там власть, то есть количество произведённого товара вынуждало создавать качественно новые формы управления для его реализации.

Поскольку история Большого Средиземноморья имеет длительный путь развития, она позволяет выделить ряд закономерностей:

этапы развития субъектов, процессов и систем Большого Средиземноморья;

циклическое состояние исторических процессов в Большом Средиземноморье;

волновое развитие общественных процессов и общественных систем;

соответствие структуры общественной системы уровню культуры и сознания народов Большого Средиземноморья.

Закономерности истории Большого Средиземноморья характеризуют обязательные и необходимые события или процессы. Возможные события или процессы представляют собой тенденции.

Интеграция и дезинтеграция [15, с. 27-34] в истории Большого Средиземноморья способствовали либо объединению стран, народов, партий, политических групп и отдельных людей, либо их распаду. Интеграционный процесс проводил авторитетный лидер и чаще всего осуществлялся принудительным путём. Снижение роли лидера вело к дезинтеграции. Примером может служить насильственное

объединение греческих полисов Македонией для благородных целей и распад империи Александра Македонского после смерти лидера.

Интернационализм в истории Большого Средиземноморья настраивал на мирное объединение людей. В отличие от интеграции он способствовал свободному перемещению духовных и культурных ценностей, влиял на взаимовыгодные торговые и производственные отношения. Разные по скорости результаты развития участников интеграции достигаются в связи с получением односторонних преимуществ лидером, как, например, Афинами, создавшими Делосский союз, преобразованный в дальнейшем в Афинскую империю. Интернационализм в виде тенденции фиксирует внимание на конструктивном развитии отношений между народами, что демонстрировали мировые религии во время своего зарождения. Таким образом, отличие интернационализма от интеграции в истории Большого Средиземноморья – это отсутствие насильственных силовых принципов, методов и правил объединения. Интернационализацию стимулирует только взаимный интерес, наличие общих оснований для объединения. Однако создание такого стимула требует немалых усилий и времени, и поэтому интернационализация в истории Большого Средиземноморья – процесс медленный, постепенный, имеющий свои периоды успешного и замедленного развития.

Национальные процессы [3], [18] в странах Большого Средиземноморья способствовали обособлению народов, обоснованию положения о том, что один определённый народ может претендовать на превосходство или исключительность во взаимоотношениях с другими народами. В истории Большого Средиземноморья такую роль выполняли фашисты Муссолини. В то же время национализм способствовал освобождению народов Римской империи, партизанской войне испанцев против Наполеона. Национализм мог перерасти в сепаратизм, как это было в истории древнегреческих полисов. Нередко национализм сливался с расизмом и шовинизмом, характерным для истории многих европейских стран. Тенденции национализма нередко отрицательно влияли на бытовые отношения, противостояли интернациональным связям, межнациональным бракам и другим формам сотрудничества этносов

Конвергенция и дивергенция или изоляционизм [1] в истории Большого Средиземноморья получили развитие во время завоевания греческих полисов Римом и последующего взаимного проникновения и сближения культуры греков и римлян. В первый период греки стремились всячески обособиться от римлян, но в дальнейшем римляне, отдавая должное грекам, смогли не только многое перенять у них, но и примирить греков со своими богами, культурой и бытом. В XX столетии дивергенция стран с различным общественно-политическим строем в 20-50-х годах сменилась конвергенцией, первоначально в научной литературе, а затем в политике, культуре и экономике.

Все тенденции давали о себе знать на разных этапах общественного развития народов и человечества. На дискретных этапах истории Большого Средиземноморья определяющую роль играла тенденция развития, на систематизированных этапах – тенденция стабилизации.

Методы исследования могут выступать в качестве средств анализа и способов проверки и оценки теории. Исследования истории Большого Средиземноморья включают в себя весь арсенал методов, используемых общественными и другими науками. Классификация методов, используемых в анализе истории Большого Средиземноморья, осуществляется по области их применения: методологической, теоретической и методической или прикладной. Методы и методики представляют два полюса – теоретического и практического исследования истории Большого Средиземноморья. Методологическая группа характеризует взаимосвязь и логику исследования действительности. Методическая или прикладная группа представляет собой сумму приемов по накоплению и систематизации эмпирического материала. Теоретическая группа соединяет преимущества абстрактного и конкретного исследования действительности.

Методологическая группа при исследовании истории Большого Средиземноморья включает анализ и синтез; индукция и дедукция. Кроме того, пользуются популярностью восхождение от абстрактного к конкретному, гипотеза и ряд других методов исследования истории Большого Средиземноморья.

Анализ в истории Большого Средиземноморья применялся при сведении отношений к простым понятиям, при создании законов, норм, традиций, при разделении классов предметов на подклассы, при классификации субъектов истории. Строгая иерархия была разработана и соблюдалась в обществе Древнего Египта. В России для простоты отношений был разработан и действовал в течение двух веков Табель о рангах.

Синтез в истории Большого Средиземноморья служит методом теоретического обобщения эмпирических данных и создания аксиоматических, гипотетико-дедуктивных и иных теорий. Синтез позволял формировать утопические теории, обосновать возможность доплыть до Китая через Атлантический океан.

Анализ и синтез как методы исследования истории Большого Средиземноморья, дополняют друг друга. Наряду с ними индукция и дедукция, также взаимно дополняли друг друга и выступали как методы исследования истории Большого Средиземноморья. Индукцией как предвосхищением результатов наблюдений и экспериментов согласно древнегреческой легенде, владела, например, Александр Македонский, Архимед, Менделеев, Циолковский и другие мыслители. Дедукция служит основой при построении теории и получении основополагающих выводов. Она лежит в основе стратагемного метода, которым блестяще пользовался Ганнибал. Пройдя со своим войском через Испанию и Италию непобеждённым, он не только разработал стратегию похода, но и блестяще выходил победителем из самых трудных столкновений и ситуаций. Стратагемный стиль мышления при успешном применении индукции и дедукции осуществляет руководство современной России.

Обобщение является сердцевинной исторической науки. Без него история превращается в хронологический набор событий и фактов. Однако любое обобщение несёт в себе отпечаток мышления, интересов, пристрастий тех, кто его осуществляет. Известно выражение о том, что историю пишут победители. Именно по этой причине история не только любого общества, но и мирового сообщества проходит переоценку и расстановку новых приоритетов на каждом новом уровне общественного развития.

В исследовании истории Большого Средиземноморья большой популярностью пользуется метод восхождения от абстрактного к конкретному. Он способствует превращению абстрактных идеалов в конкретные знания и умения при формировании институтов, организаций и государств. Абстрактные знания китайцев о государствах и народах Индийского океана, в том числе о странах Большого Средиземноморья, были проверены во время семи экспедиций. Они убедились в своём могуществе, в гораздо более высоком уровне развития экономики, техники, культуры Китая по сравнению с другими странами и пришли к выводу о своей самодостаточности и нецелесообразности вступать в официальные отношения с другими странами.

Гипотеза, как элемент методологии, необходима при исследовании истории Большого Средиземноморья в качестве метода развития научного знания путём выдвижения и последующей экспериментальной проверки предположений. Гипотезы, являясь структурным элементом научной теории, в истории были составной частью утопических учений и религиозных течений. Однако, если Платон, Т. Мор, Т. Кампанелла, Сен-Симон, Ш. Фурье и другие мыслители ограничивались гипотетической констатацией необходимости создания справедливого общества, то уже Оуэн попытался практически реализовать свою концепцию.

Сравнительные методы выступают в качестве составных элементов теории и методологии анализа природных, общественных и мыслительных процессов. Их применение особенно успешно для выявления сходных и различных событий и процессов в жизни отдельных стран и народов на протяжении всей многовековой истории Большого Средиземноморья. Сравнительные методы были разработаны Ф. Бэконом и содержат метод сходства, метод различия, соединённый метод сходства и различия, метод сопутствующих изменений и метод остатков. Применение сравнительных методов может быть успешным при выявлении сходства и различия между подобными процессами в истории Древнего мира, Средневековья, Нового времени и современности. Наряду с исследованием событий из разных временных эпох, сравнительные методы позволяют сопоставить схожие процессы, происходящие в разных странах одного и того же временного периода, несмотря на наличие подвижных переменных, которые появляются в результате спонтанных действий отдельных лидеров.

История Большого Средиземноморья может быть исследована с использованием теоретической группы методов. Они представлены в произведениях представителей ряда последовательно сложившихся научных течений. Наибольшее влияние на развитие исторических исследований оказывают: функционализм, ныне – неофункционализм [47], [9], структурализм, переросший в постструктурализм [21], семиотические способы анализа, реализм, в основном политический, номинализм, нормативный, наднациональный и исторический методы, а также системный подход.

При использовании функциональных методов исследования истории Большого Средиземноморья различаются высокая и низкая политика, высокая и низкая экономика в рамках единого целого (государства или общества). Взаимосвязь и взаимозависимость процессов рассматривается как

функция системы общества и государства. В дальнейшем при переходе к неофункционализму произошло объединение низкой и высокой политики, низкой и высокой экономики, были разделены цели общества и государства, исследована конструктивная роль транснациональных корпораций в развитии интеграции.

Структурализм в истории Большого Средиземноморья выделяет первичное множество объектов с единой структурой (партии, государства и так далее), расчленяет объекты на элементарные сегменты или части, в которых повторяющиеся отношения связывают разнородные пары элементов, путём синтезирования или моделирования преобразует отношения между сегментами, выводит из структуры возможные конкретные варианты следствий и проверяет их на практике. Постструктурализм либерализовал роль государства, отказался от классовых конфликтов и признал рынок.

Исследование истории Большого Средиземноморья в ряде случаев вынуждено опираться в основном на семиотический метод [54], [52]. К примеру, история державы хеттов, просуществовавшей почти половину тысячелетия, появилась в поле зрения историков и начала исследоваться именно благодаря семиотическому методу. В данном случае, как и в аналогичных ситуациях, анализировалась терминологическая предопределенность роли различных знаковых систем как моделей общественных процессов, систем и субъектов. Система хеттов рассматривалась как аналогичная близким системам по своему строению, несмотря на огромные расхождения по содержанию.

Реализм [31], [55] как научное течение исходит из приоритета суммативного определения исторической действительности, в которой исторические личности и руководимые ими организации выступают в качестве единственного деятельного начала всех процессов и систем. Именно они формируют институты государства и общества, которые благодаря такой деятельности в свою очередь становятся самостоятельной реальностью, не сводимой в дальнейшем к взаимодействию индивидов. Подобный метод исследования, согласно реализму, выступает единственным адекватным источником информации по истории Большого Средиземноморья.

Подобно реализму, номинализм [40] также считает единственно приемлемым источником информации по истории Большого Средиземноморья деятельность и решения индивидов. Организации и институты общества выступают проводниками деятельности и исполнителями их воли. Исследование истории Большого Средиземноморья даёт основание считать, что программа деятельности консервативной и либеральной групп элиты опиралась на методы и принципы реализма и номинализма, пропагандировалась и внедрялась их сторонниками.

Исследование истории Большого Средиземноморья нормативным методом даёт оптимальные результаты в стабильные периоды развития региона, империй или других стран, когда властными структурами установлен жёсткий порядок следования субъектами истории узаконенных норм и правил деятельности. В этих условиях общественные нормы подгоняются под стандарты действий, предписанных правящей, военной, религиозной, производственной, торговой или другой определённой группе людей в соответствующей сфере их деятельности. Нормативный метод устанавливает регуляторы поведения людей не только в их действиях, но и в индивидуальном представлении о должном или желательном.

Наднациональный метод, опирающийся на принципы интернационализма и интеграции, исповедует в исследовании истории Большого Средиземноморья приоритет наднациональных связей и коммуникаций. При этом национальные законы, нормы и правила корректируются в соответствии с требованиями международных учреждений и организаций. Как правило, такие международные организации учреждаются союзами и объединениями государств, политическими партиями, движениями и группами и находятся под патронатом или финансируются монополиями, корпорациями, магнатами. В государствах кроме правительства страны действуют равнозначные ему экономические, финансовые, идеологические, политические, информационные и другие структуры, контролируемые монополиями, корпорациями или магнатами. Не только в теории, но и на практике наднациональный метод ориентирует своих приверженцев на силовое давление, что чаще всего приводит к насильственному объединению и даже слиянию не только организаций и учреждений государств, но и общественных систем.

Исторический метод [44], [27] в исследовании истории Большого Средиземноморья исходит из необходимости:

во-первых, точного описания события или явления и его участников;

во-вторых, полного отражения последовательной трансформации события или явления в описываемый период времени, а также роли его участников;

в-третьих, точной характеристики внешних условий развития события или явления;
в-четвёртых, связи участников события или явления между собой и с внешней средой.

Сложно найти исследователей в области общественных наук, которые бы не пользовались историческим методом. Принципы историзма в историографии предусматривают использование объективности, сравнительно-исторического метода, метода логического анализа, хронологического метода, метода периодизации исторического процесса, ретроспективного (возвратного) метода, метода актуализации и др. Их разрабатывали Вико, Руссо, Фихте, Гегель, Сен-Симон, Герцен, Маркс и его последователи. В дальнейшем его усовершенствовали Риккерт, Виндельбандт, Кроче, Дильтей, Ясперс, Поппер, Тойнби, Сорокин, Кондратьев, Ростоу, Гумилёв, Тоффлер, Фукуяма и др. Исторический метод может быть особенно эффективным в сочетании со сравнительными методами при выявлении общего и особенного в общественных процессах, системах и явлениях. Для современной практики общественного развития принцип историзма позволяет выявить общие исторические корни современных проблем человечества, в том числе региона Большого Средиземноморья и входящих в него стран. Он позволяет выявить тенденции развития политических систем, экономики, культуры и даже сознания в рамках региона и отдельных стран.

Системный подход в истории Большого Средиземноморья, ориентирующий на раскрытие целостности объекта и механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину, начал зарождаться ещё в античности (Евклид, Платон, Аристотель, стоики), но его разработка началась в XX в., особенно во второй его половине. На современном этапе исследований системный подход наиболее эффективен естественных и точных науках при использовании вычислительной техники, однако он имеет плодотворное применение и в области гуманитарных наук. В истории Большого Средиземноморья системный подход использовал Ганнибал, планируя свой поход на Рим. Будучи уверенным в своём военном превосходстве, он надеялся победить римлян не только военной силой, но и поддерживая нападения галлов, побуждая на антиримские восстания этрусков, италиков и другие этносы, ранее поработанные Римом. Системный подход особенно популярен в современной истории, влияет на принятие решений в общественной и государственной деятельности.

В исследованиях современной истории Большого Средиземноморья, особенно при анализе способов воздействия на формирование или снятие конфликтных ситуаций используются методы моделирования, коммуникации, принятия решений; а также теория групп, теорию игр, формальные игровые модели, кибернетическое моделирование и так далее.

Метод моделирования использовался, например, при проведении цветных революций в ряде стран Большого Средиземноморья. Теорию групп исследовали Артур Ф. Бентли, Е. Р. Херринг, Д. Трумэн, рассматривая общественную деятельность групп как процесс распределения социальных ценностей, а борьбу групп как фактор принятия локальных, региональных, общенациональных и глобальных решений.

Метод коммуникации в истории Большого Средиземноморья использовался постоянно. Особенный размах он поучил при появлении кибернетических моделей, которые предусматривали возможность обратной связи, а также барьеры коммуникации, возникающие на пути прохождения информации от коммуникатора к реципиенту. С его помощью в арабских странах устраивали беспорядки, свержали правительства.

Теория игр и метод принятия решений, формальные игровые модели позволяют исследовать модели ведения переговоров и выработки соглашений в истории Большого Средиземноморья.

Список литературы

1. Альбер, М. Капитализм против капитализма / М. Альбер. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – 296 с.
2. Бадентэр, Э. Кондорсе (1743—1794). Учёный в политике / Э. Бадентэр, Р. Бадентэр. – М.: Ладомир, 2000. – 398 с.
3. Балибар, Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн. – М.: Логос-Альтера, Ессе Ното, 2003. – 288 с.
4. Барг, М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма / М. А. Барг. – М.: Мысль, 1987. – 354 с.
5. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
6. Бердяев, Н. Л. Смысл истории / Н. Л. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 176 с.

7. Бобкова, М. С. Западноевропейское историописание «эпохи катастроф» / М. С. Бобкова. – М., 2008. – 251 с.
8. Бьюкенен, П. Смерть запада / П. Бьюкенен. – М., 2003. – 444 с.
9. Введение в право Европейского союза / под ред. Кашкина С. Ю. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 304 с.
10. Войшвилло, Е. К. Понятие / Е. К. Войшвилло. – М.: МГУ, 1967. – 287 с.
11. Гайм, Р. Гердер, его жизнь и сочинения. В 2-х тт. – М., 1888. (переиздано издательством «Наука» в серии «Слово о сущем» в 2011 году).
12. Гегель, Г. В. Лекции по философии истории / Г. В. Гегель. – СПб: Наука, 2005. – 480 с.
13. Геродот. История в 9 кн. / Пер., предисл. и указатель Ф. Г. Мищенко. В 2 т. М., 1885. – 1886; переизд.: М.: Эксмо, 2008.
14. Гладышев, А. В. Сен-Симон и партийное строительство в эпоху Реставрации / А. В. Гладышев // Французский ежегодник. – М., 2009. – С. 139-173.
15. Голенкова, З. Т. Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества / З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян // Социологические исследования. – 1999. – № 9. – С. 27-34.
16. Грейвз, Р. Мифы Древней Греции / Р. Грейвз. – М.: Прогресс, 1992. – 620 с.
17. Гринёв-Гриневиц, С. В. Терминоведение / Под ред. А. Б. Васильева. — Москва: Издательский центр «Академия», 2008. – 304 с.
18. Гринфельд, Л. Национализм: Пять путей к современности / Пер. с англ. Т. Грингольд и Вирозуба. – М.: Пер Сэ, 2008. – 528 с.
19. Губин, В. Д. Власть истории. Очерки истории философии истории / В. Д. Губин, В. И. Стрелков. – М., 2007. – 331 с.
20. Данто, А. Аналитическая философия истории / Пер. с англ. А. Л. Никифорова, О. В. Гавришиной; под ред. Л. Б. Макеевой. – М: Идея-Пресс, 2002. – 292 с.
21. Дьяков, А. В. Проблема субъекта в постструктуралистской перспективе: онтологический аспект / А. Дьяков. – М., 2005. – 600 с.
22. Закономерности и перспективы цикличной динамики науки, культуры и образования. М., 1996. – 67 с.
23. Зборовский, Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия / Г. Е. Зборовский. – М., 1980. – 223 с.
24. Зверева, В. В. История исторического знания / В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова, Л. П. Репина. – М., 2004. – 288 с.
25. Зевелев, А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты. – М.: Высш. шк., 1987. – 160 с.
26. Историко-философский ежегодник 2007. – М.: Наука, 2008. – С.187-217.
27. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М.: 1987. – 440 с.
28. Кокорин, А. А. Философия и мировоззрение / А. А. Кокорин. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – 224 с.
29. Кондратьев, Н. Д. Избранные сочинения / Н. Д. Кондратьев. – М.: Экономика, 1993. – 543 с.
30. Кондратьев, Н. Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики: Предварительный эскиз / Н. Д. Кондратьев. – М.: Наука, 1991. – 567 с.
31. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: АСТ, 2009. – 310 с.
32. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории / А. С. Лаппо-Данилевский. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.
33. Ленин, В. И. ПСС. – М.: 1958. – Т. 29.
34. Лурье, С. Я. Геродот / С. Я. Лурье. – М.-Л., 1947; переизд.: М.: URSS, 2009.
35. Льюкс, С. Власть: радикальный взгляд / С. Льюкс. – М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. – 240 с.
36. Маковельский, А. О. История логики. – М.: «Кучково поле», 2004. – 480 с.
37. Милль, Д. С. Огюст Конт и позитивизм = Auguste Comte and Positivism / Перевод с англ. И. И. Спиридонова. – М.: ЛКИ, 2011. – 256 с.
38. Минье, Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. / Пер. с фр. И. М. Дебу и К. И. Дебу. – М., 2006. – 448 с.
39. Монтескьё, Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескьё. – М., 1955. – 803 с.

40. Неретина, С. С. Пути к универсалиям / С. С. Неретина, А. П. Огурцов. – М.: Издательство РХГА, 2006. – 994 с.
41. Плеханов, Г. В. Сочинения. Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории. / Г. В. Плеханов. – М.–Л., 1925. – Том VIII.
42. Попов, П. С. История логики Нового времени / П. С. Попов. – М.: Издательство МГУ, 1960. – 254 с.
43. Реизов Б. Г. Французская романтическая историография (1815—1830) / Б. Г. Реизов. – Л.: Издательство Ленинградского гос. ун-та, 1956. – 536 с.
44. Розов, Н. С. Историческая макросоциология: Методология и методы / Н. С. Розов. – Новосибирск, 2009. – 412 с.
45. Савельева, И. М., История и время. В поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М., 1997. – 800 с.
46. Семенов, Ю. И. Философия истории / Ю. И. Семенов. – М., 2003. – 776 с.
47. Стрежнева, М. Европейский союз на пороге XXI века / М. Стрежнева. – М., 2001. – 472 с.
48. Тойнби, А. Дж., Хантингтон С. Ф. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации / А. Дж. Тойнби, С. Ф. Хантингтон. – М.: Алгоритм, 2016. – 288 с.
49. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М., 2008. – 557 с.
50. Фукидид. История. Перевод с греч. Ф. Г. Мищенко под ред. С. А. Жебелева. – СПб.: Наука, Ювента, 1999. Печатается по изданию: Фукидид. История. Тома I, II. / Пер. Ф. Мищенко. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1915.
51. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004 – 588 с.
52. Шпет, Г. Г. История как проблема логики. Критическое и методологическое исследование. Материалы. В двух частях / Под. ред. В. С. Мясникова. – М.: Памятники исторической мысли, 2002. – 1168 с.
53. Шуман, А. Н. Современная логика: теория и практика / А. Н. Шуман. – Минск: Экономпресс, 2004. – 416 с.
54. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: ТООТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
55. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. - 1248 с.
56. Эпос о Гильгамеше (статьи и фрагменты) // Ассиро-вавилонский эпос / Переводы с шумерского и аккадского языков В. К. Шилейко. Изд. подгот. В. В. Емельянов. Отв. ред. И. М. Стеблин-Каменский. – СПб.: Наука, 2007. – С. 353-400.

Статья поступила в редакцию 06.05.2019

Kabachenko, A. P. *Research Methodology of the Great Mediterranean Region History*

The article discusses the constituent elements of the research methodology of the Great Mediterranean Region history, including historiography; system of categories, concepts and terms; trends, patterns and laws; analysis methods; main scientific trends and approaches.

Key words: Great Mediterranean Region historiography, categories, concepts, terms, trends, patterns, laws, methods, scientific approaches.

УДК 94(47)''9''

Основной целью данного исследования стал исторический анализ основных причин Корсунского похода. Основываясь на последних данных археологии, автор смог опровергнуть доминирующую в отечественной науке теорию масштабного истребления жителей Херсонеса воинами дружины Владимира. Скрупулезный анализ памятников древнерусской письменности, сообщений иностранных авторов и данных археологических исследований позволил автору прийти к выводу, что поход князя Владимира на Херсонес должен был помочь будущему крестителю Руси усилить авторитет в своих владениях и создать необходимые условия для христианизации Древней Руси.

Ключевые слова: Корсунский поход, служители языческого культа, масштабная катастрофа, братские могилы, христианизация.

М. Н. Козлов, доцент, д-р ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: kmn_75@mail.ru

ПРИЧИНЫ КОРСУНСКОГО ПОХОДА: ФАКТЫ ПРОТИВ МИФОВ

Древнерусский князь Владимир Святославич одна из самых ярких личностей отечественной средневековой истории. О князе-крестителе Руси упоминают отечественные летописцы, арабские и византийские историки, германские и западнославянские хронисты, авторы норманнских саг. Владимир Святославич «Красное солнышко» - герой многочисленных народных былин, сказок и преданий.

Однако, не смотря на богатую и разностороннюю источниковедческую базу, собственно о многих исторических событиях эпохи правления Владимира Святославича нам известно очень мало. Так, отечественные летописи после 983 г. как будто теряют интерес к древнерусской истории. В «Повести временных лет» и ряде других подобных источниках можно найти массу легендарного материала от объемной «Речи Философа» до народных сказок о Никите Кожемяке. Весь данный, явно поздний вставной материал, чередуется с рядом «пустых лет» или сообщениями о смерти того или иного исторического деятеля. Создается впечатление, что кто-то попросту вычеркнул из летописи информацию о каких-то значимых исторических событиях. Исключение составляют лишь те сообщения, что были связаны собственно с христианизацией Руси. Однако и эти скудные, но чрезвычайно важные данные утопают в общей массе легендарного агиографического материала. В частности, в «Повести временных лет» можно найти следующее описание похода Владимира Святославича на византийский порт Херсонес: «В л'ѣто 6496, иде Володимѣрь съ вой на Корсунь, град гречьскій, и затворишася корсуняне въ градъ. И ста Володимѣрь об онъ полъ города в лимени, дали града стр'ѣлище едино, и боряхуся кр'ѣпко изъ града. Володимѣрь же обьстоя градъ. Изнемогаху въ градъ людье, и рече Володимѣрь къ гражаномъ: Аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 л'ѣта. Они же не послушаша того. Володимѣрь же изряди воя своя, и повел'ъ приспу сыпати къ граду. Симъ же спустимъ, корсуняне, подькопавше сгъну градскую, крадуше сыплемую перьсть, и ношаху к собъ въ градъ, сыплюще посредь града. Воини же присыпаху боле, а Володимѣрь стояше. И се мужъ корсунянинъ стр'ѣли, имянемъ Настась, напсавъ сице на стр'ѣль: Кладязи, яже суть за тобою от вѣтока, ис того вода идетъ по труб'ѣ, копавъ перейми. Володимѣрь же, се слышавъ, възр'ѣвъ на небо, рече: Аще се ся сбудеть, и самъ ся крещу. И ту абѣ поведъ копати преки трубама, и прѣяша воду. Людье изнемогоша водною жажею и предашася» [5, с.49-50].

Создается впечатление, что представленные выше летописные строки это продолжение какого-то рассказа, начало которого не дошло до нашего времени. Автор летописи не сообщил причины похода на крупнейший порт дружественного государства, состав и количество русских войск и гарнизона противника, не указал маршрут движения дружины Владимира. Загадкой остаются для нас и события, связанные с трехмесячным пребыванием русского войска в Херсонесе. Мало проясняют ситуацию свидетельства иностранных авторов. Так, например, Лев Диакон, с упоением писавший о победах византийского войска над варваром-Святославом, лишь с досадой констатируют взятие войском Владимира Святославича Херсонеса, игнорируя даже факт последующего крещения Владимира и его дружины.

В связи со скудостью письменной составляющей источниковедческой базы основополагающее значение в реконструкции событий, связанных с походом князя Владимира на Херсонес получают

данные археологических раскопок Херсонеса, начавшиеся в XVIII в. и продолжающиеся вплоть до наших дней.

Важнейшим вопросом, стоящим перед современными учеными является собственно причина похода Владимира на Херсонес. В отечественной исторической науке нет однозначного мнения по данному вопросу. Одни из исследователей видят причиной похода попытку Владимира усилить свои позиции в Северном Причерноморье, другие желание отомстить за оскорбление русской дружины, посланной до этого в помощь императору Василию II [4, с.117], [7, с. 223]. Между тем, результаты последних археологических исследований Херсонеса позволяют более детально изучить многие аспекты Корсунского похода князя Владимира, в том числе причины, заставившие будущего крестителя Руси отправить свою дружину в поход на несчастный византийский город. Исторический анализ основных причин, побудивших князя Владимира отправиться в поход на Херсонес - главная цель данной статьи.

Определить причину похода можно лишь проанализировав ситуацию, сложившуюся в Древней Руси в конце X в. На протяжении IX – X вв. киевские князья вели жесткую и бескомпромиссную борьбу с региональными элитами, проводившими сепаратистскую политику. Союзниками родовых и племенных старейшин традиционно выступали служители языческого культа. Интересно, что киевские князья в этой войне чаще всего оказывались проигравшими. Так, например, рискнувший принять христианство Аскольд был, согласно Иоакимовской летописи, предан киевлянами и убит князем Олегом. Однако и сам Олег вскоре вступил в конфликт со жрецами. Об этом свидетельствуют пророчества «волхвов и кудесников» предсказавших Олегу перед походом на Византию вместо традиционных для того времени предзнаменований победы над врагом, позорную смерть от своего коня.

Покровительствующий христианам преемник Олега Игорь принял страшную казнь в древлянской земле. Вдова князя Игоря Ольга, пытавшаяся распространить христианства в древнерусских землях, потерпела неудачу и была отстранена от власти сыном Святославом. Святослав был единственным правителем Руси со времен Аскольда, кто находил поддержку у служителей языческого культа, однако антихристианские репрессии привели и его к ранней гибели. Сын и приемник Святослава Ярополк, пытавшийся, как и его бабушка Ольга, распространить христианство на древнерусских землях спровоцировал своей прохристианской политикой тотальное антикняжеское движение, на волне которого собственно и пришел к власти Владимир.

Владимир прекрасно осознавал, насколько опасным было для него осложнение отношений со жрецами, однако делить с ними власть он не собирался. Уже в 980 г., едва заняв киевский престол, Владимир построил самое большое на Руси святилище во главе покровителем княжеской власти Перуном [5, с.37].

Чрезвычайный интерес в этом отношении приобретает отрывок из «Деяния данов» датского хрониста Саксона Грамматика, содержащий описание богослужения в храме Святовида в Ретре. Согласно данному источнику, жрец, обслуживающий местное святилище, считался верховным жрецом Святовида. В стране, по словам автора, были и другие храмы, посвященные данному божеству. Они управлялись жрецами более низкого ранга, подчиняющимися верховному жрецу [10, с.57-58].

Если в Древней Руси существовал тот же принцип установления жреческой иерархии внутри клана, что и у руян (чем более почитаемым считалось языческое святилище, тем выше место внутри жреческого клана занимали его жрецы), то становится понятным основной смысл проведения первой религиозной реформы князя Владимира. Новое святилище, построенное в столице Древней Руси и превышающее размерами и богатством (серебряная голова и золотые усы Перуна) все другие древнерусские святилища, должно было стать главной святыней восточных славян, а его жрецы (князь Владимир и его приближенные) должны были стать высшими жрецами не только Киева, но и всей державы. Таким образом, князь Владимир попытался создать что-то вроде единой жреческой организации под своим руководством. Близкие князю Владимиру представители воинской элиты (летописные бояре и старцы) получили возможность решать на своих советах религиозные вопросы, связанные не только с Киевом, но и всеми восточнославянскими землями. Не случайно совет из этих самых бояр и старцев во главе с самим князем Владимиром неоднократно упоминается в «Повести временных лет» при описании событий, связанных с христианизацией Руси.

Когда началось противостояние между жрецами и Владимиром неизвестно, однако уже в 988 г., согласно «Повести временных лет», киевский князь отправляет делегации в разные земли, якобы для выбора «лучшей веры». Великому киевскому князю было необходимо произвести впечатление на своих соотечественников-язычников, обосновать необходимость выбора новой веры и создать иллюзию объективности. Между тем, никакой альтернативы православия на Руси в то время не

существовало. Единственными влиятельными силами, на которые мог опереться в то время Владимир в борьбе со жрецами, были христианские (православные общины) в крупных городах Руси и собственная дружина (состоящая в основном из православных христиан).

Во многом успех замысла Владимира зависел от места и времени принятия христианства и условий нового торгового договора, заключенного с Византийской империей. Владимир учел ошибки своих предшественников и не стал, подобно княгине Ольге или Ярополку униженно просить об отправке христианских миссионеров в Киев. Он решил представить христианство как военную добычу. Символом такого «завоеванного» христианства стала несчастная принцесса Анна, а также различные византийские диковины в виде каменных скульптур (а также, вероятнее всего и многочисленные награбленные в Херсонесе богатства и «отступные» императора Василия II, заплаченные им за помощь в войне с мятежниками).

Владимиру была необходима небольшая зрелищная победа, которая бы принесла ему славу победителя и создала бы благоприятную обстановку для христианизации Руси.

Благоприятный момент настал в 988 г., когда после очередного мятежа властвующий император Византии Василий II оказался на грани гибели. Один из его военачальников Варда Фока занял большую часть Малой Азии и открыто угрожал Константинополю.

До сих пор среди отечественных ученых продолжается спор относительно многих деталей Корсунского похода. Так, одни из них, считают, что жители Херсонеса выступили на стороне мятежников и Владимир Святославич отправился в поход на Херсонес в качестве союзника Василия II [6, с.223]. По мнению других, Херсонес остался верен своему правителю и Владимир бросил откровенный вызов византийскому императору [4, с.117], [7, с.224].

Более аргументированной выглядит первая точка зрения. Так, Владимир не мог угрожать Василию II захватом Константинополя, как указано, например, в «Повести временных лет». По расчету современных историков его войско, осаждавшее Херсонес насчитывало не более 7-8 тыс. человек. Между тем только гарнизон Константинополя насчитывал до 50 тыс. профессиональных воинов, не считая императорской гвардии, сил правопорядка и флота. К тому же, Владимир был очень осторожным человеком и, в отличие от своего отца никогда не ввязывался в авантюры. Скорее всего, походу русского войска на Херсонес предшествовал договор между Владимиром и Василием II. С этим хорошо согласуется сообщение об отправке другого русского отряда в помощь императорским войскам в Малой Азии. Как верно заметил А. Поппэ, две разных части русского войска не могли почувствовать в войне на противоположной стороне II [6, с.225].

В письменных источниках отсутствует какая-либо информация о маршруте движения войска Владимира на Херсонес, однако можно с определенной долей вероятности утверждать, что русские воины передвигались к Херсонесу привычным путем по Днепру и далее по морю на ладьях. Тем же путем должны были поступать к Владимиру продовольствие и подкрепления. Сухопутный путь должен был занимать гораздо больше времени и был связан с опасностью печенежских набегов. В письменных источниках, как отечественных, так и зарубежных нигде не упоминаются печенеги в качестве союзников Владимира, а значит, сухопутный путь был закрыт для русского войска.

Собственно о военных действиях в отечественных летописях сообщается очень скудная информация. Так, сказано, что местные жители «боряхуся кр'ьпко изъ града», русские воины пытались построить из земли стены вблизи укреплений западной части города, однако местные жители ночью собирали землю и укрепляли стену с другой стороны. Отчаявшись взять Херсонес штурмом, Владимир приказал осадить город.

Можно найти в отечественных письменных источниках и имена ренегатов, с помощью которых Владимир занял город: священник Анастас, а варяг Ижберн.

Скорее всего, уже сразу после прибытия русского отряда под стены Херсонеса между Владимиром и руководством города начались переговоры о сдаче. Об этом прямо сообщает «Повесть временных лет». В дальнейшем переговоры периодически возобновлялись и чем больше осложнялась ситуация в осажденном городе, тем больше в Херсонесе появлялось сторонников сдачи города.

Согласно данным археологии в Херсонесе конца X в. действительно находились воины-норманны. Об этом свидетельствуют обнаруженные исследователями могилы воинов, похороненных по норманнским канонам [2, с.28-29]. Норманны-наемники вполне могли выступать за сдачу города Владимиру, в войске которого находилось немало их соотечественников.

Кроме официальных переговоров с руководством города, воины Владимира вполне могли общаться с тайными сторонниками Владимира посредством стрел с записками, о которых сообщает летопись. О том, что Владимир Великий не гнушался тайными переговорами с воеводами своих противников свидетельствует отрывок из Повести временных лет, в котором сообщается о том, как

воеводы-варяги князя Ярополка, соблазненные обещаниями Владимира уговорили своего повелителя выйти из осажденного Владимиром Родня на переговоры к брату [5, с.36].

Скорее всего, во время переговоров Владимир обещал сохранить жизнь всем жителям города, однако, как свидетельствует целый ряд письменных источников пребывание Владимира в Херсонесе началось с расправ над руководством города, организовавшему достойную оборону города. Так, автор «Проложного жития князя Владимира» описал свирепую расправу русского князя над семьей архонта города: «И шед, взя Корсунь, князя и княгиню уби, а дочь ея дасть за Жберну [9, с.30-32]. Можно предположить, что казнь архонта репрессии против жителей Херсонеса не закончились. Вполне возможно, что Владимир казнил всех знатных херсонесидов, противящихся сдаче города вместе с членами их семей. Подобные акции обычно сопровождаются поджогами домов подвергнутых казни горожан, а также насилиями в отношении их слуг и рабов.

Согласно данным археологии в Херсонесе конца X – нач. XI вв. произошел тотальный пожар, затронувший западную и северо-западную часть города. С этим пожаром хронологически связаны братские могилы, в которых находились массовые захоронения людей различных возрастов от младенцев до глубоких стариков. Трупы были скинуты в могилы бессистемно, без соблюдения каких-либо канонов погребения [2, с.27].

Основываясь на данных археологии, целый ряд отечественных исследователей предположили, что тотальный пожар и целый ряд синхронных ему братских могил были связаны с походом князя Владимира на Херсонес [1, с.28-29], [12, с.65].

Однако позднее в отечественной исторической науке возникла теория землетрясения, согласно которой тотальный пожар и гибель значительного числа населения Херсонеса стали следствием не похода Владимира на Херсонес, а мощного землетрясения, произошедшего в XI в. [11, с.77], [8, с.182-188].

Действительно, даже беглый анализ остеологического материала из захоронений конца X – нач. XI вв. северной и западной части Херсонеса свидетельствует о том, что люди, захороненные в общих могилах, не были убиты холодным оружием. Так, при раскопках не было обнаружено проломленных черепов или останков со следами рубленых ран [3, с. 213].

К тому же, тела убитых воинами Владимира мирных жителей были бы похоронены оставшимися в живых родственниками согласно православным канонам, а не брошены бессистемно в одну общую могилу.

Скорее всего, расправа над элитой Херсонеса, упорствующей в сдаче города, была необходима для успокоения своей весьма поредевшей дружины. Однако массовое убийство мирных жителей Херсонеса не входило в планы Владимира. Ему необходим был многолюдный нормально функционирующий Херсонес как козырь в дальнейших переговорах с византийским императором. Владимир должен был выполнить беспрецедентно сложную задачу – добиться руки сестры византийского императора Анны (при том, что русский князь имел несколько жен и множество любовниц). Анна нужна была Владимиру как символ торжества над крупнейшей империей того времени. Кроме того, переговоры в Василием II должны были завершиться подписанием какого-то важного для обеих сторон торгового договора и выплатой византийской стороной большой суммы денег за помощь в борьбе с мятежником.

В общую концепцию принятия христианства как символа победы над византийцами хорошо вписывается и обстоятельство крещения в Херсонесе. Так, Владимир был крещен в покоренном им городе, да еще и в церкви, посвященной святому-покровителю византийского императора Василия. Этот акт должен был символизировать получение Владимиром статуса равного статусу императора Византии.

Видимо, Владимир Великий добился от императора выполнения всех своих требований, поскольку согласно Повести временных лет добровольно передал Херсонес как выкуп (вено) за невесту.

На родину в Киев Владимир вернулся победителем с новой женой-принцессой, богатой военной добычей, в том числе главной святыней Херсонеса - мощами святого Климента. Стремясь усилить атмосферу всеобщего ликования и праздника, Владимир даже приказал раздавать на площадях Киева деньги и хмельные напитки, а также накрывать столы на улицах и приглашать всех без исключения жителей города за праздничные столы.

Логично завершились эти празднества уничтожением идолов и языческих святилищ и насильственным крещением жителей Киева. В последствии, волна христианизации прокатилась по всем областям Древней Руси, загнав служителей языческого культа и их сторонников на окраины древнерусской державы. Изгнанные из крупных городов волхвы еще несколько столетий

провоцировали антихристианские и антикняжеские выступления, однако вернуть себе власть так и не смогли. Владимир Великий первым из всех древнерусских князей стал полноправным правителем своего государства.

Таким образом, главной причиной военного похода русской дружины во главе с князем Владимиром на Херсонес стало стремление повысить свой авторитет в Древней Руси за счет небольшой победоносной войны с ослабевшей от бесконечных междоусобиц соседней державой. Удачный поход, богатая военная добыча и новая жена - византийская принцесса превратили заурядного князя в правителя Красное Солнышко - героя многочисленных былин и легенд. Русский князь ожидаемо воспользовался атмосферой всеобщей эйфории и запустил необратимый процесс христианизации восточнославянских земель.

Список литературы

1. Белов, Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса / Г. Д. Белов // МИА. - 1953. - № 34. - С. 11-31.
2. Беляев, С. А. «Базилика на холме» в Херсонесе и «Церковь на горе» в Корсуни, построенная князем Владимиром / С. А. Беляев // *Byzantinorussica*, 1994. - № 1. - С. 7-47.
3. Иванов, А. В. Внутригородские некрополи конца X-XIV вв. как элемент исторической топографии византийского Херсона / А. В. Иванов // *Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник*. - Том 11. - С. 211-222.
4. Зубарь, В. М. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси / В. М. Зубарь. - Киев: Наукова думка, 1988. - 203 с.
5. Повесть временных лет. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - 239 с.
6. Поппэ, А. Политический фон крещения Руси (русско-византийские отношения 986-989 гг.) / А. Поппэ // *Как была крещена Русь*. М.: Политиздат, 1989. С. 202-241
7. Рапов, О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII вв. Принятие христианства / О. М. Рапов. - М.: Наука, 1988. - 416 с.
8. Романчук, А. И. «Слои разрушения X в.» в Херсонесе: к вопросу о последствиях Корсунского похода Владимира / А. И. Романчук // *Византийский временник*. - 1989. - Т. 50. - С. 182-188.
9. Соболевский, А. И. Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру / А. И. Соболевский // *Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца*. Кн. 2. Киев, 1888. - С. 30-76.
10. Фаминцын, А. С. Божества древних славян / А. С. Фаминцын / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. - М.: Институт русской цивилизации, 2014. - 357 с.
11. Хапаев, В. В. Некрополи средневекового Херсона как источник по истории разрушения города в начале XI века / В. В. Хапаев // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. - Вып. IV. - С. 77-84.
12. Якобсон, А. Л. Раннесредневековый Херсон / А. Л. Якобсон // МИА. - 1959 - № 63. - 364 с.

Статья поступила в редакцию 10.05.2019

Kozlov, M. N. *Causes of the Korsun Campaign: Facts Against Myths*

The main objective of this study is the historical analysis of the main causes of the Korsun campaign. Based on the latest data of archeology, the author is able to disprove the dominating in Russian science theory of large-scale extermination of Chersonesus citizens by the soldiers of Vladimir's squad. A scrupulous analysis of the monuments of ancient Russian writing, works of foreign authors and archaeological research data allows the author to conclude that Prince Vladimir's campaign to Chersonesus was intended to help the future Russian baptist strengthen his authority in his possessions and create the necessary conditions for the Christianization of Ancient Russia.

Key words: Korsun campaign, pagan worshipers, large-scale disaster, mass graves, Christianization.

УДК [94+908(470.75)''1776/1788'']:336.24

В статье анализируется процесс создания на территории Крыма таможенного дела, объективно способствовавшего интеграции региона в состав Российской империи. Отмечено, что функционирование таможен и таможенных застав находилось в тесной взаимосвязи со сложившейся практикой соответствующей деятельности периода Крымского ханства, включая параллельное использование двух тарифов. Одновременно новые российские таможни в Крыму играли роль действенного инструмента государственного управления экономическими процессами в новом регионе.

Ключевые слова: таможня, таможенная застава, внешняя торговля, Г. А. Потемкин, Константин Мавроени, Перекоп, Кафа, Севастополь, Балаклава.

С. В. Иванов, магистр истории

E-mail: vanavi0803@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ТАМОЖЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ТЕРРИТОРИИ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА В 1783 – 1788 ГОДАХ

Одним из ключевых событий для Российской истории XVIII века стало присоединение Крымского полуострова к Российской империи. Этим решением Россия укрепила свои геополитические позиции не только в Северном Причерноморье, но и во всем Черноморском бассейне на долгие годы вперед. 1783 год и последующие за ним события имеют немало параллелей с 2014 годом. Манифест Екатерины II о присоединении Крыма от 8(19) апреля так же судьбоносен, как и Договор от 18 марта между республикой Крым и Российской Федерацией. В XVIII веке, присоединив новые обширные территории, Российская империя приступила к организации государственных учреждений, в составе которых одно из первых мест занимали таможенные. Важность таможенных органов для любого государства не подлежит сомнению. Наполнение бюджета, охрана границ, защита экономических интересов - это далеко не полный список функций таможни. К середине XVIII века Российские таможенные органы, благодаря реформам видного политического деятеля графа Петра Ивановича Шувалова, превратились из внутригосударственного фискального органа, в орган государственной власти, отвечающий за внешнеэкономическую деятельность империи. К концу XVIII века таможенная служба заняла важное место в государственной исполнительной власти и была родоначальницей для многих государственных структур, впоследствии вышедших из нее. Актуальность темы изучения формирования таможенных органов, таможенной политики и таможенного дела, обусловлена необходимостью комплексного анализа с привлечением источников, характеризующих ситуацию не только в Крымском регионе, но и в Большом Средиземноморье. Следует отметить, что вопрос о создании первых таможен в Крыму рассматривался рядом ученых [3, 6, 20, 24], однако затрагивающих сравнительно частные вопросы. В настоящей статье предлагается на основании различных опубликованных и вводимых в оборот источников комплексный взгляд на процесс формирования таможенных учреждений и персонифицируется таможенное дело в первое пятилетие после присоединения территорий Крымского ханства к Российской империи.

Стоит отметить, что первые российские таможенные учреждения на территории Крымского полуострова появились еще в 1776 году. После окончания очередной в истории России и первой при правлении Екатерины II русско-турецкой войны 1768-1774 гг., а также подписания по ее итогам Кючук-Кайнарджийского мирного договора от 10 июля 1774 года, молодая империя закрепила за собой право на часть Черноморского побережья с крепостями Керчь и Еникале, на территории Крымского полуострова. Третий артикул Кючук-Кайнарджийского договора гласил: «Российская империя оставит сей татарской нации, кроме крепостей Керчи и Еникуля с их уездами и пристанями, которые Российская империя за собой удерживает...» [5, с. 351]. Девятнадцатый артикул полностью посвящен крымским крепостям: «Крепости: Еникале и Керчь, лежащие в полуострове Крымском, с их пристанями и со всем в них находящимся, тож и с уездами, начиная от черного моря и следуя древней керченской границе до урочища Бугак и от Бугака по прямой линии кверху даже до Азовского моря, остаются в полное, вечное и непрекословное владение Российской империи» [5, с. 355]. Города Керчь

и Ениколе вошли в состав Азовской губернии. 26 мая 1776 года выходит сенатский указ «Об учреждении в Новороссийской и Азовской Губерниях портовых и приграничных Таможен и застав по прилагаемому у сего штату», статья 2 которого говорит: «Темерниковскую портовую Таможню перевести в Таганрог, под ведомство которой быть как упомянутой Кагальницкой Таможне, так и двум таможенным заставам, первой в Яниколь, где останавливая при учрежденной брандвахт купеческия суда, и запечатав товары, а иногда и погрузя на транспортныя суда, доставлять их до Таганрога с надлежащим коносаментом, а там по выдерживании карантина, учинить им надлежащий осмотр от Таможни; другой заставе быть в Керчи для препровождения кораблей чрез Яниколь до Таганрога ж» [21, с. 385]. Таможенные заставы в крепостях Керчь и Ениколе подчинялись Таганрогской таможне. Каждой заставе полагалось девять штатных единиц [3, с. 83]. Таким образом, именно 1776 год можно назвать годом создания первых Российских таможенных учреждений на Крымском полуострове.

8 апреля 1783 года императрицей Екатериной II был подписан Манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую Державу» [22, с. 897]. Закончилось более чем вековое продвижение России к Черноморскому побережью. Присоединив Крымский полуостров, Российская империя получила прекрасные порты для морской торговли с народами не только Черноморского, но и Средиземноморского бассейна.

10 июня 1783 года подписан «Трактат о торговле, заключенный в Константинополе между Российскою Империею и Портою Оттоманскою», в котором определялись права и привилегии купечества. Преференции, полученные по торговому договору, должны были привлечь иностранный купеческий флот, так как Россия не имела своего в достаточном количестве в Черноморском бассейне. Это открывало новые возможности для внешней торговли Российской империи. Договор был ратифицирован обеими сторонами и «разменены с обыкновенными Обрядами, Сентября 21 дня 1783 года» [22, с. 939 - 956]. 28 июля 1783 года вышел указ «Именной, данный Новороссийскому Генерал-Губернатору Князю Потемкину. – О принятии Крымских жителей и прочих Татарских народов в Российское подданство». В этом указе впервые в законодательных актах, относительно Крыма, говорится о таможенных платежах в следующем контексте: «Между начальнейшими распоряжениями возлагаем Мы на вас о доходах учредить таким образом, чтоб в сих новоприкосновенных землях надлежащая подати в казну на нужные по тому краю издержки собираемы были, как то: таможенные, с соли с озер продаваемой, с земли вместо поголовных и десятинных с произрастений, наблюдая, дабы оныя отнюдь не были в тягость народную» [22, с. 985 - 986]. Это первое распоряжением Екатерины II, через три месяца после присоединения территорий Крымского ханства, которое предписывает собирать таможенные платежи на территории полуострова. Из монографии А. В. Макидонова «Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века» видно, что в 1783 году, не считая уже существующих российских таможенных застав в крепостях Ениколе и Керчь, в города - Балаклаву, Феодосию, Евпаторию и Перекоп назначаются также российские таможенные служащие (директора и цолнеры). Соответственно в Балаклавскую таможенную заставу: цолнер – Корнеевский; в Феодосийскую таможню: директор – секунд-майор Туманов Христофор Петрович, цолнер – кадет в отставке Белуха Яков; в Евпаторийскую портовую таможню: директор - подпоручик, коллежский асессор Врето Дмитрий Иванович; в Перекопскую таможню: директор – коллежский асессор Караценов Михаил Мануилович, цолнер – сотник Христофоров Николай, унтер-цолнер купец Якубовский Иван [19, с. 190 - 200]. В статье «Правовые основы создания и деятельности органов государственной администрации Российской империи в Крыму» Б. В. Змерзлый пишет: «В специфических органах власти большинство постов занимали вчерашние военные, выходцы из Украины, отдельные чиновники, приехавшие из центральных российских губерний, наиболее активные представители местного купечества» [6, с. 28-32]. Это подтверждается примером первых назначенцев в Российские таможенные учреждения в 1783 году.

Последним законодательным актом 1783 года был акт от 28 декабря, между Россией и Оттоманской Портой - «О мире, торговле и границах обеих государств» [22, с. 1082 - 1083]. Этим договором признавались новые границы, состоявшиеся после присоединения территорий Крымского ханства к Российской империи. 2-го февраля 1784 года выходит указ «Об учреждении Таврической области», управлять которой поручено генерал-губернатору Екатеринославского наместничества, Светлейшему князю Г. А. Потемкину [23, с. 17-18]. 8-го февраля 1784 года, выходят именные указы «данные Екатеринославскому и Таврическому Генерал-Губернатору Князю Потемкину»: «О составлении Таврической Области из 7 уездов, и об открытии Присутственных мест в оных городах»

и «Об устройстве Таврической Области». В указах новая территориальная единица делилась на семь уездов, а именно: Симферопольский, Левкопольский, Евпаторийский, Перекопский, Днепровский, Мелитопольский и Фанагорийский. Три уезда находились за территорией Крымского полуострова. Также указами давалось распоряжение открыть в уездах Присутственные места [23, с. 20 - 21].

22 февраля 1784 года вышел Манифест императрицы Екатерины II: «О свободной торговле в городах Херсоне, Севастополе и Феодосии». В манифесте говорилось о «выгодности» торговли в городах Херсон, Севастополе и Феодосии, которые «повелеваем открыть для всех народов, в дружбе с империею Нашею пребывающих, в пользу торговли их с верными Нашими подданными. В следствии чего торжественно объявляем, что все помянутые народы на собственных их, или наемных судах под флагом их могут свободно и безопасно и беспрепятственно к тем городам приплывать, или сухим путем приезжать, нагружать суда их и оттуда отплывать или отъезжать по своему произволению, поступая, что до платежа пошлины за привозимые и вывозимые товары касается, по тарифам установленным таможенным» [23, с. 50 - 51]. Такое внимание к торговле в Черноморском бассейне, говорит о желании Российской империи возродить экономику недавно присоединенного региона. В работе «Становление местных таможенных учреждений в Таврической губернии (конец XVIII-XIX вв.)» Б. В. Змерзлый отмечает: «Обустривая новую жизнь и насаждая унитарное имперское государственное устройство на землях бывшего Крымского ханства, одной из важнейших проблем, стоящих перед государством, было создание действенной таможенной системы, способной быстро и качественно выполнять свои функции в специфическом морском регионе» [7, с. 22].

Создание таможенных учреждений на Крымском полуострове контролировал непосредственно генерал-губернатор Екатеринославского наместничества Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин. 24 апреля 1784 года выходит указ Потемкину «О распоряжениях для открытия Таврической области, об определении в сию область к должностям жителей оной и об употреблении из статных сумм на Присутственные места и другия заведения по усмотрению надобностей в оных». В указе предписывалось: «устроить такое число Уездных Судов, Дворянских Опека, Нижних Расправ и Городских Магистратов, каковое нужным окажется по нынешнему сей области состоянию, предоставляя открытие других до времени, когда оное потребным окажется по умножению населения. Между тем сумму от штата остающуюся вы можете обращать хозяйственным образом на строения и исправления там потребныя и особливо Таможень с их магазинами, анбаров, для складки товаров необходимо нужных карантинных домов...» [23, с. 137 - 138]. Стоит остановиться на вопросе, кому непосредственно подчинялись только что созданные таможенные учреждения. В дополнительной статье к таблице №1, из книги штатов, Полного собрания законов Российской империи, отмечалось: «Хотя все оные Таможни и будут под всегдашним смотрением Генерал-Губернатора и от него по доверенности наблюдаемы будут тамошними Губернаторами, но как и оные, по обязанности своей другими делами, не могут так часто обозревать их, то и быть над всеми Таможнями одному Обер-Директору с одним помощником, на жалованье оным, также на разныя непредвидимыя при первом случае надобности, как и на прибавку жалованья по разсмотрению самага Генерал-Губернатора таким, кои отличными своими трудами и усердием заслуживать онаго будут, отпускать в диспозицию его по 5000 рублей» [17, с. 239]. Из вышесказанного можно сделать вывод, что на начальном этапе формирования Российских органов исполнительной власти в Крыму, и официального назначения 2-го февраля 1784 года Г. А. Потемкина управляющим Таврической области, таможни и таможенные заставы подчинялись «Крымскому правительству» или «земскому» правительству, существовавшему до учреждения новой территориальной единицы, во главе которого находился граф Осип Андреевич Игельстром [8, с. 20]. В монографии А. В. Макидонова «Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века» указано, что с 13 декабря 1784 года обер-директором Таврических таможен числился коллежский асессор Константин Иванович Мавроени [19, с. 178]. В Крымском республиканском архиве сохранился рапорт обер-директора К. И. Мавроени от 29 апреля 1784 года, с просьбой о выделении людей для Крымских таможенных учреждений [18, с. 104]. Следовательно, назначение обер-директора было произведено ранее даты указанной в работе Макидонова. Е. И. Дружинина в монографии «Северное Причерноморье 1775 - 1800 гг.», называет К. И. Мавроени «крупным чиновником Крымского ханства» [4, с. 138].

В камеральном описании Крыма 1784 года, которое было составлено по приказу князя Г. А. Потемкина бароном Игельстромом [8, с. 20], изложены две версии откупа (аренда - С. И.) ханских

таможенных учреждений в 1777 году, в одной из которых фигурирует и К. И. Мавроени. Первая версия говорит что: «Перекопские ворота с соляными озерами и городскими доходами, соляное озеро – Айрче, Козловская таможня, городские сборы и соляное озеро, Балаклавская таможня и Сарыкирманское соляное озеро, Кефинская таможня и Керченские соляные озера, Шейхельское соляное озеро, Кояшское соляное озеро, Геническое соляное озеро с таможнею отданы были на откуп в 1777 г. Коллежскому Ассессору Мавроени с товарищами на год за 215 000 рублей» [8, с. 26]. Как отмечает Ф. Ф. Лашков, эти данные были получены в устной форме от бывшего первого дефтердара (наивысший финансовый служитель периода крымского ханства - С. И.) Кутлуша аги и директора монетного двора Абдюль Хамита. В следующем переводе регистра о доходах 1777 года, полученного от «Ширинского Мегметши бея и Гаджи Казы аги к генерал прапорщику и кавалеру барону Игельструму» от 19 ноября 1783 года, говорилось о том что «Перекопская таможня с соляным озером и кантарь то есть весы; Козловская таможня, соляное озеро и городская пошлина; Кефинская таможня, городская пошлина и керченское соляное озеро. Сии все доходы проданы были на весь год за 215 000 рублей» [9, с. 44]. Данный откуп был указан без лица. Дальнейшее «Объяснение» от вышеуказанных лиц, говорит о том что, Перекопская таможня соляные озера и весы, Козловская таможня, соляные озера, и городская пошлина; Кефинская таможня и Керченское соляное озеро, были отданы в 1777 году за 215 000 рублей «Кантарджию стоварищи, а он сию сумму сполна в ханскую казну не внес и от хана претензии на них и по ныне есть» [9, с. 45]. В следующем переводе «Регистра о доходах Шагин Гирея» от 21 ноября 1783 года говорится: «Перекопские ворота с соляными озерами и с городскими доходами и соляное-ж озеро Айрче, Козловская таможня, городские сборы и соляное озеро, Балаклавская таможня и сарыкирманское соляное озеро, Кефинская таможня з городскими доходами, Керченские соляные озера, Шейхельское соляное озеро, Кояшское соляное озеро, Дженическое соляное озеро и Еническая таможня – отданы на откуп в год российским купцам, первому Макару Кантаржию, второму Якову Васильичу, третьему Михайле, четвертому Савве за – 215 000 рублей» [9, с. 46 - 47]. В последнем «Объяснении», поданном бывшим первым дефтердаром Кутлуш Агою от 21 ноября 1783 года, говорится о вышеописанных таможнях и соляных озерах отданных на откуп в 1777 году, российскому купцу Макару Кантаржию, Якову Васильичу, Михаилу и Савве за 215 000 рублей [9, с. 49 - 50]. Вопрос о том, был ли коллежский ассессор Константин Иванович Мавроени откупщиком ханских таможенных учреждений, остается открытым. Но, несомненно, этот «крупный чиновник Крымского ханства» привлек внимание первого руководства Таврической области, и его опыт работы, в дальнейшем был использован для создания российского таможенного дела в Крыму.

В реестрах стоит отметить упоминание ханских таможен, на основании которых в 1783 году создавались российские таможенные учреждения. С уверенностью можно сказать, что в 1777 году на территории полуострова кроме двух российских таможенных застав, существовали: Перекопская, Козловская, Кефинская и Балаклавская таможни, принадлежащие Крымскому ханству и которые не всегда отдавались на откуп. Что касемо самого обер-директора Таврических таможен, в Крымском республиканском архиве сохранились документы принадлежащие перу К. И. Мавроени. В одном из ордеров на имя директора Перекопской таможни Михаила Мануиловича Караценова, обер-директор указывает: «Каким образом приперекопской таможни по двум российскому и татарскому тарифам взыскивать пошлинные деньги, предписываю вам следующее спривозимых из заморей чрез крым в россию разного шелкового и другого товара, когда с привозу в крым припортовых потатарскому тарифу пошлина взыскана, то вы имеете токмо здесь взыскать по одному российскому, также и с крымских продуктов в россию потом, соввозимых из россии внутрь кыма в продажу потатарском, ако отправлению заморе пороссийскому взыскной без всякого упущения...» [1]. Данное распоряжение обер-директора говорит об использовании одновременно двух таможенных тарифов и отсутствии, на начальном этапе, интеграции Крымского полуострова в Российскую империю, общей таможенной территории. Стоит обратить внимание на личность директора Перекопской таможни Караценова Михаила Мануиловича. Коллежский ассессор М. М. Караценов встречается неоднократно в ордерах правителям Таврической области князя Г. А. Потемкина. Из монографии А. В. Макидонова - «Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века», прослеживается карьерный рост вышеуказанного государственного служащего от преподавателя арифметики и французского языка в 1764 году, до судьи Симферопольского уезда в 1800 году [19, с. 250]. Возвращаясь к обер-директору Крымских таможен, стоит отметить - 13 декабря 1785 года в ордере Г. А. Потемкина, на имя правителя Таврической области В. В. Каховского, говорится о том, что указом

Правительствующего Сената коллежский асессор Константин Мавроени получил назначение в Таврическую областную Казенную палату на должность советника таможенных дел, с присвоением ему чина надворного советника. 13 мая 1787 года высочайшим указом императрицы Екатерины II, Мавроени К. И. был награжден орденом Святого Князя Владимира четвертого класса [12, с. 13]. Вскоре, после образования Таврической соляной экспедиции, соляные озера были отданы Мавроени на откуп [24, с. 343].

Большое количество ордеров, с указаниями правителям Таврической области от князя Г. А. Потемкина, касается непосредственно таможен (создание таможенных учреждений, назначение таможенных служащих и организации таможенного дела). Некоторые ордера генерал-губернатора затрагивают передачи таможенного обеспечения [11, с. 15-16]. Светлейший князь Г. А. Потемкин, также лично назначает директоров таможен. Яркий пример - назначение директором Севастопольской таможни, бывшего смотрителя сокращенной Александровской пограничной таможни, коллежского асессора Федора Юришича [20, с. 108]. В ордере на имя правителя Таврической области Василия Васильевича Каховского от 1 декабря 1786 года, Потемкин увольняет вышеуказанного директора Севастопольской таможни «за слабостью здоровья» [10, с. 23]. Светлейший князь также принимает участие в назначении и увольнении более низших чинов. Характерными примерами этого факта, являются ордера 1786 и 1787 годов, относящиеся к цолнеру Еникольской таможенной заставы, поручику Луке Чуде: «Находящийся при Еникольской заставе в должности цолнера отставной порутчик Лука Чуда представляя несходственность звания своего с старыми его годами просит о исходотайствовании ему чина и пенсии; я посему предписываю объявить ему чтоб он старался только неусыпно исполнять свою должность и отличать себя в оной усердием своим и ревностию к службе Ея Императорского Величества, чтож принадлежит до воздания, то онаго самого себе ожидать должно» [9, с. 8]. Поручик был уволен личным распоряжением князя Г. А. Потемкина «по прозбе его за болезнями» 14 июля 1787 года [13, с. 7]. В работе А. В. Макидонова «Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века», в Еникальской таможенной заставе с 1779 года числился цолнером (унтер-цолнером) поручик Чуда Лука [19, с. 104]. В ордерах Генерал-губернатора также присутствуют указы о повышении в звании и должности Крымских таможенных служащих: «В уважении отличных трудов и прилежания в исполнении порученных дел награждены мною сего числа... цолнер Клефрос, пакгаузный инспектор Казнаферов подпорутчиками...» [12, с. 10]. В монографии А. В. Макидонова указано, что в Севастопольской портовой таможне с 1794 года числится цолнером поручик Павел Казнаверов [19, с. 189]. С личного разрешения генерал-губернатора Г. А. Потемкина, служащие таможни переводились в армию [12, с. 13 - 14]. Вышеприведенные примеры говорят о том, что генерал-губернатор Екатеринославского наместничества Григорий Александрович Потемкин уделял особое внимание подведомственным ему таможенным учреждениям. В 1785 году светлейший князь Г. А. Потемкин докладывает императрице Екатерине II: «пошлинный сбор на самом полуострове мал с привозных товаров, что едва достанет на содержание стражи. Если было бы угодно Вашему Императорскому Величеству оную с Таврического полуострова совсем снять. Сим сократится стража и привлекутся многие жители из заграницы» [2]. Доклад князя Г. А. Потемкина не остался без внимания. 13 августа 1785 года выходит указ императрицы, пункт десятый которого гласит: «Пристани, в полуострове Таврическом лежащие, Всемилостивейше увольняем от платежа пошлин на 5 лет, с тем: 1. Что сие увольнение начало свое иметь долженствует с 1 Января наступающего 1786 года; 2. Что оно не инако силу свою воспримет, как по действительному устройению стражи таможенной между полуостровом и прочими местами, особливо же по учреждении связи между Херсоном, Перекопом и далее, для отвращения заповедного и беспошлинного торга; и наконец 3. Что Мы не преминем вам в самой скорости доставить нужные по сей части примечания, быв уверены, что вы приложите все старания ваше, дабы распоряжение сие, Нам для выгоды того края делаемое, не обратилось в ущерб таможенных Наших доходов и в предосуждение торгу» [23, с. 439 - 440]. С 1 января 1786 года, впервые, в Российском Крыму, на пять лет, прекращался сбор таможенной пошлины с товаров, привозимых на территорию Крымского полуострова. Беспошлинная торговля должна была оживить международную торговлю и привлечь новое население на полуостров. В монографии «Северное Причерноморье 1775-1800 гг.» Е. И. Дружинина писала: «Выгоды черноморской торговли привлекли новых жителей в Козлов (переименованный в Евпаторию). Несколько оживилась также Феодосия... В 1787 г. Феодосия была объявлена уездным городом» [4, с.

145 - 146]. В ордере от 10 января 1787 года Г. А. Потемкин указывает правителю Таврической области Каховскому о своем намерении сделать в городе Феодосии главный купеческий город [11, с. 6]. Но этому проекту помешала начавшаяся в 1787 году русско-турецкая война. Стоит обратить внимание на ее причины. После подписания в 1774 году Кючук-Кайнарджийского мирного договора Османская Порта, под влиянием западноевропейских стран, прежде всего Франции, начала готовится к очередному противостоянию с Россией. Выдающийся советский историк Е. В. Тарле так описывает события того периода времени: «Турки начали готовиться к реваншу тотчас же после Кючук-Кайнарджийского мира. Султан только тем успокоил свое духовенство (улемов), возбуждавшее недовольство в народе, что мир с русскими – это не мир, а лишь перемирие, передышка; и когда после нескольких лет мира Россия в 1783 г. присоединила Крым, то улемы уже совсем открыто и без препятствия со стороны властей предвещали войну с проклятыми гяурами и несомненное торжество правоверных» [25, с. 100]. Еще 22 июля 1787 года посол Булгаков в своем письме правителю Таврической области предупреждал о том, что готовится провокация со стороны Османской Порты возле Очакова или Кинбурна. О чем было доложено и генерал-губернатору Г. А. Потемкину. После этого предупреждения в Крыму началось приведение в боевое состояние всех расквартированных на полуострове войск. 13 августа 1787 года, правитель Таврической области В. В. Каховский дает распоряжение советнику таможенных дел Таврической казенной палаты К. И. Мавроени и директору карантинной Нотаре: «чтобы «надежнейшие из таможенных чиновников от всех прибывающих из турецких портов собирали бы сведения о происходящем в Турции»» [14, с. 75]. 16 августа К. И. Мавроени получает новое распоряжение: «по обстоятельствам нынешних дел с соседственными сего области народами, благоволяете в. в-ие предписать лично таможенным директорам, дабы с приезжающими к портам турками сами и их подчиненные обходились сколь можно ласково, уклоняясь от малейшего повода к распри и оскорблению, оказывая при том им всякую справедливость и снисхождение согласно узаконениям» [14, с. 75]. Но все предпринятые меры для сохранения мира между Россией и Османской Портой были напрасны. 13 августа 1787 года война началась с нападения турецкой флотилии на два российских судна, стоявших возле Кинбурна. 26 августа В. В. Каховский, не зная о начавшейся войне, дает распоряжение: «предписать таможенным директорам, чтобы они не давали судам (турецким - С. И.) ярлыков на отправление их, не отказывая формально в выдаче таких ярлыков... » [14, с. 77]. К тому моменту в портах Крымского полуострова находилось 35 турецких судна, экипажи которых составляли 493 человека. После получения известия о начале боевых действий В. В. Каховский занялся сбором информации, поступившей по его распоряжению от таможенных служащих. Собранные сведения приходили от директора Феодосийской портовой таможни Туманова и от директора Евпаторийской таможни Болдани. Данные, полученные от таможенных служащих, несли в себе информацию о количественном, качественном составе турецкой армии и флота. Так же информировалось и о передвижении турецких военных кораблей. Некоторая информация касалась поведения кавказского населения. Еще в конце августа, не дожидаясь распоряжения генерал-губернатора Г. А. Потемкина, командующий войсками расквартированными в Крыму, старший брат правителя Таврической области Василия Васильевича Каховского - Михаил, дал распоряжение арестовать все турецкие суда, находящиеся у Крымских берегов. 29 августа В. В. Каховский «предписывает таможенным начальникам – описать, совместно с прочими чиновниками и хозяевами арестованных судов, все товары с задержанных судов и принять их в таможенное ведомство» [14, с. 83]. В конечном итоге, по распоряжению князя Г. А. Потемкина, задержанный товар был распродан к декабрю 1787 года с аукционов, а вырученные деньги хранились в Приказе общественного призрения до окончания войны [15, с. 81]. Арестованные суда предписывалось отдавать по первому требованию морского ведомства [14, с. 84]. Стоит обратить внимание, в каких портах и на какую сумму были задержаны, и, в конечном итоге, реализованы с аукционов купеческие товары. В докладах князю Г. А. Потемкину говорилось об арестованных Евпаторийской таможней товаров на сумму 13406 рублей, Феодосийской таможней - на сумму 8402 рублей, а в Балаклаве на 6369 рублей [14, с. 84]. Эти данные косвенно показывают, в каком из крымских портов, до начала русско-турецкой войны в 1787 году, товарооборот был больше. Как видно из вышеуказанных данных, по товарообороту лидировала Евпатория, за ней шла Феодосия, от которой ненамного отставала Балаклава. 30 мая 1788 года генерал-губернатор дает распоряжение правителю Таврической области В. В. Каховскому, о сокращении таможенных служащих в связи с «прекратившейся ныне морской коммуникации... вследствие чего Вашему Превосходительству

предписываю, оставить тех только кои в приложенном при сем списке означены, всех прочих удовольствовав заслуженным жалованьем уволить от их должностей» [16, с. 70]. В Феодосийскую портовую таможенную были определены: в должности цолнера служащего ранее контролером – Ивана Христофорова, канцеляристом – регистратора Ивана Федорова и двух досмотрщиков. В Евпаторийскую портовую таможенную определены: цолнер – коллежский ассессор Дмитрий Врето, канцелярист – регистратор Егор Ухавский и два досмотрщика. В Севастопольскую портовую таможенную: цолнер – бывший цолнер Евпаторийской таможни, капитан Семен Тихонович, регистратор Иван Сосновский и два досмотрщика. Балаклавская таможенная застава: цолнер – Иван Якубовский, канцелярист – Андрей Токачевский и два досмотрщика. Еникольская таможенная застава: цолнер – Юрий Мураит, регистратор – Илья Доска, два досмотрщика. Керченская таможенная застава: унтер-цолнер – бывший кассир Феодосийской таможни, Николай Залеской, канцелярист – прапорщик Кондратцов, два досмотрщика [16, с. 71]. Так как Таврическая область включала в себя не только полуостров, но и территории, граничащие с Крымом, правителю Таврической области так же подчинялись Кагальницкая пограничная таможня и Кинбурнская застава. В Кагальницкую пограничную таможенную были назначены: цолнер – бывший вагинстемпельмейстер, прапорщик Кальчигин, канцелярист – Моисей Антоненков, два досмотрщика. Кинбурнская таможенная застава: унтер-цолнер – капитан Николай Христофоров, канцелярист – Дмитрий Сулима и два досмотрщика [16, с. 71 - 72]. Стоит обратить внимание на то, что даже военные действия, происходившие на Кинбурнской косе в 1787 году, не послужили полному сокращению таможенной заставы.

Подводя итоги первых пяти лет существования таможенных учреждений в Крыму, необходимо подчеркнуть, что за короткий промежуток времени и в непростых условиях, Российской империи удалось создать эффективные таможенные структуры как значимый элемент исполнительной власти. К 1788 году таможенные учреждения в полной мере могли обеспечить фискальные и правоохранительные функции, возложенные на них государством. Важными фактами является использование на таможенной территории Крымского полуострова одновременно двух таможенных тарифов - Шагин Гирея и «Российского» от 1782 года. Также любопытными фактами являются, сбор служащими таможенных учреждений информации об Османской Порте и неполное сокращение штата таможенных учреждений во время русско-турецкой войны 1787-91 годов. Стоит отметить, что ведение боевых действий на Кинбурнской косе не послужило полному сокращению таможенной заставы, находившейся в одноименной крепости. История Крымских таможенных учреждений конца 70-80-х годов XVIII века остается фактически неизученной из-за небогатого архивного материала того периода времени, отложившегося в архивах, и требует дальнейшего изучения и привлечения не введенных в научный оборот источников.

Список литературы

1. ГАРК (Государственный архив Республики Крым). Ф.221. Оп.1. Д.1. Л.16-17.
2. ГАРК. Ф.535. Оп.1. Д.1594. Л.3-4.
3. Головкин, Ю. И. Записки о развитии внешней торговли и организации борьбы с контрабандой в Азовской губернии (1775 - 1776 гг.) / Ю. И. Головкин // Гуманитарная мысль юга России. – 2005. - №1 – С.79-87.
4. Дружинина, Е. И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. / Е. И. Дружинина – Москва: Академия наук СССР. Институт истории, 1959. – 280 с.
5. Дружинина, Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года: его подготовка и заключение / Е. И. Дружинина. – Москва: Академия наук СССР. Институт истории, 1955. – 368 с.
6. Змерзлый, Б. В. Правовые основы создания и деятельности органов государственной администрации Российской империи в Крыму / Б. В. Змерзлый // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. - 2015. – Т.1.(67), №2. - С. 28-32.
7. Змерзлый, Б. В. Становление местных таможенных учреждений в Таврической губернии (конец XVIII – XIX вв.) / Б. В. Змерзлый // Сборник тезисов и докладов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы правового регулирования финансово-кредитных отношений в условиях кризиса: Практика правоприменения и пути его совершенствования» - Сумы: ГВУЗ «УАБД НБУ», 2010. - С.22-33.
8. Известия Таврической ученой архивной комиссии // Выпуск №2. Изд. 2-е. Симферополь, 1897. – 30 с.

9. Известия Таврической ученой архивной комиссии // Выпуск №3. Изд. 2-е. Симферополь, 1897. – 68 с.
10. Известия Таврической ученой архивной комиссии // Выпуск №4. Изд. 2-е. Симферополь, 1897. – 78 с.
11. Известия Таврической ученой архивной комиссии // Выпуск №6. Изд. 1-е. Симферополь, 1888. – 135 с.
12. Известия Таврической ученой архивной комиссии // Выпуск №7. Изд. 1-е. Симферополь, 1888. – 126 с.
13. Известия Таврической ученой архивной комиссии // Выпуск №8. Изд. 1-е. Симферополь, 1889. – 148 с.
14. Известия Таврической ученой архивной комиссии // Выпуск №9. Изд. 1-е. Симферополь, 1890. – 158 с.
15. Известия Таврической ученой архивной комиссии // Выпуск №10. Изд. 1-е. Симферополь, 1890. – 154 с.
16. Известия Таврической ученой архивной комиссии // Выпуск №12. Изд. 1-е. Симферополь, 1891. – 119 с.
17. Книга штатов // Полное собрание законов Российской империи. Собр.1: 1649 – 1825 гг. Санкт-Петербург: II отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.- Т.44. Ч.2 - 1178 с.
18. Кошман, В. А. Создание и становление системы государственных учреждений Таврической области (1784 - 1796): дис.. канд. ист. наук: 12.00.01. – Московский государственный юридический университет, Москва, 2018 – 187 с.
19. Макидонов, А. В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века / А. В. Макидонов. – Запорожье: Просвіта, 2011. – 336 с.
20. Осиповский, С. Н. Г. А. Потемкин и его вклад в основание и развитие Севастополя / С. Н. Осиповский // Парадигмы истории и общественного развития. - 2016. - №2-3. – С.106-110.
21. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. – Т. 20; Собр.1: 1649 – 1825 гг. – СПб., 1830.
22. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. – Т. 21; Собр.1: 1649 – 1825 гг. – СПб., 1830.
23. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. – Т. 22; Собр.1: 1649 – 1825 гг. – СПб., 1830.
24. Прохоров, Д. А. Штаты и деятельность таможенных учреждений Таврической области в конце XVIII века / Д. А. Прохоров // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783-1825.-2016. - №15. - С. 341-370.
25. Тарле, Е. В. Собрание сочинений. В 12 т. / Е. В. Тарле. – Москва: Академия наук СССР, 1959. – 878 с. – Т. 10.

Статья поступила в редакцию 15.05.2019

Ivanov, S. V. Organization and Functioning of the Russian Empire Customs Institutions System on the territory of the Crimean Peninsula in 1783-1788

The article analyses the process of customs organization in Crimea which objectively promoted the integration of the region into the Russian Empire. The author notes that the function of customs and customs services was in close connection with the established practice of the Crimean Khanate period, including the parallel use of two tariffs. At the same time, new Russian customs in Crimea played the role of an effective tool in the state management of economic processes in the new region.

Key words: customs, customs outpost, foreign trade, G.A. Potemkin, Konstantin Mavroeni, Perekop, Kafa, Sevastopol, Balaklava.

УДК 94(47:581)«197/198»

В статье характеризуются цели и последствия участия СССР в афганском гражданском противостоянии конца 1970-х – 1980-х гг. Констатируется, что данные события не могут рассматриваться в качестве акта агрессии против суверенного государства, они имели вынужденный характер, продиктованный логикой глобального геополитического противостояния двух лагерей в рамках холодной войны, а в конечном счете стали важной детерминантой крушения советской государственности и социалистического лагеря.

Ключевые слова: афганская война, СССР, ввод войск в Афганистан, последствия афганской войны.

Л. Л. Даховник, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: ludmila-dakhovnik@yandex.ru

ЦЕЛИ И ПОСЛЕДСТВИЯ СОВЕТСКО-АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ

Война в Афганистане в истории советской государственности, безусловно, является одним из противоречивых событий, имеющих ярко выраженную негативную коннотацию, «демонизирующую» СССР в глазах западного мира в годы противостояния двух систем в контексте холодной войны.

Несмотря на то, что к настоящему времени издано большое количество документальных материалов, а также разнообразных научных исследований, посвященных участию советского воинского контингента в афганской гражданской войне, однозначного объективного представления об этих событиях не сформировано. В их оценке по-прежнему преобладает эмоциональный конъюнктурный контекст. Учитывая влияние войны в Афганистане на дальнейшую судьбу советской государственности, объективный и взвешенный анализ целей и последствий данного события представляет собой актуальную научно-практическую задачу. В связи с этим представленная работа посвящена характеристике вышеуказанных проблем.

Представляется, что к настоящему времени в историко-политологической науке и околонучной публицистике сложилось две противостоящие друг другу концепции понимания сущности военного присутствия СССР в Афганистане. Основными тезисами представителей первой из них, которую условно можно назвать «интернационалистской» являются следующие выводы:

- ввод ОКСВ в ДРА явился интернациональной помощью Советского Союза своему соседу;
- введение советских войск имело четкую правовую основу, а именно: оно было осуществлено в соответствии со ст. 4 Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, заключенного 5 декабря 1978 г. СССР и ДРА; оно опиралось на 51-ю ст. Устава ООН, дающую право государствам на коллективную и индивидуальную самооборону [2, с. 106].

Сущность такого понимания рассматриваемых событий наиболее полно выразил участник боевых действий, бывший губернатор Московской области В. С. Громов, который подчеркивал, что возглавляемая им 40-я советская армия в Афганистане «более чем на 60 % выполняла миротворческие задачи», вследствие чего «наши недруги и злопыхатели всех мастей не хотят, а точнее не желают понять, что мы пришли в Афганистан с миссией самой доброй воли. Пришли для того, чтобы защитить народ, его детей и женщин, мирные кишлаки и города, наконец, национальную независимость и суверенитет этой страны» [4, с.14-15].

Иначе говоря, представители данной точки зрения констатируют исключительно гуманные, миротворческие мотивы ввода советских войск в Афганистан, никак не связанные с желанием оказать влияние на внутривнутриполитический процесс этой страны. Причем афганское руководство, многократно обращалось к СССР с просьбой о военной помощи для защиты законной власти в стране.

Представители второй концепции «вторженцев» разделяют следующие тезисы:

- введение советских войск было значительным просчетом советского руководства;
- вошедшие в Афганистан советские войска способствовали усилению там исламского фактора под флагом войны с неверными;
- ввод войск и свержение Х. Амина способствовали нарушению традиционного межэтнического равновесия, вызвали ответную реакцию стран Запада («необъявленная война»);
- вводу советских войск имела альтернатива;
- введение ОКСВ имело целью упрочение режима Б. Кармалы [2, с.106].

Таким образом, представители данной концепции рассматривают в качестве главной цели советского военного присутствия в Афганистане стремление существенным образом повлиять на

внутриполитическую обстановку в стране, обеспечив поддержку искусственно созданному марионеточному правительству. Следует отметить, что в настоящее время большее количество исследователей разделяют именно эту точку зрения.

По нашему мнению, мотивы советского правительства, принявшего решение о введении воинского контингента в Афганистан, являлись сложными и неоднозначными. При этом советское правительство руководствовалось необходимостью решения двух взаимосвязанных задач, содержание которых определялось логикой защиты советских государственных интересов в условиях продолжения острого военно-политического противостояния с капиталистическим миром.

В связи с этим очевидно, что главной целью советского правительства в Афганистане было сохранение этого государства в составе советской «зоны влияния». Традиционной методологической основой решения данной задачи являлось формирование и всесторонняя поддержка афганского правительства, состав которого разделял идеалы и политическую доктрину советского варианта строительства социализма. Необходимо отметить, что к концу 1970-х гг. для достижения этой цели сложились фундаментальные предпосылки, обусловленные характером двусторонних советско-афганских отношений, начиная с 1920-х гг.

В таком качестве можно рассматривать заключенные в 1921 г. и 1931 г. союзнические договоры, в соответствии с которыми СССР оказывал афганскому правительству разнообразную социально-экономическую и военную помощь. О ее масштабах красноречиво свидетельствуют следующие цифры: только с 1954 г. при технико-экономическом содействии СССР в Афганистане было построено и введено в эксплуатацию 70 промышленных, энергетических, транспортных объектов. Они составляли до 60 % всех предприятий государственного сектора. Было подготовлено более 60 тыс. специалистов различного профиля. К этому времени Советский Союз обеспечивал до 40 % внешнеторгового оборота Афганистана. Он занимал первое место по объему предоставленной Афганистану иностранной экономической помощи, его доля составляла 54 % общего объема внешних займов и кредитов [3, с. 9, 67, 73].

Имеющиеся у СССР рычаги экономического воздействия на внутриполитическую обстановку в Афганистане ко второй половине 1970-х гг. образовали устойчивые предпосылки для смены политического режима в государстве. При активной поддержке СССР в 1978 г. представители Народно-демократической партии Афганистана, длительное время находящиеся на полулегальном положении, совершили военный переворот, результатом которого стала ликвидация авторитарного правления М. Дауда и провозглашение вступления Афганистана на путь социалистических преобразований по опыту СССР. Произошедшие события были с легкой руки советской пропаганды объявлены народной демократической революцией.

В целях поддержки молодого социалистического режима СССР счел необходимым заключить новый Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, который создавал практические основания для интеграции Афганистана в социалистический лагерь, всецело подконтрольный СССР. Об этом свидетельствовала 4 ст. данного документа, в соответствии с которой обе страны брали на себя обязательства «предпринимать соответствующие меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности» [5, с. 49-50]. Иначе говоря, были созданы все условия для возможного военного вмешательства СССР во внутриполитическую ситуацию в Афганистане. Как известно, фактически аналогичные возможности имело советское правительство и в отношении всех других своих ближайших союзников по Организации Варшавского Договора.

После подписания вышеуказанного договора СССР негласно приступил к созданию на территории Афганистана оперативной военной группировки, способной отреагировать на угрозы социалистическому правительству. Так, по линии министерства обороны СССР в Афганистан в течение 1978 г. было направлено примерно 550 советников. С июня 1979 г. на Баграмском аэродроме базировалась эскадрилья самолетов Ан-12, вместе с которой для усиления охраны аэродрома прибыл парашютно-десантный батальон. На территорию страны под различным прикрытием были переброшены и некоторые другие советские воинские подразделения [5, с. 50].

Дальнейшее развитие внутриполитической ситуации в Афганистане, связанное с откровенными неудачами правительственной политики и наступлением на традиционный исламский уклад жизнедеятельности населения в результате жесткой и непредсказуемой политики нового лидера Афганистана Х. Амина, пришедшего к власти в результате убийства собственного ближайшего сподвижника президента Афганистана Н. М. Тараки, существенно осложнили позиции СССР в Афганистане. Активизация действий западных противников СССР, активно финансирующих исламскую оппозицию афганскому режиму и стремящихся втянуть его в военный конфликт, не оставили выбора советскому руководству. 25 декабря 1979 г. советскими спецслужбами была

проведена военная операция по физическому устранению Х. Амина, затем в страну вошел ограниченный контингент советских войск.

Таким образом, основной целью ввода советских войск в Афганистан являлось стремление советского правительства стабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в стране, сохранить Афганистан в орбите советского влияния, а также обеспечить сохранность созданной в результате масштабного субсидирования промышленной инфраструктуры. Кроме того, действия советского правительства следует рассматривать в качестве ответных мер на активизацию стран Запада, стремящихся, учитывая стратегически важное геополитическое положение Афганистана, создать новую угрозу безопасности СССР.

Иначе говоря, военное присутствие советских войск в Афганистане следует рассматривать в качестве вынужденной меры, реализация которой была продиктована логикой глобального геополитического противостояния в рамках холодной войны. В связи с этим их действия не могут рассматриваться, как акт военной агрессии в отношении суверенного государства, о чем свидетельствуют как обстоятельства принятия решения о вводе войск (советское правительство проигнорировало более десяти обращений афганского правительства), так и соответствие данного акта нормам вышеуказанного Договора 1978 г. Важно также отметить, что советское командование не планировало осуществление каких-либо наступательных военных операций на территории Афганистана, а в качестве главной цели первоначально рассматривало обеспечение охраны стратегически важных объектов в условиях острого и непредсказуемого гражданского противостояния.

Вместе с тем дальнейшее развитие событий нарушило первоначальные планы советского правительства. Неспособность афганской армии противостоять силам вооруженной исламской оппозиции, щедро финансируемой и поддерживаемой странами Запада, быстро превратило советский воинский контингент в участника гражданского противостояния. Данный факт определил поистине «апокалиптическое» значение афганской войны для судьбы советской государственности.

В этой связи представляется, что участие СССР в афганском гражданском противостоянии выступило важным фактором подрыва как внутривнутриполитической ситуации в стране, так и международного авторитета советского государства. В частности, афганские события активизировали диссидентское движение в СССР. Так, в сентябре 1981 г. в Новочеркасске распространялись листовки с призывом «потребовать от нашего правительства не вмешиваться во внутренние дела других государств», а в годовщину Октябрьской революции в том же 1981 г. в Москве на улице Жуковского появились надписи: «Свободу Польше и Афганистану» и лозунги против всевластия КПСС [1, с. 15]. В конечном итоге указанные процессы в известной степени обусловили начало реализации внутреннего противоречивого курса перестройки, который привел к краху советское государство.

Кроме того, в период нахождения советских войск в Афганистане большое число стран и международных организаций выступило с резким осуждением акции советского руководства, принявшего решение о вводе войск в суверенное государство. Значительно ухудшились отношения СССР с мусульманскими странами. Например, конференция исламских государств в Исламабаде большинством голосов оценила действия Советского Союза как агрессивные. В начале января 1980 г. по предложению ряда стран вопрос о вводе советских войск в Афганистан был включен в повестку Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН. В период с 1980 г. по 1984 г. ГА ООН приняла еще пять резолюций с требованием вывести советские войска из Афганистана. Аналогичные резолюции были приняты и другими международными организациями. Во многих странах были проведены кампании протеста, демонстрации у советских посольств, раздавались угрозы совершения террористических актов против советских граждан, находящихся за границей, и т. п. [1, с. 15-16].

Таким образом, факты красноречиво свидетельствуют о том, что в рассматриваемый период возросли международная напряженность, недоверие, военно-политическое соперничество между Востоком и Западом. Участие СССР в афганском противостоянии сыграло, не последнюю роль в ослаблении и распаде мирового социалистического лагеря.

Спустя тридцать лет после вывода советских войск из Афганистана, становится очевидным, что эта война решала важнейший вопрос безопасности нашей страны. Советские воины стали первым оплотом на пути террористов, на годы задержав их продвижение. За время пребывания в Афганистане ограниченный контингент советских войск, не только воевал, но и занимался благоустройством страны. Строились жилые дома, больницы, школы, детские сады. Советские специалисты обучали грамоте и оказывали медицинскую помощь населению районов, которые контролировали правительственные войска при поддержке ограниченного контингента советских войск.

Вывод советских войск из Афганистана и падение режима Наджибуллы, через несколько лет, не остановили гражданскую войну. Обострилась борьба за власть между различными политическими силами, сопровождавшаяся активными боевыми действиями. Оценки многих специалистов по Афганистану сходятся в том, что правительство Наджибуллы было способно выстоять в борьбе с оппозицией. Конечно, при одном важном условии – продолжении поддержки его со стороны союзника – СССР (Российской Федерации). Однако внутривнутриполитические процессы в СССР свидетельствовали о неблагоприятных перспективах для правящего режима в Афганистане. За период с 1989 г. по 1991 г. курс в афганской политике изменился от поддержки, до полного отказа от таковой. В то же время, разнообразная помощь из-за рубежа силам оппозиции не прекращалась, ее уровень не снижался. Участие Пакистана, Ирана и иных внешних сил, заинтересованных в усилении своего влияния в регионе, надолго отодвинули стабилизацию обстановки в стране, начало восстановления экономики и потребность в возобновлении русско-афганских взаимоотношений.

Характеризуя цели и значение военного участия СССР в афганском гражданском противостоянии, можно сделать вывод о том, что это событие было продиктовано логикой глобального противостояния двух лагерей и в конечном итоге выступило одной из значимых детерминант крушения советской государственности.

Список литературы

1. Бекишиев, А. А. Участие ограниченного контингента советских войск в Афганской войне (декабрь 1979 – февраль 1989 г.): уроки и последствия: автореф. ...дисс. канд. ист. наук : 07.00.02 / А. А. Бекишиев. – Махачкала, 2000. – 28 с.
2. Горбунов, С. В. Советско-афганская война (1979-1989 гг.): причины и итоги / С. В. Горбунов // Клио. – 2008. – № 1. – С. 105-112.
3. Демократическая республика Афганистан. – М.: Наука, 1981. – 178 с.
4. Пумпянский, А. Когда война подходит к концу, наступает время извлекать уроки / А. Пумпянский // Новое время. – 22 июля. 1988. – № 30. – С. 14–15.
5. Рубцов, В. И. Советский Союз в «необъявленной войне» в Афганистане (1979-1989 гг.): осмысление прошлого / В. И. Рубцов // Новая и новейшая история. – 2009. – № 1. – С. 48-70.

Статья поступила в редакцию 12.04.2019

Dakhovnik L. L. Goals and Consequences of the Soviet-Afghan War

The article deals with the purpose and effect of Soviet involvement in the Afghan civil war of the late 1970s – 1980s. The author comes to the conclusion that these events cannot be considered as an act of aggression against a sovereign state because they were dictated by the logic of global geopolitical confrontation between two camps within the framework of the cold war and eventually became an important determinant of the collapse of the Soviet state and the socialist camp.

Key words: The Afghan war, confrontation camps, deployment of troops in Afghanistan, consequences of the Afghan war

УДК 130.2(=161.1):271.2

Статья посвящена роли и значению православной веры в процессе становления русской философской культуры. Основное внимание уделено анализу различных подходов к решению этой проблемы в отечественной философии. Автор приходит к выводу, что вера рассматривается как процесс осознания будущего и основа духовной силы человека.

Ключевые слова: православие, вера, человек, бог, христианство.

С. В. Чугунов, доцент, канд. филос. наук.

Севастопольский государственный университет

E-mail: serzh.chugunov.62@mail.ru

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ О ЗНАЧЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ

Особенности формирования русской философии, в частности, и отечественной культуры, в целом, во многом зависели от становления и развития Православия. Православное христианское мировоззрение, принятое по инициативе государственной власти и связанное с государственной идеологией подчинило себе остальные формы культуры.

Необычность принятия христианской веры на Руси заключалось, на наш взгляд в двух основных факторах. С одной стороны, можно утверждать, что христианство, отчасти было «навязано» русскому народу, так как процесс его принятия во многом зависел от воли правителя. С другой стороны, в какой-то мере выбор православной веры совпал с внутренними желаниями народа. «Повесть временных лет» убедительно демонстрирует, что князь Владимир выбрал Православие в силу духовного родства между национальным мировоззрением и основами православной веры, а не под влиянием вторичных факторов (например, яркой стороны религиозных культов).

Уже с ранних периодов своего развития русская философия, в особенности религиозная, одной из своих задач видела формирование системы православно-христианского мировоззрения. Не случайно, поиск «истинного смысла» веры, ее значения – одна из черт отечественной философской мысли. При этом мыслители по-разному подходили к решению этой задачи. Одни утверждали, что православная вера не является истинным путем России и необходимо отказаться от нее. Другие признавали абсолютное превосходство русского Православия над другими формами религиозных верований. Влияние этих двух позиций не являлось одинаковым. Если вторая точка зрения была характерной для большинства представителей русской философии, то первой позиции придерживались не многие, одним из них был П. П. Чаадаев.

В своих «Философических письмах» Чаадаев оценивал значение христианской веры для развития человечества. По его мнению, вера завоевывает человеческий разум даже тогда, когда он пытается сопротивляться этому, подчиняя его и господствуя над ним. В тоже время, мыслитель подчеркивал, что исторические формы христианства имеют ограниченное значение как условие для сближения человека с Богом. Чаадаев упрекал русскую православную церковь в том, что она во многом способствовала торможению развития отечественной культуры, тем самым сдерживая свободу проявления духовных сил человека.

Цель развития христианства русский мыслитель видел в преобразовании мира, а для этого необходимо достижение реального единства всех «нравственных сил» людей, но этот путь сложен и, в конечном итоге, для русской православной церкви пока недоступен. Однако социальная жизнь требует от человека принятия решения. Люди должны ради противостояния злу и хаосу прийти к Богу, выбрав христианскую веру.

Более радикальную позицию занимал А. И. Герцен. Мыслитель не отрицал силу влияния на человека религиозной веры, но, в тоже время он подчеркивал, что христианство не предоставляет человеку свободы в выборе нравственных идеалов. По своей сути христианская вера двойственна и не лишена противоречий. С одной стороны, она утверждает процесс бесконечного духовного развития человека, его свободный выбор. С другой стороны, религия – это мощная система подавления инакомыслия и проявления духовного влияния. Основу этой системы Герцен видел в утверждении

абсолютного антагонизма между душой и телом. Эту двойственность русский философ определял, как проявление ханжества и лицемерия.

В отличие от сторонников западничества Чаадаева и Герцена, основатели славянофильства А. Хомяков и И. Киреевский предприняли попытку выразить истинное значение православной веры. Для Хомякова Церковь – это всеобъемлющее и абсолютное единство людей в вере и любви к Богу. Вера пронизывает всю жизнь человека, даруя ему успокоение, защиту и духовное единение с Богом.

Вера и реальные дела человека должны составлять некую гармонию, они не мыслимы друг без друга. Вера выступает как нравственное начало, как сила, просвечивающая каждое действие человека. Разум подсказывает как необходимо поступить, воля помогает личности достичь цель, но только вера способна дать оценку всем действиям. Мыслитель утверждал, что сила разума заключается в стремлении постичь смысл жизни, а в этом ему помогает вера.

Хомяков выделял две различные мировоззренческие установки «кушитство» и «иранство». Кушитство лежит в основе западных форм религии и заключается в господстве логически – рассудочного начала. Иранство способствует развитию гармоничной связи разума и веры, и является источником зарождения Православия как наиболее чистой духовной формы христианства.

Для выражения духовного единства людей в Церкви, мыслитель использовал понятие «соборность». Соборность – это мистическое единство, как живых, так и умерших, не признающее никакого авторитета в вере и любви к Богу. Русский философ писал: «Церковь называется единою, святою, соборною (кафолической и вселенской), апостольской, потому что она едина, свята, потому что она принадлежит всему миру, а не какой-нибудь местности, потому что ею святится все человечество и вся земля, а не один какой-нибудь народ или страна; потому что сущность ее состоит в согласии и в единстве духа и жизни всех ее членов, по всей земле признающих ее: потому, наконец, что в писании и учении апостольском содержится вся полнота ее веры, ее упований и ее любви». [4, с. 240] В основе соборности лежит свободное объединение всех индивидуальностей, стремление к познанию истины, активный выбор между добром и злом.

Киреевский поднял вопрос о сущности христианства. По его мнению, заслуга, и в тоже время главная задача православной веры, состоит в сохранении целостности человеческой жизни. Разделение духовных способностей человека способствовало развитию науки и техники Западной Европы, но, в конечном итоге, привело к кризису культуры. Русский мыслитель пришел к выводу, что западное общество утратило смысл своего существования, а русскому обществу, необходимо, искать другие пути духовного становления. Путь спасения заключается в осознании сущности истинного знания, основу которого составляет синтез всех типов отношения человека к миру, в том числе и религиозное. Религиозное знание, по своей природе – это процесс познания Бога, ощущения единства с ним.

Христианство не разрушает веру личности в свои силы и возможности, а даже, наоборот, укрепляет их. Православие всегда воспитывало в человеке уверенность в своем творческом потенциале, так как этим качеством наградил личность Бог. Киреевский подвергал критике католическую веру за ее стремление противопоставить и ограничить сферу взаимодействия человека с окружающим миром, представляя его как нечто чуждое духовному порыву. Однако без взаимодействия с миром, как указывал русский мыслитель, не представляется возможным достижение целостности человеческой жизни, но, к сожалению, решить эту задачу могут не многие.

Славянофилы определяли католицизм как отход от истинного пути веры, выступая против объединения восточно-православного мира с миром западно-католическим. Только на Востоке, в России возможна реализация нравственных принципов христианства, тогда как западная культура их разлагает в угоду материальной выгоде.

Следует отметить, что славянофилы, первыми обратили внимание на отличие русского Православия от своего предшественника – византийского. Основу различия составляет отношение к образу Иисуса Христа. В византийской традиции Христос предстает как всемогущий Бог, как объект поклонения. В русском Православии, акцент переносится на земные качества Иисуса, на его страдания и желание пожертвовать собой ради спасения других людей.

Большое значение роли Православия и его предназначения предавал В. С. Соловьев. Как и большинство русских философов, оценку православной вере он дал через анализ и противопоставление ее вере католической, но, в отличие от других, предпочтение русский философ, по крайней мере, первоначально отдавал католицизму.

Соловьев считал, что главная ошибка славянофильства заключалась в их одностороннем отношении к католицизму. На Востоке русский мыслитель видит исключительно созерцательную форму молитвенной религиозности, тогда как на Западе вера носит активно трудовой характер. На Востоке отсутствует такая организация церкви, без которой невозможно проявление активного, и в

чем-то воинствующего, отношения к вере в Христа. На Западе такая организация есть, поэтому, как считал мыслитель, католическая церковь едина, в ней не возможен раскол и нет препятствий для осуществления идеи богочеловечества.

В католицизме, Бог – объект, он вне человека и над ним. Человек тянется к Богу, испытывая томление и влюбленность. В Православии же, Бог – субъект внутри человека. Здесь Бог нисходит до человеческой личности, и человек воспринимает Бога без должного томления и чрезмерной влюбленности. На христианском Востоке активность веры направлена внутрь, на просветление человеческого духа, природы. На Западе активность веры распространяется во вне, на развитие культуры. Восточное Православие не способствует творению истории, оно направлено на творчество новой природы человека во Христе, поиску возможностей духовного совершенства личного начала. Восток более антропологичен, но Запад проявляет больше мужества. Восток воспитывает отношение к Богу, Запад – не только к Богу, но и к миру.

Восточно-православная вера, как считал Соловьев, есть вера основанная на слиянии с Богом. В этом, по его мнению, заключается миссия Востока, и в этом его религиозная сила. Только православный Восток хранит тайну единения человека с Богом, тогда как католицизм эту тайну утратил. На Западе, как бы человек не стремился к Богу, он не приближается к нему, оставаясь вне него. Историческая правда, как подчеркивал мыслитель, заключается в том, что западный путь постижения Божественных деяний является ограниченным, поэтому Запад все более отходит от истин веры, изменяет им. «Существенная ложность этого пути заключается в том скрытом неверии, – писал Соловьев, – которое лежит в его корне» [2, с.128]. В последний период своей жизни у Соловьева меняется отношение к проблеме соотношения православной и католической веры. Русский мыслитель пришел к выводу, что историческое развитие католицизма было связано с отождествлением церкви с божественным царством на земле, с Градом Божьим. Этот процесс идет еще от Августина Аврелия, который видел в церкви начало тысячелетнего царства Христа. Это притязание, по мнению русского мыслителя, затруднило в католическом мире понимание возможности зарождения Града Грядущего, а, в конечном итоге, пророческого будущего.

В православии есть идея возможной осуществленности царства Божьего, поэтому на Востоке рождается осознание будущего, способствующее формированию пророческого духа. Этот дух, как считал русский мыслитель, и лежит в основе великой миссии России и православия в деле построения и осуществления грядущего Божьего царства на земле.

«Новым религиозным ренессансом» назвал Н. А. Бердяев начало двадцатого века. Именно в этот период, по мнению русского философа, возникают и развиваются новые религиозно- философские течения, для которых характерны поиск и переосмысление значения православной веры. Наиболее яркими представителями этих течений Бердяев считал С. Булгакова и П. Флоренского.

Задачу своих философских взглядов Булгаков определял, как ответ на вопрос о возможности обретения личностью смысла религиозной веры. Вера – это основа постижения человеком своих духовных возможностей, она сильнее и глубже знания. Знание, по своей сути, каким бы сильным оно не было является актом постижения самого себя. В религиозном переживании человек постигает Бога, соприкасается с миром безграничным во всех отношениях.

Булгаков подробно исследует религиозные догматы, которые, по его мнению, составляют основу любой религии. Заслугу православия он видел в разработке проблемы акта творения. Творение – это не только пример проявления всемогущества Бога, но и проявления любви. Творение совершается ради наслаждения бытием сотворенного, и в этом проявляется любовь Бога, его жертвенность.

Творение мира происходит из «ничего» оно не предполагает источников зла, поэтому «райское» существование мира или София совершенны. София – это отражение любви к Богу, она, выражая вечную женственность, является четвертой ипостасью Бога. В ней находит свое выражение красота и гармония, мудрость и величие Бога в процессе творения.

Процесс творения предполагает вступление человека в права владения миром, но несостоятельность человека на этом сложном пути потребовали от Бога большей активности, каковой стала жизнь Иисуса Христа.

«Позицией стилизованного православия» назвал Н. Бердяев религиозно-философские взгляды П. Флоренского. В своей книге «Столп и утверждение истины» Флоренский указывал, что идея святой Софии выражает путь познания через любовь. Только благодаря любви возможно истинное познание. Но что такое истина? Истиной нельзя обладать как предметом, ею надо быть. Истина – это не просто процесс познания, она имеет онтологическое значение, выступая как акт веры и любви.

Вера начинается там, где проходит граница между непознанным и тайной, поэтому вера сверхразумна. Тайна не подвластна науке и в этом отличается от непознанного. Разуму доступно

многое, но не все. Он не в состоянии проникнуть в смысл деяний Бога, поэтому без веры не возможно постижение тайны божественного.

Главная задача, которую ставил Флоренский, заключалась в стремлении оправдать значение православной веры перед наступлением нового типа рационального мышления, характерного для XX века. Европейское «просвещение», по мнению русского мыслителя, ведет к «духовному опустошению» человека, а в результате – к утрате благоговения перед Богом. Необходимо вспомнить то время, когда вера внушала страх за возможность греховного действия. Грех связан с распадом души. Только обновленная церковь может спасти человека, дать ему творческий импульс и сформировать истинное направление его духовных поисков.

Философскую позицию С. Л. Франка можно определить как критическое отношение к догматическому христианству. По его мнению, догматизм искажает истинную суть православной веры и мешает правильной оценке взаимоотношения веры и культуры. Смысл веры, как считал русский философ, заключается в понимании, что религиозное чувство и умонастроение есть осознание конечных целей и высших ценностей человеческой жизни. Франк определял веру как форму индивидуальных переживаний, в конечном итоге, отвергая главенствующее значение церкви в развитии религиозных чувств. В тоже время он утверждал, что мысли отдельного человека, какими бы глубокими они не были, остаются односторонними, поэтому все-таки необходимо сочетание личных чувств с традиционной религиозной жизнью. «Высшее назначение человеческой жизни, - писал Франк, - состоит, правда в том, чтобы благодатные духовные силы сполна овладели человеческой природой и насквозь пропитали ее – и, следовательно, в том, чтобы «мир» без остатка растворился в церкви»[3, с.199].

Бог – это единство всемогущества и всеблагости. Человек стремится к Богу, потому что верит, что добро – это не только всеобщее начало, но и истинная реальность, обладающая полнотой бытия. В основе веры, как считал русский философ, лежит чувство благоговения перед Богом. Благоговение – это процесс постижения любви через страх, их единство. С одной стороны, люди испытывают страх перед непостижимостью Бога и сферы запредельного, с другой - любовь к Богу изгоняет страх, покаяние человеческую душу.

Наш разум требует подтверждения, доказательства, что в бытии есть смысл, и Бог реально существует. Вера как «уверенность в невидимом» свидетельствует о том, что она расходится с фактами чувственного познания и превосходит логическую убедительность. Вера не должна быть «слепой», иначе она превращается в рабское поклонение авторитету. Вера – это выражение готовности человека принять высшую очевидность, понять высшую истину, ведь ей является Бог.

Бог – это непостижимое, но в тоже время, будучи таковым, он приоткрывает себя, воспринимающему его человеку. Франк подвергал критике католицизм, за стремление построить «преграды» между действиями человека и его стремлением к постижению Бога. Вера без активности «мертва», ибо она предполагает внутреннее напряженное действие. В этом действии проявляется отличие и, одновременно, разрешение противоречия между истинной жизнью и простым существованием. Только активные люди могут уничтожить в себе «тварность» и приблизиться к божественному. В этом заключается путь постижения религиозных основ жизни. Вера способствует осознанию человеком своей принадлежности к всеобщему всеединству, истинному смыслу жизни.

Развитием «нового религиозного сознания» назвал свою философскую систему Н. Бердяев. «Новое религиозное сознание», у истоков которого стоял Д. Мережковский, можно определить как совокупность религиозно философских учений, которые своей задачей видели духовное возрождение России на основе создания «религиозной общественности».

Бердяев отмечал, что в русском православии есть три течения, которые, то сливаются, то развиваются в противоположных направлениях. Первое течение, выразителем идей которого в девятнадцатом веке был Феофан Затворник – аскетически-монашеское. Это традиционное в православии направление, опираясь на древневосточные традиции, склоняется, по мнению русского философа, к утверждению, что христианство есть религия индивидуального загробного спасения. Второе течение – русский космизм, ставящий вопрос о мировой душе, как выражении премудрости Бога. Третьим течением, не менее характерным для православия, является антропологически-эсхатологическое, связанное с проблемой человека и его предназначением в мире. Яркими представителями этого течения Бердяев считал Ф. Достоевского и В. Соловьева.

Русский философ подчеркивал, что христианство – это прежде всего религия богочеловеческая. Бог рождается в человеке, но и человек рождается в Боге. Бог ожидает от личности проявления творческой активности и свободного выбора. Тайна веры заключается в том, что человек не свободен в своей попытке отрицания чувственного мира, но он свободен в отрицании Бога. Бог сотворил

человека по своему образу и подобию, наделив личность свободой действия и творческой активностью, а не стремлением к рабскому поклонению. «Свобода есть не право, а обязанность христианства. Не человек требует от Бога свободы, а Бог требует от человека свободы», - писал русский мыслитель [1, с.12]. Нет гарантии существования Бога, поэтому человек имеет возможность в этом сомневаться. Бог не принуждает себя признавать, как к этому принуждают материальные предметы. Бердяев придерживался точки зрения, что все доказательства бытия Бога не только совершенно не нужны, но и вредны. В понимании реальности Божественного мира важны не доказательства, а духовный опыт, который составляет основу веры.

Бердяев – сторонник апофатической теологии. Он отрицал не только возможность построения онтологии Бога, но и его определение с помощью рациональных понятий. О Боге можно говорить только языком символики внутреннего, личного опыта. Бог есть Дух, основным свойством которого является свобода. Духу противостоит природа, поэтому в природе свободы нет. Русский философ пришел к выводу, что связь человека с Богом не природно-бытийственная, а духовно-экзистенциальная.

Значение христианства, как считал философ, заключается в совершенной им революции. Оно освободило народ от неограниченной власти государства и общества, от их духовного диктата. Христианство открыло в человеке духовное начало, зависимое от Бога и ведущее к нему, но в своей исторической судьбе христианство искажалось, склонялось перед государственным строем, отрицалось и преследовалось. В конечном итоге, это и привело, как к утверждению капитализма, так и оправданию коммунизма. До той поры, отмечал Бердяев, пока христианская вера будет рассматриваться как религия спасения, кризис христианства будет продолжаться. В этой связи, по его мнению, важным является торжество специфической идеи русской религиозной философии, идеи «соборности».

Философ подчеркивал, что соборность – это религиозный коллективизм, отличный от знакомых Западу категорий авторитарности и индивидуализма. Соборность не выразима ни в каких рациональных или юридических понятиях, да и в традиционном православном богословии ее определение отсутствует. Соборность есть духовное сообщество, сообщество таинственное, состоящее из живых и мертвых. Это общество, соединенное любовью Христа, не знающее принуждения и не признающее роли авторитета. Соборность, по мнению Бердяева, выражает основной мотив русской православной мысли – ожидание наступления Царства Божьего на Земле.

Вне связи русской философии и православной веры трудно оценить и понять русскую культуру в целом. Идеи всеединства, соборности, святой Софии не могли быть рассмотрены ни с точки зрения католицизма, ни с точки зрения протестантизма, для их рассмотрения требуется совершенно другой духовный опыт.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Очерки о русской философии. В 2-х т. / Н. А. Бердяев. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 240 с. - Т.2.
2. Соловьев, В. С. Избранные произведения / В. С. Соловьев. – М.: Мысль, 2003. – 345 с.
3. Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. - Нью-Йорк: Посев, 1988. – 316 с.
4. Хомяков, А. С. Избранные произведения. В 2-х т. / А. С. Хомяков. - М.: АСТ, 2010. – 445 с.- Т.1.

Статья поступила в редакцию 23.04.2019

Chugunov, S. V. Russian Philosophy on the Meaning of the Orthodox Faith.

The article is devoted to the role and significance of the Orthodox faith in the process of the formation of the Russian philosophical culture. The main attention is paid to the analysis of various approaches to solving this problem in our philosophy. The author concludes that faith is considered as a process of realizing the future and the basis of a person's spiritual strength.

Key words: Orthodoxy, faith, man, God, Christianity.

Научное издание

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов
Выпуск 13
2019

Под общей редакцией *Е. Н. Максимовой*

Составление, верстка, оригинал-макет – *А. А. Ковалевский*

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Гагарина, д. 13,
каб. 3.7 E-mail: iorbook@sevsu.ru
URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-64133 от 25.12.2015. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Подписано в печать 01.04.2019. Формат 60×84/8. Заказ № 42/19.
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в
РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7